

ВЪ КАЖДОМЪ СОСТОЯНІИ

МОЖНО ДѢЛАТЬ ДОБРО.

ВЪ КАЖДОМЪ СОСТОЯНІИ
МОЖНО ДѢЛАТЬ ДОБРО.

ШЕСТЬ ПОВѢСТЕЙ

для

юношества.

Л. Ярцовой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА,
въ Гостиномъ Дворѣ, № 19.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5 марта, 1859 года.

Цензоръ *И. Гончаровъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ нашей великолѣпной столицѣ жила скромно и уединенно одна благородная вдова, умная и добрая мать семейства. Благоразумная Прасковья Михайловна, не увлекалась свѣтскою жизнію: всѣ силы ума и всю нѣжность материнскаго сердца посвятила она воспитанію своихъ дѣтей, сына Владиміра и дочери Елисаветы. Съ ними жила также родная ихъ тетка Варвара Михайловна, которая по слабости своего здоровья никуда не выѣзжала, даже церковь рѣдко посѣщала, — это сильно огорчало ее, привыкшую къ христіанской благочестивой жизни.

Прасковья Михайловна, желая облегчить горесть любимой своей сестры, распорядилась, чтобы дѣти, бывая каждое воскресенье у обѣдни, замѣчали, какое читалось Евангеліе и Апостолъ въ тотъ день, и возвратившись домой, прочитывали больной теткѣ то и другое.

Исполнить это не составляло большой трудности для умныхъ и послушныхъ дѣтей, потому что они привыкли съ благоговѣніемъ стоять во храмѣ Божіемъ и старались не только думать о томъ, что̀ слушали въ Церкви, но и разсуждать объ этомъ за чаемъ, который всегда пили послѣ обѣдни, обращаясь къ Варварѣ Михайловнѣ съ просьбами, чтобы она объяснила имъ то, чего сами они не могли хорошенько понять.

— Сегодня читали мое любимое Евангеліе, — сказала Лиза, — а именно, о наградѣ праведныхъ. Съ какой радостію услышатъ они слова Спасителя: „Пріидите благословенные Отца Моего, наслѣдуйте уготованное

„вамъ царствіе отъ сложенія міра.“ — (Мат. 25, 34.)

— Да, милая Лиза, и я подумалъ, какъ они будутъ счастливы!—прибавилъ Володя;— но только жаль, что не всѣмъ это возможно.

— Почему же не всѣмъ, другъ мой? спросила Варвара Михайловна.

— Потому, милая тетенька, что напримѣръ бѣднымъ людямъ и нищимъ, которыхъ такъ много, трудно заслужить этихъ утѣшительныхъ наградъ.

— Что̀ это, Володя? я не понимаю, что̀ ты хочешь сказать,— спросила съ удивленіемъ Лиза.

— Какъ же, душенька, ты сама знаешь, что у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни собственнаго дома.

— Но къ чему тутъ деньги и домъ, Володя?

— А какимъ же образомъ исполнить тѣ добродѣтели, за которыя обѣщана эта великая

награда, выраженная напримѣръ въ этихъ словахъ: „Взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте мя." — (Мат. 25, 34.) Вѣдь это значитъ, что должно накормить и напоить того, кто голоденъ?

— Да, конечно.

— А потомъ далѣе: „Страненъ бѣхъ, и введосте меня: нагъ, и одѣясте мя."—(Мат. 25. 34.) Это значитъ, чтобы всякаго страннаго человѣка ввести въ домъ свой, и если кто нагъ, то одѣть его, дать ему платье.

— Точно такъ.

— Положимъ, что сказанное далѣе могутъ исполнить даже и бѣдные, напримѣръ: „Боленъ и посѣтисте мене: въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ." Конечно на это надобно только одно доброе сердце; — прочее же все могутъ дѣлать одни богатые. Не правда ли, что одѣвать бѣдныхъ, то есть шить имъ платье, на это надобны деньги, а для принятія странника,— собственный домъ свой; у нищихъ ничего этого нѣтъ.

— Не совсѣмъ такъ, дружекъ мой; можно все это исполнить, не имѣя ни того, ни другаго.

— Какъ же это, милая маменька?

— Сейчасъ объясню тебѣ эту возможность, и не одними словами, а истиннымъ происшествіемъ, которое случилось на глазахъ моихъ. Когда я была еще ребенкомъ, какъ ты, Володя, я не могла понять словъ маменьки, что во всякомъ состояніи можно дѣлать добро, но слова ея вскорѣ подтвердились событіемъ. — Давно хочу прочесть вамъ, дѣти, тетрадку, которую составила еще въ молодости, записывая все достойное примѣчанія. —Между тѣмъ прикажите скорѣе подавать самоваръ; Лиза напоитъ насъ чаемъ, а ты, Володя, пріищи текстъ сегодняшняго Евангелія и Апостола и прочти ихъ тетенькѣ.

Проворно принялись дѣти за исполненіе приказаній доброй ихъ маменьки, и когда все было

кончено, Евангеліе и Апостолъ прочтены, чай убранъ, то придвинули столъ къ кровати больной тетки, дѣти притомъ спѣшили принести свои работы.—Надобно однако сказать, что̀ это была за работа, которая въ благочестивой семьѣ нашей дѣлалась по воскресеньямъ и называлась безгрѣшною: она состояла изъ разныхъ рукодѣлій для бѣдныхъ или украшеній для церкви. Лиза изъ недорогой матеріи шила платьица для бѣдненькихъ дѣвочекъ, иногда же рубашки для старушекъ и странниковъ въ богадѣльню; въ этомъ ей помогали мать и тетка. Владиміръ же очень искусно вырѣзывалъ разныя цвѣты и арабески изъ дерева и послѣ наклеивалъ на приготовленныя столяромъ рамы, даже выучился и золотить ихъ; искусная работа его цѣнилась довольно дорого и ему охотно заказывали рамы къ образамъ и картинамъ. Вырученныя за это деньги откладывались въ особый ящикъ съ присоединеніемъ тѣхъ, которыя получали мать, сестра и тетка, продавая также свои рукодѣлья: за

вышиванье по канвѣ, вязанье и прочее. Такимъ образомъ составлялась порядочная сумма, на которую покупали холстину, выбойку, сукно и прочее, словомъ всѣ матеріалы, такъ что ихъ собственными трудами одѣвалось иногда цѣлое семейство. Эту именно работу прозвала Прасковья Михайловна безгрѣшною и позволила заниматься ею по воскресеньямъ и праздникамъ. Въ то время, когда кто нибудь изъ нихъ читалъ жизнь святаго того дня, объясненія праздника или другую нравственную книгу, заботливая мать не позволяла дѣтямъ сидѣть сложа руки и они, привыкнувъ къ труду, съ охотою исполняли ея приказаніе, и какъ скоро переставали играть, тотчасъ сами искали занятія.

Такимъ образомъ и въ этотъ день всѣ сѣли къ столу съ своею работою. Лиза шила теплую шапочку на зиму одной бѣдной старушкѣ; Володя вырѣзывалъ виноградные листы на кусочкѣ дерева, чтобы составить раму по заказу въ церковь; тетка вязала чулки также

для продажи, и на вырученныя деньги покупала масло для лампадъ передъ образами или раздавала нищимъ; а мать ихъ, отыскавъ свою тетрадку, сѣла съ ними и начала ее читать.

НИЩАЯ.

НИЩАЯ.

Мнѣ было лѣтъ пятнадцать, когда родители мои, возвратясь изъ дальней губерніи, поселились въ Петербургѣ. Квартира наша была близъ Владимірской церкви. Посѣщая этотъ храмъ, мнѣ случилось встрѣтить тамъ такихъ людей, которые не только словами, но и дѣлами доказали справедливость той истины, что дѣлать добро возможно всякому.—Вотъ въ короткихъ словахъ разсказъ объ этомъ происшествіи.

Однажды въ воскресенье отправились мы пѣшкомъ къ обѣднѣ, и такъ какъ маменька любила приходить до начала службы, то мы тотчасъ же, какъ услышали благовѣстъ, отправились и пришли въ церковь очень рано.

Маменька была этимъ очень довольна, тѣмъ болѣе что могла выбрать для себя отдаленный спокойный уголокъ, откуда хорошо было слышно, что поютъ и читаютъ. Такъ случилось и въ этотъ памятный для меня день. Мы вошли въ церковь, когда еще не много было народу, и потому свободно пробрались къ стѣнкѣ, гдѣ были сдѣланы лавочки. Хотя маменька не любила сидѣть въ церкви и меня пріучила къ тому же; но такъ какъ пришли мы очень рано, то и могли отдохнуть на лавочкѣ въ ожиданіи службы да къ тому же и положить наши шубы. Маменька не любила водить съ собою человѣка только для того, чтобы навьючить его своими салопами, и если онъ иногда сопровождалъ насъ, то могъ свободно молиться Богу.

Войдя во храмъ Божій, какъ слѣдовало, съ благоговѣніемъ и съ молитвою въ душѣ, помѣстились мы преспокойно на отдаленной лавочкѣ подлѣ двухъ бѣдненькихъ старушекъ. Передъ нами очень близко сидѣла на полу дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и очень усердно молилась. Маменька, будучи чрезвычайно добра, сказала дѣвочкѣ:

— Встань, душа моя, и лучше сядь вотъ здѣсь; на лавочкѣ будетъ мѣста и намъ и тебѣ.

— Благодарствуйте, сударыня, — отвѣчала дѣвочка кланяясь головою до полу: — мнѣ хорошо и тутъ.

— Но полъ каменный очень холоденъ, ты можешь заболѣть, душа моя.

— Нѣтъ, Богъ милуетъ, сударыня; много лѣтъ сижу я такъ, однако жива и здорова; да еще грѣшница и во время службы Божіей не могу стоять, какъ всѣ православные, а сижу сиднемъ. Ноги не дѣйствуютъ, добрая барыня. Не знаю, какъ и благодарить Господа и за то, что допускаетъ такой калекѣ быть у обѣдни въ Его святомъ храмѣ.

— Какъ же ты пришла сюда? спросила мама дѣвочку.

— Матушка притащила на салазкахъ до церкви.

— Чѣмъ же ты живешь?

— Милостынею добрыхъ людей, моя сударынька; питаемся кое-какъ съ матушкой. Много добрыхъ людей на бѣломъ свѣтѣ; не

допустятъ они, чтобы бѣдные люди умирали съ голоду.

— Какъ тебя зовутъ?

— Аннушкой, сударыня.

— Родители есть у тебя?

— Одна только матушка, а батюшка померъ; мы остались однѣ на чужой сторонѣ, безъ роду и племени.

— Развѣ ты не здѣшняя?

— Нѣтъ, сударыня Матушка моя пришла сюда изъ-далека, изъ какого-то города Тобольска,

— О! конечно далеко, это въ Сибири.

— Точно, сударыня. Матушка всегда говоритъ, что мы сибирячки.

— Ты помнишь Тобольскъ?

— Нѣтъ, сударыня. Матушка принесла меня сюда годовую.

— Ты вѣрно хотѣла сказать привезла?

— О, нѣтъ боярышня; — ѣхать ей было не на чѣмъ. Когда покойнаго батюшку сдали въ нѐкруты и послали сюда, тогда и матушка не захотѣла оставаться на родинѣ, покинула свою родимую сторону, взяла меня на руки и пошла въ Питеръ....

— Пѣшкомъ? такъ далеко!....

— Да, сударыня; но я не умѣю такъ складно разсказать, какъ говоритъ матушка; она пересказываетъ до того жалостно, что каждый разъ прошибутъ слезы.

Въ эту минуту начали читать Часы, мы встали и разговоръ прекратился. Номнѣ очень хотѣлось знать, какимъ образомъ мать Аннушки могла прійти одна изъ такого дальняго мѣста.

Какъ только кончилась обѣдня, я подошла къ дѣвочкѣ и, давая ей нѣсколько мелкихъ денегъ, спросила ее, какъ она пойдетъ отсюда?

— А вотъ какъ, добрая барышня; я приползу къ дверямъ, тамъ между нищими стоитъ моя матушка, она посадитъ меня на салазки и повезетъ домой; мы живемъ близехонько.

Слушая эти слова, маменька подозвала меня надѣть шубу и сказала тихонько:

—Знаешь ли что, Пашенька, пойдемъ за этой дѣвочкой къ ней на квартиру; мнѣ давно хочется показать тебѣ, какъ живутъ бѣдные,— хочешь ли ты?

— О! да, милая маменька, и тамъ попро-

симъ мать Аннушки разсказать намъ о своемъ житьи-бытьи.

Мы поспѣшили за дѣвочкой, которая далеко уже отползла во время нашего разговора. Глазами слѣдовали мы за нею; она остановилась подлѣ одной изъ нищихъ, блѣдной и худой женщины, раздѣлявшей деньги другимъ нищимъ. Это удивило меня: я посмотрѣла на маменьку.

— Подойдемъ ближе, сказала она; эта женщина вѣрно мать Аннушки.

— Не можетъ быть, мамаша: видите, она раздаетъ деньги нищимъ, а та сама нищая.

— Нужды нѣтъ, душа моя; я догадываюсь, что̀ это значитъ; посмотри, что̀ дальше будетъ.

Маменька, вынувъ изъ кошелька двугривенный и показывая его старикамъ и старухамъ въ лохмотьяхъ, спросила, кому изъ нихъ отдать, чтобы размѣнялъ и раздѣлилъ всѣмъ.

— Отдай, матушка, вотъ этой женщинѣ, отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ, показывая на ту, о которой мы говорили. — Она раздѣлитъ вѣрно и никого не обидитъ.

Маменька подала ей свои деньги, сказавъ мнѣ:

Вотъ первый отвѣтъ на твое недоумѣніе; ты видишь нищую, въ добротѣ и честности которой увѣрены многіе.

— Да, милая маменька; я сама подумала объ этомъ, и мнѣ кажется, что она мать Аннушки.

— Точно, сударыня, это моя ненаглядная матушка, сказала дѣвочка, сидѣвшая на полу. Между тѣмъ какъ та, подойдя къ столу, гдѣ продаютъ свѣчи, принялась снова мѣнять деньги и обдѣлила ими всѣхъ нищихъ.

— Да оставь же, Гавриловна, себѣ хоть одинъ грошикъ, — сказали нѣкоторыя изъ толпы.

— Полно съ меня, голубушки, отвѣчала женщина: — давича, когда добрый господинъ подалъ цѣлковый, я удѣлила и себѣ гривну; а теперь не возьму, вамъ недостанетъ.

Маменька опять на меня посмотрѣла; мы понимали другъ друга. Дѣйствительно никакая бѣдность не мѣшаетъ быть добрымъ и честнымъ.

Обдѣливъ нищихъ, эта женщина вышла на крыльцо и, посадивъ Аннушку въ салазки, повезла вдоль улицы; мы послѣдовали за ни-

ми, и маменька чрезмѣрно обрадовала обѣихъ, сказавъ, что мы зайдемъ къ нимъ въ гости.

Скоро подошли мы къ большому каменному дому. Сквозь высокую стеклянную дверь видно было каменное богатое крыльцо, устланное коврами. Я удивилась, что нищіе наши живутъ въ такомъ великолѣпномъ домѣ. Но женщина, высадивъ Аннушку на тротуаръ, просила насъ идти за нею; дѣвочка проворно приползла къ небольшой лѣстницѣ ведущей внизъ, мы послѣдовали зо нею и очутились въ небольшемъ четыреугольномъ чуланѣ, въ которомъ было и холодно и сыро. Съ перваго разу я не могла ничего разглядѣть, потому что въ этомъ бѣдномъ жилищѣ, освѣщенномъ однимъ только маленькимъ окномъ, заслоненнымъ противоположнымъ строеніемъ, царствовала совершенная темнота. Скоро однакожъ глаза мои привыкли къ темнотѣ, и я могла разсмотрѣть внутренность комнаты. Глазамъ моимъ представилась очень неотрадная картина. Въ углу направо отъ входа стояла русская печь, и въ ней чуть-чуть горѣлъ огонекъ; подлѣ стѣнъ устроены были деревянныя лавки, а въ переднемъ углу помѣщался столъ и надъ нимъ кивотъ съ образами, передъ которыми теплилась лампада. У противоположной стѣны стоялъ родъ широкой кровати, сложенной изъ нѣсколькихъ, досокъ сплошь, положенныхъ съ лавки на скамейку. На кровати разостланъ былъ тюфякъ, набитый соломою, которая торчала въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Онъ прикрытъ былъ старымъ выбойчатымъ одѣяломъ; невдругъ примѣтила я, что на кровати подлѣ самой стѣны лежало подъ овчиною шубою какое-то живое существо, по своей наружности мало походившее на человѣка. Какъ только одѣяло съ овчиннымъ тулупомъ откинулось, оттуда высунулась исхудалая рука, съ длинными пальцами обтянутыми желтою, сморщенной кожею; потомъ показалась голова и, — представьте мое удивленіе, — я увидѣла худую, чуть живую старуху, и только по ея глухому кашлю я узнала, что она еще жива: — такъ мертво было ея лицо, сухое и блѣдное, такъ глубоко впали совершенно потухшіе глаза. Боже мой! подумала я, — вотъ еще и больная въ такомъ холодномъ, сыромъ чуланѣ; какъ же сравнить нашу жизнь съ ихъ труднымъ существованіемъ.

Между тѣмъ хозяйки засуетились: мать сняла съ насъ салопы и, отодвинувъ столъ, попросила садиться въ передній уголъ; дочь на полу подлѣ низенькой печи торопилась разводить огонь, проворно расколовъ лучину, подложила нѣсколько дровъ, или лучше сказать прутьевъ, которые будучи сыры, худо горѣли, такъ что она принуждена была вмѣсто мѣха ртомъ раздувать угли; потомъ проворно подползла къ ведру съ водою и налила ее въ кострюлю и, также скоро возвратясь къ печи, поставила ее на огонь. А мать ея между тѣмъ вынула изъ небольшаго шкапика простой фаянсовый чайникъ съ отбитымъ рыльцемъ, выполоскала и положила въ него щепоточку чаю; достала изъ жестянки нѣсколько кусковъ сахару и, накрывъ столъ очень толстою, но чистой скатертью, поставила на него старый, полинявшій подносъ съ двумя чашками, на разныхъ блюдечкахъ.

— Извините, сударыня, сказала Марья, такъ звали хозяйку:— лучшаго прибору у насъ нѣтъ.

— Напрасно ты такъ хлопочешь, моя милая, — отвѣчала маменька: гости назвались сами, могли бы обойтись и безъ чаю.

— О, нѣтъ сударыня, это намъ будетъ обидно; послѣ обѣдни можетъ быть вы еще ничего и не кушали.

— Это правда, моя милая, — и я съ большимъ удовольствіемъ выпью чашку чаю, сказала маменька, желая доставить удовольствіе хозяйкѣ.

— Охъ! не очень-то онъ будетъ хорошъ; но вы такія добрыя, что не взыщите.

— Чаю,— да, нехудо промочить горлышко! сказала старуха въ углу, охриплымъ голосомъ.

— Сейчасъ, бабушка, сейчасъ отвѣчала дѣвочка; вода кипитъ, дадимъ тебѣ чайку, даже и кусочикъ булочки вчерашней.

— Спасибо мое дитятко, спасибо; ты такая добренькая — сама не съѣшь, а мнѣ прибережешь; примолвила старуха: — наградитъ тебя за это царь небесный!.... а я старая еще прихотничаю..,. видишь захотѣли чаю.... охо, хо.... Кабы не вы добрые люди, давно бы я умерла съ голоду и холоду! продолжала старуха прерывающимся голосомъ; при этомъ она начала креститься изсохшей рукою. смо-

тря на образа, и слезы капали изъ ея потухающихъ глазъ.

— Полно, бабушка! сказала Марья: — ты каждый день говоришь одно и тоже, милость Божія не оставляетъ и насъ для тебя.

— Неужели она тебѣ бабушка? возразила мамаша.

— Нѣтъ, сударынька, я ее такъ называю по ея лѣтамъ.

— Однако она вамъ родня? —

Марья не отвѣчала, какъ будто не слышала моихъ словъ.

— Кто это говоритъ? спросила старуха: — чей такой пріятный, тоненькій голосокъ? Я отсюда не вижу. Подойди-ка сюда, если можешь ходить, кажись — это не Аннушка?

— Точно, милая старушка, это другая гостья, которая пришла къ Аннушкѣ; отвѣчала я, подойдя къ кровати.

— Вотъ такъ, моя желанная, — по ближе; да какая же ты нарядная, точно барское дитя. Но хотя бы и такъ, то ничего, не бойся моей старости и нищеты; не всегда-то была я такая.... Охти матушки!.... пожила я на бѣломъ свѣту..... а теперь пришлось горе мы-

кать; дай Богъ здоровье добрымъ людямъ, что еще призрѣли.

— Она тебѣ не родня?

— Нѣтъ, мое дитятко, совсѣмъ чужія.... присядь-ка на постель, я тебѣ все раскажу тихохонько..... они вѣдь не велятъ говорить объ этомъ, — продолжала старуха почти шепотомъ; вотъ изволишь видѣть, я была прежде богата, жила хорошо, носила платье цвѣтное, кофею и чаю пила сколько душенкѣ угодно, ничего не дѣлала, спала да полеживала; у меня были нанятыя работницы, все бывало только сижу да приказываю, словно барыня какая. Хоть мужъ-то мой былъ мѣщанинъ; да очень зажиточной и баловалъ меня такъ, что ужь и разсказать-то не съумѣю.

— Какъ же ты, милая, пришла въ такую нищету?

А вотъ сейчасъ разскажу, мое дитятко. Видишь, я ужь черезъ чуръ завеличалась да загордилась; а не мимо-то сказано, что гордымъ-то Богъ противится, — вотъ Господь-то и наказалъ меня. Сперва мужъ мой умеръ, а потомъ мужнины-то родные видятъ, что ничего не дѣлаю, да и дѣлать-то не умѣю, взяли

да и выгнали меня изъ дому и велѣли идти въ Богадѣльню; да какъ же я пойду? вѣдь и тутъ надобно хлопотать кому нибудь, съ улицы всякаго не примутъ.

Вотъ, не зная, куда приклонить мою горемышную головушку, вышла я на улицу; да отъ великаго-то горя такъ себѣ и повалилась на скамью у воротъ, — лежу да плачу..... Много людей прошло мимо: — никто не спросилъ, чѣмъ я такъ надрываюсь. Какъ то случилось тутъ же идти и доброй Марьи; она, моя голубушка, не прошла мимо, а тотчасъ остановилась, стала распрашивать причину моего великаго горя; узнала, что я безпріютная сирота, пригласила меня къ себѣ въ канурку; даже и постеленку-то мнѣ сколотила кое-какъ въ углу на лавкѣ, съ своей убогой дочечкой, а сама-то спитъ на войлокѣ на полу, и вотъ ужь другой годокъ пошелъ, какъ эти добрые люди поятъ и кормятъ меня, хоть и сами то нищіе, моя сударынька! Даже и чаю даютъ по воскресеньямъ и праздникамъ, а сами-то, и не попробуютъ, все берегутъ для меня, совсѣмъ чужой имъ старухи! А я то еще грѣшница до того роптала на Господа Бога, что,

видно, въ наказаніе постигла меня эта жестокая болѣзнь; свела, да скорчила во мнѣ всѣ жилочки, вотъ я лежу теперь какъ клубокъ: не могу расправиться. Конечно милосердый Господь послалъ на меня такую напасть, чтобы покаялась во грѣхахъ своихъ; лучше здѣсь пострадать, мое дитятко! — Только жаль, что немощами своими прибавляю заботы этимъ христіанскимъ душамъ; и въ баню-то добрая Марья носитъ меня на рукахъ, какъ своего ребенка; видишь, я изсохла, какъ щепочка.... О! ее ожидаетъ великая награда отъ Господа Бога....

— Полно, бабушка, толковать пустое, опять станешь кашлять; лучше выпей чайку, — сказала Марья, подавая мнѣ и ей двѣ чашки на подносѣ.

Старушка взяла съ радостію, пила и крестилась. — Маменька тоже слышала разсказъ старушки, потому что Марья въ это время уходила къ сосѣдкѣ попросить сливокъ къ чаю для насъ и отъ того не мѣшала свободно говорить старухѣ. Когда мы принялись пить чай, то намъ трудно было упросить хозяйку сѣсть рядомъ съ нами, — такое рабское сми-

реніе развила въ ней нищета, что она и на насъ, принимавшихъ въ ея положеніи горячее участіе, смотрѣла какъ на людей высшихъ ея, между тѣмъ, какъ она-то далеко превосходила многихъ своими чисто-христіанскими чувствами и поступками. Ей даже трудно было объяснить, что насъ не только не обижаетъ, а напротивъ радуетъ ея откровенное, дружеское обращеніе съ нами. Наконецъ мы усѣлись за чай, но ни мать, ни дочь, угощая насъ, не могли раздѣлить съ нами этого угощенія; у нихъ не было больше ни чаю, ни сахару, даже посуды; они ограничились своимъ обыкновеннымъ обѣдомъ — кускомъ чернаго хлѣба съ солью.

Послѣ непродолжительнаго обыкновеннаго разговора мы успѣли довольно сблизиться съ обитателями мрачнаго подвала и вызвали добрую Марію на подробный, чистосердечный расказъ о всѣхъ несчастіяхъ, какія преслѣдовали въ жизни этихъ бѣдныхъ женщинъ.

РАЗСКАЗЪ МАРЬИ.

Далеко, далеко отсюда, прошли года моего дѣтства, начала Марья, тяжело вздохнувъ. Не въ роскоши, но счастливо провела я свою молодость. Отецъ мой былъ мѣщанинъ города Тобольска; онъ имѣлъ небольшой домикъ и два огорода, — одинъ для себя, а другой для странника, по обыкновенію сибирскому.

— Что это значитъ, моя милая? спросила я Марью.

— А вотъ, что, барышня: въ нашей сторонѣ есть такое заведеніе, что всегда подлѣ семейнаго огорода отводился другой для странника, или пришельца; въ немъ сажали тѣ же самыя овощи, какъ и въ своемъ и также усердно полонили и поливали гряды, какъ и на своемъ огородѣ. Когда случалось какому нибудь бѣдному тамошнему жителю или страннику изъ далекихъ мѣстъ проходить мимо, то его всегда приглашали зайти въ огородъ, какъ въ собственный, гдѣ могъ онъ пользоваться овощами, сколько душѣ его было угодно, и еще взять нѣсколько и съ собою на дорогу.

На зиму же всѣ эти овощи сберегались также особо отъ прочихъ и употреблялись для раздачи бѣднымъ и заѣзжимъ людямъ. Такъ всегда велось у насъ въ Сибири съ незапамятныхъ временъ, и конечно за то Господь благословляетъ землю нашу плодородіемъ; голодныхъ годовъ тамъ никогда не знали. Уже послѣ, когда люди перемѣнились, иные нерадиво исполняли, другіе же и совсѣмъ бросили этотъ святой обычай, и въ Сибири стали проявляться неурожаи хлѣба и другія бѣдствія; въ старину же не было даже и слышно о такой напасти. На моей памяти началъ выводиться, почитай совсѣмъ, этотъ обычай, но въ семьѣ нашей онъ всегда свято соблюдался; родители мои старались обрабатывать огородъ для странниковъ еще усерднѣе, нежели собственный: они твердо вѣрили, что всякое добро пріятно Богу и что за него помилуетъ и благословитъ Господь всѣхъ насъ и всѣ труды наши. Это точно такъ и было: мы при небогатыхъ средствахъ жили въ полномъ довольствѣ. Къ тому же родители мои всегда были такіе работящіе и разсудительные, что многія и очень богатыя подруги завидовали мнѣ, когда бывало принаряжусь въ праздникъ; ни у одной изъ моихъ подругъ не было такой бѣлой, вышитой всякими узорами рубашки, какъ у меня; ни у кого не былъ такъ хорошо выкрашенъ алый или синій сарафанъ домашняго ремесла; всякія то краски умѣли составлять мы сами; никто не носилъ такія отличныя чоботки съ красными пяточками, какъ я,— а работалъ ихъ самъ мой дорогой батюшка, способный на все. Ни у кого не были такъ гладко и ровно разчесаны волосы, заплетены въ частую косу и перевиты пестрою лентою, какъ у меня, — а все это дѣлала для меня моя родимая матушка. По всему городу слыла я щеголихою, и теперь подъ старость могу сказать, что меня называли пригожей дѣвушкой, оттого что я всегда была весела и здорова, бѣла и румяна, что называется кровь съ молокомъ. Распѣвала бывало пѣсенки съ утра до ночи; однако всегда за работою, лѣниться мнѣ не давали. Вставала я всегда вмѣстѣ съ краснымъ солнышкомъ и тотчасъ принималась за рукодѣлье, потому что стараніемъ матушки я все умѣла сдѣлать и меня прозвали трудолюбивой Машей; я сама

все шила для моихъ родителей и себѣ успѣвала приготовлять наряды. Да, молодость моя была такая талантливая, такая счастливая, что хоть бы королевны какой, что въ сказкахъ разсказываютъ.

Въ 17-ть лѣтъ постигло меня первое горе: батюшка занемогъ и вскорѣ умеръ. Оставшись съ матушкою, я видѣла, какъ она грустила и, какъ говорится, таяла какъ свѣча, ослабѣвала день ото дня все болѣе и болѣе. Тогда почуяло мое сердечко, что прошло мое счастіе.... Однако мы съ матушкою хоть и плакали часто, но не смѣли роптать на судьбу свою, а молились Богу и благодарили Его за все. Тутъ милосердый Господь послалъ матушкѣ отраду; чрезъ годъ по смерти батюшки, матушка выдала меня замужъ за небогатаго, но молодаго парня, который понравился ей не тѣмъ, что пригожъ былъ собою, высокій и видный малый, а тѣмъ, что былъ работящь и кормилъ своими трудами больнаго отца, мать и сестеръ: къ тому же вся ихъ семья считалась доброю. Когда вышла я замужъ, мы всѣ поселились въ одномъ домѣ, я по совѣту матушки старалась угодить свекру и

свекрови, а также не ссорится съ заловками,— а въ нашемъ быту это часто случается. Меня полюбили въ семьѣ, и это такъ утѣшило матушку, что здоровье ея поправилось, и я снова зажила счастливо; мужъ любилъ меня и я его также: обѣ семьи жили вмѣстѣ и дружно. Потомъ у меня родилась дочка, та самая Аннушка, и бывало не только отецъ ея, ненаглядный мой Никифоръ Андреичъ, не налюбуется ею, но и у всѣхъ въ семьѣ нашей была она любимицей; тогда же ее обѣ ноженьки были здоровы, отецъ въ свободное время отъ работы носилъ ее на рукахъ, игралъ, да плясалъ съ нею; а я-то бывало не налюбуюсь обѣими и снова стала почитать себя таланливой королевной, какъ вдругъ обрушилась тяжкая бѣда надъ моей головою.... Слезы катяться изъ глазъ, когда только объ этомъ вспомню.... объявили наборъ.... прежнихъ стариковъ, уважавшихъ свекра моего за его честную душу, уже не было: одни померли, другіе разъѣхались опредѣлились; новые выборные, которыхъ подкупили богатые мѣщане — и сдѣлали такъ, что очередные ихъ сынки остались, даромъ что было у нихъ по

три и по четыре въ семьи; а нашего одинокаго кормильца, Никифора, моего ненаглядднаго, взяли и отдали въ некруты! Не знаю, какъ осталась я тогда жива; помню только, что когда старику свекру сказали, что сынку его забрили лобъ, то онъ какъ стоялъ такъ и брякнулся объ полъ и ужь не вставалъ, тутъ и душу Богу отдалъ. А я слегла въ горячку и долго лежала безъ памяти. Между тѣмъ нѐкрутъ угнали невѣдомо куда; два года не было никакой вѣсточки о моемъ бѣдномъ хозяинѣ; у меня глаза не высыхали отъ слезъ; такъ часто плакала, что чуть не ослѣпла, и одно только упованіе на Бога и непрестанная работа поддержали меня. Бывало работаю, работаю, да какъ зальюсь слезами, такъ что и руки опустятся, тогда кинусь на земь, примусь молиться и тотчасъ легче станетъ; какая-то отрада смягчитъ мое лютое горе! — Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Матушка, которая все хворала съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ батюшка, скончалась на рукахъ моихъ. Потомъ вскорѣ схоронила я и свекровь мою; бѣдная старуха недолго пережила мужа и разлуку съ сыномъ. Послѣ того обѣ мои золовки вышли замужъ и я осталась одна въ моемъ домишкѣ съ Аннушкой, которой было тогда по третьему году.

Вотъ прошла осень, наступила зима, я по прежнему маячила жизнь мою, работала, молилась и плакала. Такъ прошло много времени, какъ вдругъ въ одну морозную ночь постучался кто-то въ ворота; я тотчасъ вышла и увидѣла прохожаго, который просился погрѣться и переночевать. Въ Сибири никогда не отказываютъ прохожему; тотчасъ приняла я его къ себѣ, накормила какъ могла лучше, у меня много еще сохранилось овощей изъ огорода, назначеннаго для нищей братіи. Добрый старикъ отогрѣлся горячими щами, переночевалъ въ теплой конуркѣ и, вставъ по утру, не зналъ какъ и благодарить меня за такое, какъ онъ назвалъ, благодѣяніе. Жалко мнѣ стало отпустить его безъ хлѣба-соли, потому ранехонько напекла *шанекъ*, по нашему, наварила *пильменей*....

— Что это за кушанье?

— Шанги, сударынька, — это лепешки изъ пшеничной муки, помазанныя сверху творогомъ; а пельмени — ушки, сдѣланные изъ то-

ненькаго теста съ начинкою внутри и завареные въ кипяткѣ.

— Спасибо милая, продолжай пожалуйста разсказъ свой.

Во время этого простаго завтрака старикъ разсказывалъ мнѣ, что идетъ изъ-далека, что онъ уроженецъ славнаго города Питера, и многое другое; но видно, замѣтилъ, что я худо его слушаю, сижу пригорюнясь и едва смотрю на свѣтъ Божій. — Покачавъ головою, сталъ онъ распрашивать, что-то за кручина такая у меня на сердцѣ. Я заплакала и разсказала ему мое горе, что злые люди отняли у меня моего ненагляднаго хозяина, но какъ назвала его по имени и по отчеству, то старикъ всплеснувъ руками и вскрикнулъ: ахъ! голубушка, да вѣдь я его знаю! онъ живъ и здоровъ и служитъ въ солдатахъ въ Питерѣ.

Когда я услышала это, то такъ обрадовалась, что уронила кринку молока, которымъ хотѣла подчивать старика, но даже и непримѣтивши того, такъ прямо черезъ черепки и кинулась къ нему, схватила его за руку и начала распрашивать: давно ли видѣлъ онъ моего дорогова Никифора Андреича, здоровъ

ли онъ? живъ ли? что дѣлаетъ, гдѣ живетъ, не похудѣлъ ли, не постарѣлъ ли?

— Постой, голубка, дай опомниться сказалъ старикъ засмѣявшись: — вдругъ на всѣ вопросы отвѣчать не льзя: погоди, соберусь съ мыслями; если хозяинъ твой здоровъ, то конечно и живъ; а если живъ, то разумѣется не сидитъ сложа руки; вѣдь онъ не баринъ, а солдатъ; проживаетъ же очень далеко отсюда, какъ я сказалъ тебѣ, во столичномъ городѣ Питерѣ.

— Скажи, голубчикъ дѣдушка, одинъ онъ живетъ въ избѣ, или съ товарищами?

— Тамъ нѣтъ избушекъ, молодушка, а все дома пребольшущіе, да и товарищей у солдата не мало, цѣлый полкъ!

— Хорошо, спасибо дѣдушка. Ну, а жены то у солдатъ есть, или нѣтъ?

— У твоего мужа нѣтъ жены, потому что ты здѣсь,—и вотъ теперь я понялъ, отъ чего онъ все кручинится да вздыхаетъ.

— Вѣрно обо мнѣ, мой голубчикъ?

— Должно быть такъ, но сколько я у него ни спрашивалъ, когда постой ихъ былъ въ моемъ домѣ, то всегда бывало скажетъ: „ну,

что ужъ и говоритъ дѣдушка, горю моему не пособишь.“ Махнетъ рукою, иногда и слезу оботретъ рукавомъ да и пойдетъ прочь.

— Голубчикъ мой бѣдный! ну, дѣдушка, а у другихъ-то солдатъ есть жены и дѣти и живутъ съ ними?

— Да, конечно.

— Господи милосердый! благодарю тебя Создатель! вскрикнула я, поклонясь въ землю передъ образами; потомъ встала, отерла слезы, которыя рѣкой бѣжали по лицу, подошла къ люлькѣ, перекрестилась, выхватила Аннушку, надѣла на нее шубейку, обвязала сверху большимъ платкомъ голову и грудь ребенка; сорвала съ гвоздя свой овчинный тулупъ и продѣвъ кое-какъ одну руку въ рукавъ, пошла за двери.

— Куда ты идешь, къ сосѣдкѣ что ли? спросилъ странникъ.

— Нѣтъ, дѣдушка, къ нашему священнику.

— Зачѣмъ это?

— За благословеніемъ идти въ Питеръ,...

— Въ Питеръ! что ты молодка, въ умѣ ли? знаешь ли, что до Питера-то столько сотенъ верстъ, что и не перечесть намъ съ тобою, не только пройти....

— А ты дѣдушка прошелъ же?

— Прошелъ, да я мущина.

— Но ты шелъ такъ себѣ, а я пойду къ мужу. О, я дойду непремѣнно!

— Опомнись, голубушка, еще и съ ребенкомъ! —

— Тѣмъ лучше; я слыхала, что подлѣ младенца всегда есть Ангелъ хранитель, онъ и меня грѣшную защититъ! Прощай дѣдушка; если хочешь, живи въ моемъ домишкѣ, въ чуланѣ есть мука, капуста и всякія овощи изъ твоего страническаго огорода; кушай на здоровье, молись за меня.... а я уйду. Сказавъ это, я пошла къ нашему доброму отцу Алексѣю; онъ долго не хотѣлъ вѣрить, что я точно рѣшилась идти въ Питеръ; отговаривалъ меня, пугалъ дальностію и неизвѣстностію пути, лютыми морозами, вьюгами и всѣмъ на свѣтѣ. Но я только отвѣчала, что двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, и что Богъ вездѣ силенъ сохранить, кого захочетъ.

—Такъ, конечно,—и вѣра твоя спасетъ тебя, проговорилъ священникъ и велѣлъ мнѣ молиться съ нимъ вмѣстѣ. Потомъ снялъ съ шеи своей не большой образокъ Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ; надѣлъ его на шею Аннушкѣ, говоря что Пресвятая Заступница будетъ вездѣ съ нами и что для моей защиты вручаетъ онъ мнѣ самое драгоцѣнное сокровище для него на свѣтѣ, въ знакъ благословенія на дальній путь. Потомъ далъ мнѣ два цѣлковыхъ, увѣряя, что безъ денегъ невозможно такъ далеко идти. Я знаю, что у него моего голубчика и у самого не было больше. Вышедши отъ священника, пошла я вдоль города, прямо къ заставѣ, гдѣ спросила у часоваго, гдѣ дорога въ Питеръ? Онъ посмотрѣлъ на меня, засмѣялся и сказалъ: вотъ еще какая любопытная! на что тебѣ знать дорогу въ Питеръ?

— Чтобъ идти по ней.

— Идти въ Питеръ?.... да въ умѣ ли ты тётка?

— Въ полномъ умѣ, голубчикъ служивой;— покажи скорѣе дорогу въ Питеръ.

— Если ты и въ самомъ дѣлѣ хочешь знать, то вотъ она; ты на ней стоишь и ведетъ прямо на закатъ солнца куда ты глядишь.... да Питеръ-то, молодушка, на край свѣта бѣлаго отсюда.

— Спасибо служивой,—отвѣчала я и, поклонясь ему, пошла по большой дорогѣ, точно уже куда глаза глядѣли; и такъ все шла, да шла далѣе и далѣе, отъ селенія до селенія. Спасибо, вездѣ пускали и погрѣться и переночевать, также и кормили даромъ и меня и ребенка; да еще въ иномъ мѣстѣ и подвезутъ верстъ десятокъ. Безъ горя подвигалась я впередъ, а на душѣ-то все становилось веселѣе; какъ вздумаю, что каждый день и часъ становится ближе къ Питеру, то на душѣ сдѣлается какъ-то легче.

Вотъ я шла уже болѣе двухъ недѣль, какъ въ одинъ большой переходъ чуть не замерзла дорогою. Сибирскіе морозы — не шутка, постоятъ за себя! Да въ этотъ день сдѣлалась еще мятель, поднялась вьюга такая, что свѣта бѣлаго не видно, — всю дорогу занесло; я брела по колѣно въ снѣгу, чтобы какъ ни-

будь добраться до станціи, стало смеркаться, а никакой деревушки и видно не было; устала я до полусмерти. Аннушка плакала и просила хлѣбца; а я уже не знала, что̀ мнѣ и дѣлать; наконецъ ноги у меня окоченѣли совсѣмъ отъ стужи; я принуждена была сѣсть на снѣгъ; сонъ начиналъ клонить меня. Зная, что это бываетъ передъ смертію въ большіе морозы, я перекрестилась, прижала къ себѣ Аннушку, чтобы ей было потеплѣе, и начала молиться Матери Божіей, цѣлуя образокъ, подаренный священникомъ моей малюткѣ; я молилась уже не о себѣ, а только о бѣдной сироткѣ, которую скоро оставлю; просила Заступницу помиловать невиннаго ребенка и не допустить ее до такой ужасной смерти въ лѣсу, не только замерзнуть, но еще быть съѣденною звѣремъ. Волчій вой раздавался вдали, наступила ночь; испуганная до крайности, чтобы ободрить себя, я стала громко читать молитвы, какія знала, и едва выговорила слова: Пресвятая Заступница, помилуй насъ! какъ послышался шорохъ позади меня; я обернулась съ ужасомъ, думая увидѣть волка или медвѣдя; но за мною стоялъ высокій мущина,

который вдругъ изъ-за лѣсу подбѣжалъ къ намъ на лыжахъ.

— Спаси погибающихъ, добрый человѣкъ, сказала я ему, дрожа отъ страха.

— Умѣешь ли ходить на лыжахъ? спросилъ онъ у меня.

— Хоть бы и не умѣла, то выучусь тотчасъ, для спасенія моей дочери.

— Хорошо, со мною есть другая пара; какъ нарочно взялъ я лыжи моей жены, они не такъ тяжелы; становись на нихъ и ступай за мною, я приведу тебя въ селеніе. Сказавши это, онъ приподнялъ меня за руку, придвинулъ лыжи, велѣлъ вставить ноги въ скобы ихъ и, взявъ у меня Аннушку, помогъ сдѣлать первые шаги; лыжи легко и быстро побѣжали по замерзлому снѣгу, отъ этого усилія я скоро отогрѣлась. Повернувъ за опушку лѣса, мы выбрались на большую поляну и, пробѣжавъ около двухъ верстъ, благополучно достигли небольшаго селенія, гдѣ благодѣтель мой привелъ меня къ себѣ въ избу, и первая его забота была накормить бѣдную мою дѣвчонку, которая спала у него на рукахъ; а когда мы остановились, то принялась лакать и

и просила хлѣбца. Между тѣмъ жена его, такая же добрая, тотчасъ развела огонь, вскипятила воду и напоила меня кирпичнымъ чаемъ, какъ водится у насъ въ Сибири. Этотъ чай, мои сударыни, дѣлается изъ тѣхъ же чайныхъ листовъ, только старыхъ, потому выходитъ послѣдняго разбора, и сибиряки варятъ его въ горшкѣ, съ масломъ и солью.

— О! какъ это, должно быть не хорошо.

— Конечно, сударыня, для васъ показалось бы очень противно; а наша братья сибиряки жить безъ него не могутъ и какъ-то дѣлаются крѣпче и бодрѣе. Хозяйка моя это знала, и точно ни чѣмъ не могла бы угодить мнѣ больше. Послѣ того накормила насъ горячими щами; потомъ эта добрая женщина, примѣтивъ, что я едва переступаю, оттого, что ноги распухли какъ бревна, а пальцы были обморожены, тотчасъ намазала мнѣ ихъ гусинымъ саломъ и уложила обѣихъ насъ спать. О! какъ горячо я молилась за нее Богу! точно великое дѣло принять и успокоить странника! Я думала, что попала въ рай и что эти люди — Ангелы небесные. Но благодѣянія ихъ еще не кончились; на другой день добрый хозяинъ

затопилъ баню, а хозяюшка свела меня и вымыла вмѣстѣ съ моей бѣдной Аннушкой, которая давно не была мыта; послѣ чего надѣла на насъ чистое бѣлье, — на меня свою рубашку, а на ребенка съ ее дочьки, а наши вымыла и высушила. Когда на третій уже день собралась я съ силами и стала сбираться въ путь, то эти добрые люди не хотѣли взять назадъ свое бѣлье, а положили въ мою котомку; да еще хозяйка испекла большой пирогъ мнѣ на дорогу, и такъ отпустили, какъ родную. Хозяинъ еще довезъ меня до большой дороги, которую я во время вьюги совсѣмъ потеряла и ушла верстъ десять въ сторону. Вотъ, мои сударыни, въ какой я была крайности; но какъ сказалъ благочестивый священникъ въ Тобольскѣ, такъ и сбылось; точно милосердый Господь не допуститъ погибнуть своему созданію. Только что призвала я на помощь Святую Заступницу, какъ откуда ни взялся этотъ добрый человѣкъ и спасъ насъ обѣихъ отъ неминуемой смерти. Онъ разсказывалъ, что, видя такую страшную мятель при жестокомъ морозѣ, весь день былъ встревоженъ и говорилъ женѣ: бѣда, если та-

кая погода застигнетъ какого нибудь путника въ этомъ пустомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ кромѣ нашей деревеньки, никакого селенія верстъ на тридцать. Какъ стало смеркаться, добрая душа его не вытерпѣла; онъ надѣлъ шубу, сталъ на лыжи, взявъ на запасъ съ собою другія женины и пошелъ ходить по снѣжнымъ равнинамъ, отыскивая погибающихъ; прислушивался ко всякому шороху, и конечно Ангелъ Божій привелъ его въ ту сторону, гдѣ я готова была замерзнуть съ бѣдной моей Аннушкою. Вышедши изъ-за лѣсу, онъ услышалъ издали мои слова, молитву къ Божіей Матери; вмигъ подбѣжалъ онъ ко мнѣ, и представьте радость доброй души его, когда удалось ему спасти насъ, отъ лютой смерти! — Съ тѣхъ поръ каждый день и до конца жизни буду молиться за этихъ добрыхъ людей, спасшихъ насъ отъ неминуемой смерти.

Это былъ первый несчастный случай со мною во время пути; а потомъ другой, который также сильно напугалъ меня тѣмъ, что надолго могъ задержать на одномъ мѣстѣ; а я такъ и рвалась впередъ. Вотъ я уже перешла черезъ Уралъ и достигла большаго города Перми; тутъ уже строже взыскиваютъ съ пѣшеходовъ, и только что я, попросясь ночевать къ одной старушкѣ, легла съ Аннушкою на полати, отогрѣлась и крѣпко заснула, какъ вдругъ хозяйка пришла будить меня и спрашивала бумагу, по которой я иду. У меня же и въ поминѣ ничего такого не было; я себѣ просто пошла изъ дому, да и шла, не зная того, что мнѣ надобно имѣть паспортъ. Хозяйка перепугалась, видя, что у меня нѣтъ никакой бумаги, хотя я разсказывала ей, что иду не изъ ближняго мѣста, да еще и въ Питеръ. Она послала сына объявить въ полицію обо мнѣ, и вотъ пришли два солдата, велѣли мнѣ взять ребенка и идти за ними къ надзирателю. Я пошла, не понимая, чего хотятъ они отъ меня. Скоро пришли мы, надзиратель, подойдя ко мнѣ, началъ очень сердито допрашивать, кто я такая и откуда бѣжала. Я отвѣчала, что сама по себѣ пошла изъ города Тобольска, что бѣжать мнѣ было не отъ кого, что я вольная солдатка.

— А! голубка, хорошо! въ Сибири ты была вольная, а здѣсь мы засадимъ покрѣпче, такъ

вотъ тебѣ и воля!... Эй, полицейскіе! сведите ее въ острогъ, а ребенка отнесите въ богадѣльню; я разсмотрю послѣ, что̀ съ ними дѣлать.

Услышавъ такой приказъ, я перепугалась, затряслась, какъ листъ, и заплакала, говоря, что ни за что не разстанусь съ моей дочерью.

— Ну, что разинули ротъ! закричалъ надзиратель солдатамъ. Я громко зарыдала. Малютка привыкнувъ къ тому, что я всегда когда горе слишкомъ одолѣетъ, то возьму ее образокъ, приложусь къ нему съ молитвою и сдѣлаюсь веселѣе; она и теперь проворно вытащила образокъ изъ своей шубки и, прикладывая его къ губамъ моимъ, говорила своимъ дѣтскимъ голоскомъ: возьми, мама, поцѣлуй скорѣе и не плачь!

— Умненькая дѣвочка, сказалъ старикъ, сидѣвшій въ углу: — дайте-ка поближе разглядѣть ея личико. При этихъ словахъ подошелъ онъ ко мнѣ и, посмотрѣвъ пристально мнѣ въ лицо, сказалъ; удивительное сходство! и спросилъ не сибирячка ли я?

— Да, она говоритъ, что оттуда; но кто ей повѣритъ? — сказалъ надзиратель.

— Какъ, кто повѣритъ? я поручусь, что она изъ Тобольска, возразилъ старикъ; скажи, голубушка, тебя зовутъ Марья Гавриловна?

— Точно такъ, но почему, дѣдушка, ты это знаешь?

— Потому, что ты живой портретъ своего отца Гаврила Абрамыча, который помогъ мнѣ когда я, находясь въ Сибири, пришелъ въ крайнюю бѣдность; онъ меня пустилъ къ себѣ въ домъ, поилъ и кормилъ; какъ мнѣ не помнить его! Да и ты была тогда лѣтъ пяти, какъ теперь помню, бѣлокурую Машеньку; и не мудрено, что дочка твоя такая разумница, она изъ благочестивой семьи. — Покажи-ка, душенька, твой образокъ.... что это? вскрикнулъ старикъ громче прежняго и затрясся весь. Скажи скорѣе, Марья Гавриловна, гдѣ ты взяла его?

— Меня благословилъ имъ....

— Священникъ, отецъ Алексѣй? прервалъ старикъ.

— Точно, онъ самый.

— Господи милосердый! да неужели онъ живъ?

— Да, дѣдушка, живъ и здоровъ.

— О! благодарю тебя, моя голубушка, ты мнѣ жизнь возвращаешь! Онъ живъ, а я думалъ, что онъ давно уже умеръ, сынъ мой, единственный сынъ, котораго я такъ любилъ. Онъ отправился на Курильскіе острова проповѣдывать Евангеліе и пропалъ безъ вѣсти. О, милосердный Боже! Какъ все это случилось! Надобно же было тебѣ придти сюда изъ Сибири, быть задержанной кумомъ моимъ надзирателемъ, а этому ребенку показать мнѣ тотъ святой образокъ, которымъ благословилъ я моего сына, при его отправленіи въ Камчатку; вижу, что для добраго дѣла не пожалѣлъ онъ и этого драгоцѣннаго для него образа, и вотъ Матерь Божія спасла чрезъ то всѣхъ насъ. Ты, бѣдняжка, избавилась отъ напраснаго наказанія и разлуки съ дочерью; а я узналъ, что имѣю еще сына, что онъ живъ и здоровъ и возвратился изъ своего опаснаго странствованія между дикими народами. Благодарю Тебя Заступница всѣхъ христіанъ! говорилъ старикъ и плакалъ отъ радости.

Тутъ все перемѣнилось: надзиратель отправилъ обратно полицейскихъ солдатъ, велѣлъ

женѣ подать водки, накрыть на столъ и пригласилъ меня и старика ужинать съ собою.

Вотъ какъ видѣнъ вездѣ промыслъ Божій, мои сударыни! Надобно же было случиться тутъ этому старику, который будучи дьячкомъ въ ближней церкви, зашелъ послѣ всенощной, навѣстить своего кума надзирателя въ то самое время, когда хотѣли вести меня въ острогъ, какъ бѣглую; а ребенку моему вздумалось показать при немъ образокъ свой.

Надзиратель такъ раздобрился, что велѣлъ женѣ отвести меня въ особую горницу, гдѣ могла бы я ночевать спокойно съ моею дочкою; а по утру приготовилъ законный видъ, чтобы впередъ того же не случилось со мною, и еще велѣлъ меня довезти на первую станцію; а старикъ дьячекъ непремѣнно хотѣлъ тотчасъ отправиться въ Тобольскъ, гдѣ нашелъ добраго и милаго своего сына.

Послѣ того я совершенно свободно подвигалась каждый день дальше и дальше, и никакой бѣды со мною не случилось; благополучно добралась я до Питера и не могу разсказать, какъ я удивилась, когда я увидѣла тамъ громадныя ворота и пребольшіе дома;

но это впрочемъ недолго задержало меня. Я бѣгомъ пустилась вдоль улицы въ надеждѣ, что на ней встрѣчу моего ненаглялнаго Никифора. Но этой улицы не было конца, да къ тому же отъ нее выходило множество другихъ улицъ, а домовъ-то, домовъ,—и не перечтешь. Ну! въ которомъ же искать мнѣ моего Андреича? зашелъ у меня умъ за разумъ, я остановилась и начала распрашивать всѣхъ, которые близко ко мнѣ подходили, гдѣ живетъ служивой Никифоръ Андреичъ? Иные отвѣчали, что не знаютъ, другіе со смѣхомъ отворачивались, а третьи даже бранью отвѣчали мнѣ. Долго очень долго ходила я изъ улицы въ улицу, перешла большой каменный мостъ; наконецъ одинъ добрый старикъ, услышавши, что я все спрашиваю какого-то служиваго, сказалъ мнѣ, что солдаты живутъ въ казармахъ.

— А гдѣ, батюшка, такая деревня или городъ?

— Это не деревня, голубушка, отвѣчалъ онъ, засмѣявшись, а только одинъ большой домъ.

— Спасибо, дѣдушка, спасибо! отвѣчала я и, увидя вдали пребольшущее строеніе, бѣгомъ пустилась къ нему и снова принялась спрашивать у стоявшихъ людей подлѣ воротъ, не здѣсь ли живетъ служивой Никифоръ Андреичъ?

— Куда твоему Андреичу жить тутъ? отвѣчали они и засмѣялись; вѣдь это Аничковъ дворецъ.

— Дворецъ? стало быть тутъ жительствуетъ нашъ батюшка Православный Царь?

— Нѣтъ, здѣсь живетъ его наслѣдникъ, — сказалъ кто-то позади меня.

Обернувъ голову, увидѣла я будку и подлѣ нее стоялъ солдатъ съ ружьемъ. Марья! вскрикнулъ онъ, вздрогнувъ такъ, что ружье его такъ и брякнуло о земь. Всѣ жилки во мнѣ задрожали; я помню только, что бросясь къ нему вскрикнула: Никифоръ! и упала на снѣгъ, какъ мертвая.

Послѣ уже мнѣ разсказывали, что одинъ изъ стоявшихъ людей, увидѣвъ, что я поблѣднѣла и зашаталась, успѣлъ выхватить у меня дѣвчонку, а не то, я бы могла убить ее объ каменные столбы. Меня оттащили прочь; я скоро опомнилась и, думая, что видѣла во снѣ моего Никифора, проворно вставъ на ноги, на-

чала протирать глаза и озираться по сторонамъ—и вотъ опять на яву увидѣла Андреича, онъ ходилъ взадъ и впередъ съ ружьемъ на плечѣ. Снова кинулась я было къ нему; но онъ сказалъ мнѣ: поди прочь, Марья! теперь не время съ тобой разговаривать; я стою на часахъ и не долженъ обращать на тебя вниманія, и то ужь чуть не уронилъ ружье! а вѣдь это великая бѣда и стыдъ для солдата. Не подходи ко мнѣ, стой тамъ и смотри, коли хочешь, издалека: вотъ скоро придетъ смѣна, тогда.... и я могу дать волю моему сердцу, которое такъ и рвется къ тебѣ. Во время этого разговора голосъ Никифора дрожалъ, а слезы такъ и капали на ружье; однако онъ по прежнему ходилъ взадъ и впередъ, поглядывалъ то на небо, то на меня и шепталъ молитвы. Потомъ сказалъ: „возьми же Аннушку, добрый старикъ чай усталъ держать ее.“ О, милостивъ ко мнѣ Царь небесный! Тогда только вспоминая объ ребенкѣ, я взяла его на руки.

Скоро пришла смѣна и ненаглядный мой хозяинъ пошелъ съ другими солдатами вдоль улицы, показывая мнѣ, чтобы я шла за ними;

ни онъ, ни я не смѣли подойти одинъ къ другому, и когда уже Никифоръ совершенно освободился отъ службы, тогда уже мы принялись обнимать другъ друга посрединѣ улицы. Онъ цѣловалъ меня въ лобъ и въ глаза, взявъ Аннушку на руки, крестилъ ее, прижималъ къ сердцу; а слезы-то, слезы такъ и текли на его чорные усы! я же хваталась за его руки, за шинель, за ружье, прижимала къ себѣ и плакала отъ радости. Много людей столпилось около насъ, почти всѣ смѣялись громко надъ нами, другіе же сами утирали слезы. Мы пошли дальше. Андреичъ привелъ меня къ пребольшущему дому, который и называлъ казармами. Теперь я ужь выучилась, а прежде куды мудрено мнѣ казалось это слово и тамъ поселилась я въ небольшомъ уголкѣ отгороженномъ для моего мужа; въ одной этой горницѣ много жило другихъ семей. Солдатки часто бранились между собою, а иногда плакали и роптали на свое горемышное житье, а мнѣ казалось, что ужь лучше того и въ свѣтѣ нѣтъ! Даромъ, что прежде очень просторно жила въ моемъ тобольскомъ домикѣ; но когда здѣсь на глазахъ моихъ былъ мой

хозяинъ и Аннушка, то ужь я все прежнее забывала и даже, грѣшница, говорила, что не хочу въ царство небесное! — Цѣлыя восемь лѣтъ прошли въ такомъ счастіи; у меня былъ еще сынокъ и дочка, но вскорѣ померли.

— Вотъ ты и принялась опять плакать?

— Ништо, сударыня, поплакала, но скоро перестала; грѣхъ, барышня, плакать объ нихъ, — вѣдь это Ангелы небесные, которые встрѣтятъ насъ на томъ свѣтѣ. — Вотъ такъ-то жила я долго, какъ сыръ въ маслѣ каталась и до того позабылась, мои сударыни, что рѣдко стала ходить въ церковь Божію? Никифоръ пыталъ бранить меня за это, да я бывало, всегда найду отговорку; будто за недосугомъ, а больше за лѣнью. Оттого и пересталъ меня Богъ миловать, пошли на меня бѣды. Сперва захворала Аннушка, а когда оправилась, то отнялись у нее обѣ ноженки, — съ тѣхъ поръ живетъ калѣкою; а потомъ вскорѣ и ненаглядного моего Никифора прибралъ Господь къ себѣ. Хозяинъ мой былъ такой добрый человѣкъ, что навѣрное пошелъ прямо въ царство небесное. Онъ не такъ, какъ я грѣшница, всегда молился и благодарилъ Бога за наше

счастіе; такъ и умеръ голубчикъ съ молитвою на устахъ и съ такою радостію приготовлялся на смерть, что и мои слезы остановились; какъ праведникъ, почувствовавъ свою кончину, перекрестилъ меня и Аннушку и сказалъ намъ: будьте добры, не забывайте нищую братію, помогайте всякому сколько можно, и тогда Господь пошлетъ вамъ благодатную кончину; видите я безъ горя оставляю васъ, молитесь Богу; Онъ—отецъ вашъ и покровитель.... Иду! иду къ тебѣ Господи! проговорилъ онъ, весело взглянулъ на насъ, усмѣхнулся и закрылъ глаза, какъ будто заснулъ. — Такая благодатная была его кончина!

Лице его сдѣлалось вдругъ такое веселое, красивое, что я не могла насмотрѣться и уже стала плакать, когда его схоронила.

Никифоръ мой былъ такой исправный служивой во всю свою жизнь, что всѣ начальники его любили и товарищи уважали; даромъ что онъ самъ еще былъ молодъ, а другіе и старики приходили къ нему за совѣтомъ; артельныя деньги всегда хранились у него, и онъ берегъ ихъ пуще собственныхъ и такъ умѣлъ распредѣлить, что харчи солдатскіе были все-

гда хороши и еще оставалось на пироги по праздникамъ. Къ тому же онъ былъ очень работящъ, — и минуты свободной не пропуститъ даромъ, перешивалъ и починивалъ старую одежду для солдатъ; съ богатыхъ бралъ деньги за работу и раздавалъ нищимъ, а на бѣдняковъ трудился даромъ. Такой былъ жалостливой мой голубчикъ, что часто недостанетъ самому, а уже надѣлитъ бѣдненькаго,— послѣднiй кусокъ отдастъ нищему! А молиться-то какъ приметея, то уже видно, что вся душа его тутъ!

Бывало по праздникамъ солдаты, выпивъ лишнюю чарку, гуляютъ, поютъ пѣсни и иногда побранятся; а онъ, мой сударикъ, сходитъ въ церковь къ заутрени и къ ранней обѣдни; поставитъ свѣчку на выработанныя деньги, потомъ дома сядетъ читать Святое Писанiе,— нарочно для того и грамотѣ научился; а потомъ пойдетъ ходить по казармамъ, да уговариваетъ товарищей, чтобы вели себя, какъ слѣдуетъ, не затѣяли бы чего дурнаго въ нетрезвомъ видѣ, молодыхъ пожуритъ.... Спасибо, всѣ его любили и слушались, зная, что онъ первый защитникъ ихъ передъ начальникомъ

и готовъ все раздѣлить съ ними, что только было за душею. Бывало никого не покинетъ, больнаго навѣститъ, печальнаго утѣшитъ, съ веселымъ радуется,— и все это дѣлалъ съ доброю цѣлiю. — Очень многихъ молодыхъ солдатъ научилъ быть исправными на службѣ государевой и не изъ одного страха повиноваться начальству, а по совѣсти, какъ начиталъ во святыхъ книгахъ, что всякая власть поставлена отъ Бога и что должно исполнять приказанiя также вѣрно за глазами, какъ бы при самомъ начальникѣ. Капитанъ или офицеръ, конечно, не могутъ знать хорошо или дурно сдѣлалъ; но Богъ видитъ все и за малѣйшее ослушанiе власти строго накажетъ! Такъ говорилъ онъ всегда и жилъ такъ, что всѣ его любили, а умеръ какъ настоящiй праведникъ. Я, грѣшница, благодарю Господа Бога, что онъ судилъ мнѣ послѣ него вести тяжкую и скорбную жизнь, оставшись съ моей убогой сиротинкою; можетъ быть за терпѣнiе здѣсь удостоитъ Господь хотя издалека увидѣть Никифора моего на томъ свѣтѣ. И для того-то, матушки мои, стараюсь я хотя немножко выполнить его послѣднiя приказанiя;

да и самой-то гораздо легче станетъ, когда удастся помочь какой нибудь горемыкѣ, или снесешь пирожки въ тюрьму, да поговоришь съ несчастнымъ, напомнивъ бѣдному грѣшнику о Богѣ, чтобы онъ уповалъ на Него; тогда и ему станетъ легче, и на своей-то душѣ повеселѣе. Все это исполнялъ мой Никифоръ, и мнѣ наказалъ искать утѣшенія въ добрыхъ дѣлахъ! Не много на это надобно:—иногда одно ласковое слово, одинъ стаканъ холодной воды, какъ сказано во святомъ Евангеліи, сочтутся за многое. Но я грѣшница все бы это позабыла, еслибы оставалась въ довольствѣ на своей сторонѣ; для того-то Богъ не допустилъ меня и велѣлъ маяться въ тяжкой жизни. Я сама нищая, — не мудрено, что люблю всѣхъ нищихъ, моихъ товарищей, и надѣюсь на то, что авось страданіями заглажу грѣхи свои.

Такъ кончила раскаъ свой эта добрая, простая женщина, и я съ маменькой, слушая ее безмолвно, удивлялись совершенству добродѣтели въ этихъ неученыхъ, но близкихъ къ Богу душахъ.

По окончаніи разсказа нищей, возвратились

мы домой, и я на опытѣ увидѣла, что быть добродѣтельнымъ можетъ всякій, кто только съ малолѣтства привыкъ любить Бога и ближняго, будучи сострадателенъ къ его несчастіямъ,— съ этими двумя чувствами въ душѣ, христіанскія добродѣтели явятся непремѣнно и поведутъ выше и выше!

Теперь я на опытѣ убѣдилась, какъ предосудительно смотрѣть свысока на униженныхъ судьбою людей; потому что они могутъ быть гораздо выше насъ въ душѣ своей. Но уже одни ихъ здѣшніе недостатки и уничиженія сочтутся за многое праведнымъ Судіею и, конечно, очень многіе будутъ въ числѣ тѣхъ избранныхъ, которымъ скажетъ Господь: „Пріидите благословенніи, наслѣдуйте уготованное „вамъ царствіе отъ сложенія міра!“

Тутъ кончила Прасковья Михайловна свое чтеніе, и Лиза съ Владиміромъ удостовѣрились въ томъ, что не богатство и не знатность нужны для исполненія христіанскаго закона, основаннаго на одной любви къ Богу и ближнему.

По окончаніи чтенія, дѣти долго разсуждали о томъ, что даже и нищіе не лишены возможности дѣлать добро и что отъ насъ самихъ зависитъ заслужить или не заслужить милость Господню. Послѣ нѣкотораго молчанія, Владиміръ сказалъ:— однако, милая маменька, есть люди, которымъ это невозможно.

— Какъ, дружекъ мой? какіе же это несчастные люди? спросила мать съ удивленіемъ.

— Тѣ, милая маменька, которыхъ часто называютъ счастливыми.

— Не понимаю, что̀ онъ хочетъ сказать.

— То, милая тетинька, продолжалъ Владиміръ, тяжело вздыхая,— что всѣ богатые должны погибнуть.

— Почему же?

— Потому что Самъ Спаситель сказалъ во святомъ Евангеліи, что „не удобно богатому въ царствіе Божіе внити. Удобѣе есть велблуду сквозь иглины уши пройти, нежели богатому въ царствіе Божіе внити.“ (Мат. 19, 24.) Это меня очень огорчаетъ; я всегда думаю о моемъ миломъ Николинькѣ, съ которымъ недавно мы подружились. Папинька его очень богатъ; поэтому когда Николинька выростетъ

большой, то будетъ также не бѣденъ,— а богатымъ предсказана такая ужасная участь на томъ свѣтѣ; вѣдь смерти и они не избавятся при всѣхъ своихъ деньгахъ, не такъ ли?

— Разумѣется, другъ мой, безсмертныхъ людей нѣтъ на землѣ.

— То какъ же не грустно подумать, что мой добрый, ласковый Николинька погибнетъ?

— Ты называешь его добрымъ и ласковымъ,—вотъ ужь двѣ причины къ противному.

— Какъ это, милая тетинька?

— Такъ, душа моя; разсуди самъ: если онъ точно милъ и ласковъ со всѣми, то вѣрно не гордится своимъ богатствомъ, а къ тому же еще и добръ, то навѣрное сострадателенъ къ другимъ людямъ, менѣе его счастливымъ, не правда ли?

— Все это справедливо, милая тетинька: Николинька готовъ отдать все, чего бы у него ни попросили; онъ не пожалѣетъ ничего, да... богатъ-то очень! и я боюсь, чтобы это не помѣшало ему, какъ Евангельскому юношѣ.

— Опасеніе твое справедливо душа моя; но утѣшься тѣмъ, что Христосъ произнесъ далѣе: „Отъ человѣкъ невозможно, отъ Бога

же все возможно.“ Поэтому, если твой Николинька любитъ Бога, молится Ему и сострадателенъ къ бѣднымъ, то можетъ спастись, тѣмъ скорѣе, что имѣетъ много средствъ къ благодѣяніямъ.

— Да, милая тетинька, сказала Лиза; я никакъ не могу думать, что бы всѣ богатые погибли; напримѣръ добрый нашъ дядинька, который живетъ въ Москвѣ, или князь его пріятель: хотя у нихъ много денегъ, но они оба такіе богомольные, что навѣрное спасутся.

— Конечно, душа моя, какъ названные тобою, такъ и другіе богатые люди средняго состоянія и даже самые бѣдные равно могутъ погибнуть или спастись; это зависитъ отъ доброй воли каждаго. Стоитъ только богатому не привязываться къ своему золоту, а умѣть дѣлиться имъ съ другими; бѣдняку же безъ ропота переносить свои недостатки, не лѣниться въ работѣ и въ прісканіи добраго дѣла по своей силѣ и возможности, какъ сейчасъ читала вамъ маминька.

— Да, милая тетинька, эта повѣсть очень намъ понравилась, сказалъ Володя; но все въ ней относится къ бѣднымъ, а насчетъ богатаго, не думаю, чтобы что нибудь нашлось подобное въ запискахъ маменькиныхъ; могу даже поручиться, что нѣтъ....

— Напрасно, Володя, сказала Прасковья Михайловна, не ручайся никогда въ томъ, чего знать не можешь. Тетрадка моя докажетъ, что ты ошибся. Есть въ ней повѣсть о богачѣ, сходная съ повѣстью о нищей.

— Пожалуйста, милая маменька, прочтите намъ! воскликнули дѣти.

— Очень хорошо, она будетъ занимательна для васъ и тѣмъ болѣе, что касается собственной моей жизни.

— Позвольте милая маменька, я сейчасъ принесу; скажите только, гдѣ она лежитъ? спросила Лиза.

— Въ моей комнатѣ, на письменномъ столѣ.

Дѣти отправились бѣгомъ, и когда тетрадь была принесена, Варвара Михайловна сказала: ты, сестра, устала, пусть Лиза замѣнитъ тебя.

Лиза повиновалась распоряженію своей маменьки и, взявши тетрадь, приступила къ чтенію ея.

Какое удовольствіе ожидало ихъ отъ дальнѣйшаго чтенія, мы предоставляемъ судить о томъ читателямъ, если они будутъ на столько благосклонны, что продолжатъ чтеніе предлагаемыхъ нами разсказовъ.

МИЛЛІОНЩИКЪ.

МИЛЛІОНЩИКЪ.

Дѣтей интересуетъ все, чего они не могутъ съ перваго раза объяснить себѣ. А ихъ мать именно предложила имъ такіе вопросы, которые они не въ состояніи были рѣшить сами. Поэтому отъ предстоящаго чтенія они ожидали себѣ много новаго и интереснаго.

Лиза начала читать:

Въ Петербургѣ родители мои нанимали квартиру на Невскомъ проспектѣ въ каменномъ домѣ купца Добрынина, чрезвычайно богатаго человѣка, у котораго не одинъ, а три или четыре дома было въ разныхъ кварталахъ города. Самъ же онъ поселился на Васильевскомъ островѣ, въ небольшомъ деревянномъ домѣ въ одно жилье, и говорилъ всегда, что не любитъ огромныхъ палатъ, что за толстыми, каменными стѣнами ему душно и что

совершенно излишній трудъ лазить по высокимъ лѣстницамъ, тѣмъ болѣе что предки наши всегда жили въ низенькихъ строеніяхъ и были счастливы; и много въ томъ же родѣ говаривалъ Иванъ Петровичъ Добрынинъ, когда родственники или пріятели приступали къ нему съ совѣтомъ, что пора уже ему переѣхать въ свой домъ на Невскомъ проспектѣ, что съ его капиталомъ можно себѣ позволить такую роскошь и жить пышно, что этого требуетъ его положеніе въ свѣтѣ.

Но Иванъ Петровичъ пропускалъ мимо ушей такіе, по его мнѣнію, неразумные совѣты и отдѣлывался шуточками.

Родители мои, проживъ уже болѣе году въ его домѣ, знали хозяина только по имени и по различнымъ толкамъ, совершенно противоположнымъ: одни говорили, что онъ человѣкъ добрый, другіе утверждали противное, что онъ чрезмѣрно скупъ и неприступенъ. Но родителямъ моимъ до него не было дѣла,— расплата за квартиру происходила съ прикащикомъ, которому порученъ былъ весь домъ. Мы жили счастливо, какъ вдругъ, конечно для испытанія вѣры и терпѣнія моихъ

добрыхъ родителей, постигло страшное несчастіе всю семью нашу. Батюшка, служившій весь свой вѣкъ, со всѣмъ усердіемъ и честностію, былъ оклеветанъ передъ начальствомъ тѣми,— которые домогались его мѣста. Злоба хитра,— такія подвели пружины, что батюшка вдругъ былъ выключенъ изъ службы и на него же еще наложили взысканіе, будто бы за утрату казенной суммы; хотя хорошо знали всѣ, что батюшка и копѣйки чужой не возметъ даромъ, но не смотря на то описали послѣднюю оставшуюся у насъ деревеньку и продали ее съ публичнаго торга. — Такъ рѣшила людская правда, — и мы остались безъ куска хлѣба.Такъ какъ это случилось совершенно неожиданно, то родители мои принуждены были перемѣнить квартиру на болѣе скромную; но не успѣли мы прежде внести деньги за наемъ, поэтому прикащикъ Добрынина не хотѣлъ выпустить насъ изъ дому, настойчиво требуя отъ насъ всей суммы сполна. Что̀ было дѣлать? Маменька послала продавать все серебро, какое было у насъ, всѣ свои и мои кольца, серьги и другіе уборы, умоляя прикащика подождать, и онъ очень охотно со-

гласился, давъ сроку на одну недѣлю; однако онъ прибавилъ, что если въ будущую субботу не будетъ уплачено, то будемъ имѣть дѣло съ полиціею, которая заставитъ насъ заплатить всю сумму, или оберетъ всѣ наши вещи.

Въ большомъ затрудненіи были родители мои, но не предавались отчаянію, полагаясь на милосердіе Божіе.

Между тѣмъ недѣля приходила къ концу, а серебро не продавалось: — зная нашу крайность, такъ дешево за эти вещи давали, что не выходило и половины той суммы, которая была необходима. И вотъ наступила уже пятница; маменька по своему обыкновенію пошла со мною къ ранней обѣдни, не только не забывая Бога въ страшныхъ хлопотахъ своихъ, но еще болѣе стремясь къ Нему всею душею, какъ къ истинной помощи всѣхъ невинно страждущихъ. Казанскій соборъ находился по близости, въ который маменька обыкновенно ходила къ обѣдни, и ставъ въ сторонѣ, молилась со всей горячностію чистой души, не развлекаясь ничѣмъ. Тутъ же довольно часто приходилъ въ церковь какой-то старичекъ и становился не далеко отъ насъ; онъ также чрезвычайно

усердно молился, а при выходѣ обдѣлялъ нищихъ мѣдными деньгами и очень ласково говорилъ съ ними; мы часто видѣли его, но совсѣмъ не знали, кто онъ такой. Въ эту пятницу, когда маменька еще прилежнѣе молилась и даже плакала, припадая къ образу Божіей Матери, какъ скорой помощницѣ всѣхъ христіанъ,— молитва ея такъ была пламенна, что старикъ не разъ смотрѣлъ на нее со слезами на глазахъ, обтиралъ ихъ украдкою и самъ принимался за молитву. По окончаніи службы, когда церковь опустѣла, подошелъ онъ къ намъ и, кланяясь очень низко, спросилъ, не знаемъ ли мы, гдѣ живетъ г-нъ Райскій, тотъ, котораго недавно отрѣшили отъ службы?

— Это мужъ мой, отвѣчала маменька вздыхая: — мы живемъ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ купца Добрынина.

— Покорно благодарю васъ, отвѣчалъ старикъ: — очень радъ, что встрѣтилъ его супругу,— у меня есть небольшое дѣльцо до него; сдѣлайте одолженіе передайте ему этотъ пакетъ, который прислалъ мнѣ одинъ мой знакомый и просилъ доставить; извините, что васъ обезпокоилъ; вы такъ усердно молились, что ко-

нечно Матерь Божія пошлетъ вамъ утѣшеніе,— надѣйтесь на Ея Святую помощь.

Сказавъ это, старикъ поклонился и ушелъ; а мы отправились домой съ письмомъ, надписаннымъ на имя батюшки.

Возвратясь изъ церкви, нашли мы бѣднаго отца моего чрезвычайно растроеннымъ; онъ только что пріѣхалъ домой, побывавъ у всѣхъ своихъ знакомыхъ, отъ которыхъ надѣялся получить въ займы нѣсколько денегъ, для дополненія къ проданному серебру, чтобы внести за квартиру. Но никто не хотѣлъ ссудить, отговариваясь разными невозможностями, а главное опасаясь того, что батюшка не въ состояніи будетъ заплатить имъ долгъ свой.

Какъ ни грустно было для маменьки видѣть неудачными всѣ ихъ попытки, но она старалась ободрить батюшку, припоминая, что онъ страдаетъ невинно и что Богъ, конечно, умилосердится надъ нами; сильно занятая горестью батюшки, она позабыла совсѣмъ о врученномъ ей письмѣ, оставя его въ своей муфтѣ; и уже я, придумывая, какъ бы разогнать глубокую печаль отца, хотѣла обратить его вниманіе на что нибудь постороннее; тогда я вспомнила о письмѣ, — побѣжала и принесла его.

Очень хладнокровно взялъ его батюшка изъ рукъ моихъ, распечаталъ и вдругъ вздрогнулъ такъ, что письмо упало на полъ.

— Что это? не новое ли еще несчастіе? воскликнула маменька; не унывай ради Бога, другъ мой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ батюшка; милосердіе Божіе превышаетъ наши желанія. Господи! благодарю Тебя! воскликнулъ онъ и со слезами повергся на землю, молясь предъ образомъ Спасителя.

Тогда мы обѣ съ маменькой кинулись поднять пакетъ и нашли въ немъ не только полную сумму, о которой такъ хлопотали; но еще и гораздо болѣе съ приложенной записочкой: „Пятьсотъ для уплаты за квартиру купца Добрынина, а тысячу на переѣздъ въ новый домъ.“ —

Можете представить себѣ, какъ мы обрадовались! и тутъ же по примѣру батюшки въ искреннемъ чувствѣ возблагодарили Господа и премилосердную Заступницу нашу, Матерь Божію.

Откуда присланы эти деньги, кто тотъ старикъ, который передалъ ихъ намъ, — мы совершенно не знали, и явное чудо совершилось надъ нами! Послѣ того батюшка тотчасъ послалъ за прикащикомъ и объявилъ ему, что вся сумма готова сполна.

— Вотъ видите, сказалъ онъ грубо: стало быть хорошо я сдѣлалъ, что пригрозилъ вамъ,— вѣдь нашлись же деньги.

— Да, нашлись, чуднымъ милосердіемъ Божіемъ, отвѣчалъ батюшка съ свойственною ему кротостію: — мы тотчасъ оставимъ домъ вашъ, только бы поскорѣе отыскать другую квартиру.

— Теперь когда вы заплатили, можете оставаться здѣсь по прежнему.

— Благодарю, любезный; но такая квартира намъ уже не по деньгамъ.

— А когда такъ, то я вамъ предложу очень хорошую и дешевую, но только не здѣсь на Невскомъ, а на Васильевскомъ островѣ; только врядъ вы туда захотите, особенно ваши барыни, потому что окна на дворъ.

— Для насъ все равно, только бы она была тепла и опрятна.

— Что тепла, то въ этомъ могу вамъ поручиться; печи, знаете, сдѣланы по старинному; а кума моя купчиха, которая отдаетъ въ наймы этотъ домикъ, сама любитъ жить очень чисто, къ тому же дешево ее уступаетъ.

— Благодаримъ, любезный, сказалъ батюшка: — сейчасъ же поѣду смотрѣть эту квартиру и если будетъ по деньгамъ, то и найму ее тотчасъ.

Тутъ прикащикъ совершенно перемѣнилъ тонъ и прибавилъ:— вотъ лучше всего, если вы ѣдете на Васильевскій островъ, то сдѣлайте одолженіе, свезите сами уплату вашу моему хозяину, Ивану Петровичу; онъ живетъ на Васильевскомъ островѣ, черезъ улицу отъ кумы моей, въ 6-ой линіи, въ собственномъ домѣ; на воротахъ увидите надпись: домъ купца Добрынина. На искосокъ черезъ улицу живетъ и кума моя; спросите только купчиху Дарью Степановну Матвѣеву, и всякій вамъ покажетъ. — А притомъ батюшка, Михаилъ Васильичъ, продолжалъ прикащикъ, низко кланяясь, — прошу васъ покорно, когда будете отдавать деньги хозяину, то замолвите за меня словечко; онъ человѣкъ добрый, да съ нѣко-

тораго времени какъ-то не довѣряетъ мнѣ, и сильно выговаривалъ за то, что я васъ тревожилъ; да чтожь дѣлать,—это наша должность. Я вѣдь говорилъ сущую правду, вы точно не могли выдать деньги; а теперь всенижайше прошу васъ, будьте отецъ родной; не помните зла, что я тревожилъ васъ, избавьте меня отъ нарѣканія, замолвите словечко передъ хозяиномъ. Сказавъ это, прикащикъ кланялся въ поясъ, пока получилъ удостовѣреніе отъ батюшки, точно неумѣвшаго сердиться, что онъ исполнитъ его просьбу.

Батюшка въ ту же минуту отправился на Васильевскій островъ и тамъ, подъѣхавъ къ низенькому деревянному дому самой старинной постройки, съ крыльцемъ подъ навѣсомъ, былъ готовъ согласиться съ тѣмъ, что хозяинъ чрезмѣрно скупъ; но внутренняя чистота комнатъ чрезвычайно ему понравилась, хотя и тамъ не было ничего затѣйливаго: самыя старинныя, дѣдовскія кресла и стулья изъ простаго дерева, обитые черной кожей, стѣны съ пестрыми обоями, простой крашеный полъ,— однимъ словомъ, ни малѣйшей роскоши не видно было въ этомъ жилищѣ милліонщика! Но ба-

тюшка не любилъ осуждать никого, держась того правила, что если не можемъ мы судить безошибочно самихъ себя, то какъ же осмѣлимся разбирать дѣла посторонняго человѣка? видя одну сторону вещи, очень легко ошибиться, и потому должно остерегаться рѣшительнаго мнѣнія на счетъ другихъ,— одинъ Богъ можетъ произнести приговоръ, зная всю глубину души каждаго человѣка. Такого рода правило было непоколебимо въ сердцѣ батюшки и потому онъ добродушно и искренно обходился со всѣми.

Пріѣхавши въ домъ Добрынина, батюшка увидѣлся съ хозяиномъ дома. Онъ былъ лѣтъ шестидесяти, высокъ ростомъ, съ открытымъ и пріятнымъ лицемъ, въ русскомъ кафтанѣ и съ бородою. Учтиво попрося его сѣсть, онъ спросилъ, что ему угодно? и когда батюшка объявилъ, что принесъ ему уплату за квартиру, тотъ отвѣчалъ:

— Да! я этому и не вѣрилъ, чтобы вы и хотѣли расплатиться.

Батюшка разсказалъ ему всю прежнюю невозможность и чудесный случай съ маменькой въ Казанской церкви.

— Слава Богу! отвѣчалъ онъ, видно супруга ваша усердно молилась. И я очень радъ, что мои прикащики не станутъ болѣе васъ безпокоить; извините ихъ ради Бога, если они нагрубили вамъ, и оставайтесь спокойно на прежней вашей квартирѣ.

Но когда батюшка сказалъ, что вслѣдствіе растройства въ дѣлахъ онъ не можетъ нанимать квартиру на Невскомъ проспектѣ, а желаетъ пріискать гдѣ нибудь подальше и подешевлѣ, и что прикащикъ его, который точно исполнялъ долгъ свой, наблюдая выгоды хозяина, ни сколько не оскорбилъ его, а напротивъ предлагаетъ ему еще новую квартиру въ домѣ купчихи Матвѣевой, — то Иванъ Петровичъ подтвердилъ, что точно квартирка хорошенькая, только невелика.

— Намъ и не нужно большой, отвѣчалъ батюшка.

— Когда такъ, то вы будете довольны,— домикъ теплый и чисто содержится. А также и я буду очень радъ имѣть такого добраго сосѣда, какъ вы, прибавилъ онъ, пожавъ руку батюшки.

Такъ они разстались. Пользуясь предложеніемъ хозяина жить сколько угодно на прежней квартирѣ, совсѣмъ безъ платы, родители мои рѣшились остаться еще на недѣлю для того именно, что надѣялись встрѣтить въ Казанскомъ соборѣ благодѣтельнаго старика, чтобы поблагодарить его. Однако несмотря на то, что мы всѣ трое каждый день ходили къ заутрени и ко всѣмъ службамъ въ эту церковь, желаніе наше не исполнилось; спрашивали у нищихъ и тѣ съ горемъ объявили, что давно не видятъ своего благодѣтеля и что онъ совсѣмъ пересталъ ходить въ эту церковь. Тогда мы поняли, что старикъ, желая благодѣтельствовать въ тайнѣ, укрывался отъ насъ, и рѣшились оставить свои поиски, чтобы не лишать и другихъ его щедрой помощи.

И такъ, найдя квартиру прикащиковой кумы очень удобною для насъ, тѣмъ, что была ровно въ четверо дешевле прежней, мы тотчасъ стали перевозиться и поселились въ четырехъ небольшихъ, но чистыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ, потому что окна были на югъ, а это для насъ было пріятнѣе всякой улицы. Солнышко лучами своими согрѣвало квартиру и придавало веселость жителямъ ея.

Видя, что родители мои успокоились, я ожила совершенно, и уединенный Васильевскій островъ показался мнѣ гораздо веселѣе многолюднаго Невскаго проспекта тѣмъ болѣе, что я съ малолѣтства пріучена была искать развлеченія въ занятіи, а не въ томъ, чтобы сидѣть у окошка и смотрѣть на проходящихъ. Когда же наступила весна, то Васильевскій островъ показался мнѣ раемъ. Зелень въ садахъ, чистый воздухъ восхищали меня; я не могла нарадоваться на веселую и свѣтлую квартиру нашу съ палисадникомъ передъ окнами и довольно большимъ огородомъ позади дома. Палисадникъ особенно восхищалъ меня, потому что я могла сама его обработывать и сажать цвѣты, до которыхъ была страстная охотница.

Потомъ добрая хозяйка, видя, что мы всегда заняты рукодѣльемъ, обѣщалась намъ доставать заказную работу на выгодныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ у меня минуты не пропадало даромъ; усердно принялись мы съ маменькою трудиться, вышивали подушки по канвѣ, иногда коверъ, кресла и стулья на цѣлую комнату; иногда заказывали мнѣ рисовать

цвѣты на стеклѣ или на деревѣ, и за все это получали хорошую плату, такъ что дѣла наши видимо поправились и не такъ трудно стало жить намъ; къ тому же батюшка тоже имѣлъ своего рода занятія, за что также получалъ деньги. Время летѣло, скуки мы никогда не знали. Всю недѣлю работали мы прилежно, вставая всегда очень рано и только по воскресеньямъ оставляя работу, ходили по прежнему къ заутрени и ранней обѣдни. Однако при такой трудовой жизни, не разстроилось здоровье наше, а еще болѣе укрѣпилось, и я до того была довольна своей судьбою, что не желала счастія болѣе; какое-то спокойствіе и радость наполняли душу мою. И хотя я тогда была еще очень молода, но меня нисколько не огорчало, что не имѣю возможности выѣзжать въ гости, какъ другія дѣвушки моихъ лѣтъ, что не имѣю состоянія наряжаться, какъ многія изъ нихъ, и что нигдѣ не бываю, кромѣ церкви Божіей и недальнихъ прогулокъ въ моемъ палисадникѣ. До всего этого мнѣ не было никакой нужды, находя первымъ удовольствіемъ быть дома и работать вмѣстѣ съ маменькою; я весело просыпалась поутру,

проворно вставала и, потрудившись въ теченіе дня, спокойно засыпала; душа моя какъ-то была удовлетворена вполнѣ и мнѣ казалось, что уже нечего желать болѣе! Одного только просила я у Бога, чтобы подкрѣпилъ здоровье и продлилъ жизнь моихъ добрыхъ родителей.

Милосердый Господь услышалъ мое моленіе: крайность и бѣдность не изнурили ихъ силы, которыя поддерживались чудеснымъ образомъ.

Мы были уже такъ недостаточны, что не-на-что было нанимать и содержать людей, потому все дѣлали сами. Батюшка, вставая до солнышка, съ помощію одного поденщика обработывалъ огородъ нашъ, гдѣ сажали мы капусту, горохъ, свеклу, морковь и рѣпу; а я по захожденіи солнца поливала всѣ эти овощи и цвѣты въ палисадникѣ. Но и это было великое благодѣяніе Божіе къ намъ! Батюшку въ его трудовой, сидячей жизни спасалъ огородъ, гдѣ принужденъ онъ былъ дѣлать сильныя движенія; матушку— то, что она принуждена была, кромѣ хлопотъ по хозяйству, ходить иногда на рынокъ съ кухаркою, а я, занимаясь цвѣтами, выбирала только свободную минуту, чтобы посмотрѣть за ними, выполоть

лишнюю траву, полить грядки, подвязать упавшіе цвѣточки, кромѣ еще ежедневной поливки въ огородѣ; что составляло для меня очень пріятное занятіе каждые сумерки и уничтожало вредъ сидячей жизни за пяльцами, въ теченіе дня, и здоровье всѣхъ насъ удивительно поправилось. Пять лѣтъ прожили мы такимъ образомъ, потомъ вышла я замужъ за моего незабвеннаго друга. Скромная и трудолюбивая жизнь моя такъ ему понравилась, что онъ, будучи богатый женихъ, предложилъ мнѣ свою руку. И вотъ я снова начала жить въ большомъ домѣ, который только потому мнѣ былъ очень пріятенъ, что я могла помѣстить въ немъ милыхъ своихъ родителей и вмѣстѣ съ мужемъ успокоивать ихъ старость до самой смерти. Мужъ мой былъ такой человѣкъ, что совершенно замѣнялъ для нихъ самаго почтительнаго, нѣжнаго сына; такъ что они, благословляя насъ, кончили вѣкъ свой и переселились туда, гдѣ конечно за ихъ добродѣтели наслаждаются вѣчнымъ блаженствомъ. Слѣдовательно ни потеря состоянія, ни утрата мірскихъ почестей, не могутъ сдѣлать насъ несчастными, если въ душѣ остается сознаніе

въ исполненіи своего долга, и если, смиренно покоряясь волѣ Божіей, стараемся безъ ропота привыкать ко всякому роду жизни. Отъ этого зависитъ миръ души, котораго никакія сокровища замѣнить намъ не могутъ.— Но возвратимся къ нашему богачу, Ивану Петровичу Добрынину.

Нанявъ домикъ у купчихи Матвѣевой, мы поселились очень близко къ его жилищу, однако ни маменькѣ, ни мнѣ не случалось его видѣть; онъ очень рѣдко выѣзжалъ со двора и то по большей части очень рано утромъ, или поздно вечеромъ. Одинъ батюшка видался съ нимъ довольно часто, они оба любили потолковать, сидя въ рабочей комнатѣ старика Добрынина, какъ называлъ онъ кабинетъ свой.

Въ этой рабочей комнатѣ батюшка любилъ бесѣдовать съ Иваномъ Петровичемъ и удивлялся силѣ его природнаго ума, его твердымъ нравственнымъ правиламъ и благороднымъ поступкамъ. Батюшка очень желалъ познакомить его съ нами; но сколько онъ не упрашивалъ его посѣтить насъ, все было напрасно; Иванъ Петровичъ постоянно отговаривался чѣмъ-нибудь. Жена его простая, но достойная

и добрая женщина, дочь ихъ моихъ лѣтъ, познакомясь съ нами, хаживали иногда къ намъ и мы къ нимъ; но старика отца никогда мы не видали. Впрочемъ онъ не любилъ проводить время съ гостями, потому что, по его мнѣнію, это была пустая трата дорогаго времени. Прошло нѣсколько мѣсяцовъ, и какъ теперь помню, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья, пошли мы къ заутрени въ ту церковь, которая только что была возобновлена и чрезвычайно богато отдѣлана сосѣдомъ нашимъ Добрынинымъ. Всякому хотѣлось побывать въ этой церкви и мы пошли туда же съ цѣлію послушать прекрасное пѣніе торжественныхъ молитвъ Свѣтлаго праздника, а также и для того, что надѣялись увидѣть тамъ самого строителя храма. Радостная полночь приближалась, пушечный выстрѣлъ въ крѣпости заставилъ насъ поспѣшить въ церковь, чтобы занять выгодное мѣстечко. Народъ собрался и богослуженіе началось.

Когда заутреня кончилась, всѣ наперерывъ спѣшили подойти къ кресту и потомъ къ священнику съ привѣтствіемъ: Христосъ воскресъ! Подошли и мы ближе,— и представьте мою ра-

дость,— я увидѣла въ толпѣ благодѣтельнаго старика, вручившаго намъ пакетъ въ Казанской церкви. Маменька благодарила его, употребивъ все свое краснорѣчіе; я также благодарила его, сколько умѣла. Въ эту минуту вышелъ батюшка изъ алтаря.

— Вотъ нашъ благодѣтель! сказали мы обѣ,— вотъ старичекъ, который своею благотворительностію спасъ насъ отъ грозящаго намъ несчастія!

Батюшка ничего не отвѣчалъ, но проговорилъ только: Иванъ Петровичъ?

— Гдѣ онъ, гдѣ?.... Милый батюшка! покажите мнѣ его ради Бога, сказала я, услышавъ знакомое имя.

— Что ты, Пашенька? спросилъ батюшка съ удивленіемъ,— развѣ ты не знаешь, съ кѣмъ ду говорила сейчасъ?

— Какъ не знать, это общій нашъ благодѣтель; но покажите мнѣ вашего Ивана Петровича,— возразила я съ живостію, опасаясь потерять его въ народѣ.

Маменька отгадала мою ошибку и поспѣшила объяснить мнѣ, что благодѣтельный старикъ и Иванъ Петровичъ одинъ и тотъ же человѣкъ.

Тутъ мы всѣ трое принялись благодарить его; но онъ скромно сказалъ, что подобная милость не стоитъ того, чтобы такъ долго помнить объ ней, тѣмъ болѣе, что онъ всегда за счастіе считаетъ пособить людямъ, добросовѣстно распоряжающимся всякимъ добромъ, посланнымъ отъ Бога; почему просилъ насъ больше не безпокоить его благодарностію, сказавши при этомъ: „все Божіе!“

Это обстоятельство объяснило намъ, почему Иванъ Петровичъ избѣгалъ встрѣчи съ нами.

Скрываться отъ насъ Ивану Петровичу больше не было никакой надобности, и потому онъ на другой же день пришелъ къ намъ со всѣмъ своимъ семействомъ и просидѣлъ весь вечеръ. Родители мои были очень довольны его посѣщеніемъ и благодарили отъ всей души за его милостивое къ намъ вниманіе.

Иванъ Петровичъ въ свою очередь доволенъ былъ нашею съ нимъ откровенностію и угощеніемъ, какъ ни было оно скудно. При этомъ онъ высказалъ нѣсколько простыхъ, но чрезвычайно поучительныхъ истинъ. Тутъ мы

покороче узнали Ивана Петровича и съ каждымъ днемъ, ближе и ближе всматриваясь въ его жизнь, мы изучили ее и передаемъ нашимъ читателямъ съ возможною подробностiю. Читатель не найдетъ въ ней ни драматизма, ни сценъ романическихъ; это была жизнь, строго согласовавшаяся съ понятiями о чистой нравственности, подчиняя ей всѣ душевныя потрясенiя и уклоненiя желанiй.

„Отецъ мой былъ сирота призрѣнный, очень бѣднымъ торгашемъ перинаго ряда въ Гостиномъ Дворѣ, который торговалъ мелочнымъ товаромъ и едва сводилъ концы съ концами. Всѣ знали его подъ именемъ Терентьича. Онъ до того былъ добръ и сострадателенъ ко всѣмъ несчастнымъ, что при всей своей бѣдности находилъ средства помогать имъ. Услышавъ, что одна бѣдная вдова, прiѣхавшая недавно изъ далекаго края, съ сыномъ двухъ лѣтъ, вдругъ занемогла и скоро умерла, оставя ребенка безъ всякаго прiюта, Терентьичъ, недолго думая, взялъ малютку на свое попеченiе и сталъ ухаживать за нимъ съ истинно материнскою заботливостiю. Мальчикъ, воспитанный въ страхѣ Божiемъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ сталъ

полезнымъ Терентьичу; онъ сидѣлъ въ лавкѣ и торговалъ очень добросовѣстно: ни въ ущербъ мнимому отцу, ни въ обиду покупателямъ. Всѣ торговцы между прочимъ слѣдили за поведенiемъ мальчика изъ уваженiя къ Терентьичу; но убѣдившись въ его честности невольно позавидовали старику въ такой находкѣ, а мальчика полюбили и звали его къ себѣ наперерывъ попить чайку. Петруша (такъ звали мальчика) не охотно пользовался всякимъ приглашенiемъ, по примѣру своего Терентьича, и тѣмъ онъ прiобрѣлъ еще большую любовь и довѣренность хозяина. Старикъ по слабости здоровья отдалъ лавчонку въ полное распоряженiе своего воспитанника. Съ этихъ поръ Петруша еще дѣятельнѣе принялся за маленькую торговлю и каждый мѣсяцъ отдавалъ отчетъ о приходѣ и расходѣ своему благодѣтелю, а между тѣмъ усердно старался объ улучшенiи торговли; въ скоромъ времени она дѣйствительно улучшилась. Терентьичъ, убѣдившись вполнѣ въ добросовѣстности своего Петруши, выдалъ за него свою единственную любимую дочь, и хотя много было претендентовъ на ее руку побогаче Петруши, но

онъ предпочелъ послѣдняго и такимъ образомъ совершенно усыновилъ его.

Терентьичъ съ старухой своей спокойно дожили вѣкъ на рукахъ любимыхъ ими дѣтей и отошли въ вѣчность, оставивъ добрую память по себѣ своими высокими христіанскими добродѣтелями.

Молодые супруги свято исполняли завѣщаніе отца и матери. Истинная вѣра и любовь къ Богу и ближнимъ готовили имъ неувядаемый вѣнецъ; временные прибытки мало по малу умножались и бѣднѣйшая лавчонка обратилась въ настоящій магазинъ.— Вотъ ясное доказательство благословенія Божія за честный трудъ человѣка и любовь его къ ближнимъ.

Торговля бѣднаго сиротки процвѣтала; изъ сидѣльца сдѣлался онъ купцомъ и отъ мелочной промышленности дошелъ до оптоваго торга.

Во всю жизнь свою никогда онъ не покривилъ душою и всѣмъ нуждающимся никогда не отказывалъ въ помощи. Господь видимо благословлялъ всѣ дѣла его и торговля нашего дома прославилась во всемъ городѣ. Я былъ у него единственный сынъ, и когда

подросъ, отецъ принялся меня учить грамотѣ и Закону Божію.

Съ малолѣтства пріучили меня не пропускать ни одного изъ праздниковъ въ году безъ молитвы,—стоять въ церкви чинно, соблюдать всѣ посты и уважать старшихъ. Я къ этому такъ привыкъ, что нарушить одну изъ предписанныхъ заповѣдей мнѣ и въ голову никогда не приходило; а совѣсть въ свою очередь брала верхъ и ясно говорила мнѣ, что нарушеніе заповѣди есть великое преступленіе.

Отецъ всегда наставлялъ меня въ добрыхъ дѣлахъ и строго слѣдилъ за каждымъ шагомъ на поприщѣ моей промышленности и торговли;—главное, онъ любилъ честность и потому чаще всего толковалъ о ней. При этомъ онъ предостерегалъ меня отъ чванства, которымъ легко заражаются люди богатые, и совѣтовалъ навсегда остаться въ томъ званіи, въ которомъ рожденъ, приговаривая: „все это, мой милый, возможно и должно, только берегись, чтобы тебя не сбили съ толку злые люди,—тогда не далеко до бѣды. Тогда ты самъ пой-

мешь свою неблагодарность за горячую любовь и искренніе совѣты твоихъ родителей,— поймешь, сынъ мой, только будетъ поздно. Вслѣдствіе неблагодарности жиды распяли Христа, забывъ Его благодѣянія къ себѣ; а сколько Онъ исцѣлялъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, слѣпымъ возвращалъ зрѣніе, разслабленныхъ укрѣплялъ въ силахъ,—все это они забыли и Благодѣтеля своего предали смерти! Вслѣдствіе неблагодарности праотецъ нашъ Адамъ сдѣлался ослушникомъ повелѣній Божіихъ и былъ изгнанъ изъ рая! — Вотъ какъ ужасенъ порокъ неблагодарности: берегись его, сынъ мой, не давай вкореняться ему въ свою душу. Старайся преуспѣвать въ торговлѣ вѣрнымъ разсчетомъ и неутомимою дѣятельностію. Сохрани тебя Богъ отъ скупости и гордости; смиряйся во всемъ и будь покоренъ волѣ Божіей. Ему было угодно, чтобы ты родился въ простомъ званіи, не желай изъ него выдти; повѣрь мнѣ, что это есть лучшій путь для тебя: ты видѣлъ примѣръ дѣда, видишь примѣръ своихъ родителей, слышалъ не разъ о достоинствахъ хорошаго и честнаго купца; ты знаешь также, какъ все пріобрѣ-

тается трудно и напротивъ теряется легко въ нашемъ званіи; взвѣсь все это и смотри въ оба. Посуди самъ, если ты вдругъ, не обдумавъ, выйдешь изъ твоего родоваго круга и вступишь въ чужое, неизвѣстное тебѣ доселѣ сословіе; не тоже ли будетъ съ тобою, если бы ты, оставя прямую, указанную тебѣ дорогу, вдругъ по незнакомой проселочной зашелъ въ дречій лѣсъ? Ты самъ знаешь, что кто ходитъ ощупью въ незнакомомъ мѣстѣ, тотъ не можетъ подать руку помощи своему ближнему.— Берегись этого, сынъ мой; если хочешь быть порядочнымъ человѣкомъ, береги и дѣтей своихъ и веди ихъ по тому же пути; тогда навѣрное какъ ты, такъ и они не будутъ безполезными членами общества.

Какъ дворянинъ можетъ принести пользу отечеству благоразумнымъ управленіемъ и безкорыстною службою, какъ воинъ храбростію и самоотверженіемъ; такъ точно и купецъ торговлею и честностію. Словомъ, каждое званіе, каждое сословіе и ремесло полезно и необходимо въ обширномъ хозяйствѣ — нашемъ государствѣ."

Съ мнѣніемъ моего отца, я совершенно соглашался и потому далъ слово остаться въ томъ званіи, въ которомъ рожденъ, и всегда честно трудиться для пользы отечества.

Такъ, по завѣщанію родителя, воспиталъ я и дѣтей моихъ съ тою только разницею, что, по требованіямъ нынѣшняго вѣка, научилъ ихъ не одной русской грамотѣ, но и чужестраннымъ языкамъ, вполнѣ постигая необходимость ихъ въ нашемъ купеческомъ быту; однако прежде всего старался вкоренить въ душахъ ихъ истинныя правила нашей православной вѣры, горячей любви къ Богу и отечеству.

—Такого мнѣнія былъ Иванъ Петровичъ, сказала Прасковья Михайловна,—и въ продолженіи своей жизни всегда придерживался этого правила строго; вотъ почему жизнь его оставила по себѣ свѣтлую перспективу христіанскихъ добродѣтелей.

Жертвуя значительную сумму на какое нибудь богоугодное заведеніе, онъ не ограничивался этою жертвою и всегда неутомимо слѣдилъ за всѣми нуждами сиротъ, больныхъ и престарѣлыхъ. Живя такимъ образомъ, онъ

всегда находилъ случай оказать съ своей стороны благотворительность. Жена и дѣти подражали доброму примѣру старика и всѣ рука объ руку шли однимъ путемъ къ достиженію и себѣ блага только не временнаго, а вѣчнаго.

Описывая высокія добродѣтели Ивана Петровича, нельзя не сказать слова два и о томъ, что онъ сдѣлалъ для насъ. Случайно познакомившись съ батюшкой и полюбя его искренно за безкорыстіе и честность, столь рѣдкія добродѣтели въ нашъ вѣкъ, этотъ человѣкъ желалъ благотворить семьѣ его, вполнѣ постигая ея нужды; но ему не хотѣлось обнаруживать своего добраго намѣренія предъ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе предъ нами,—въ этомъ случаѣ Иванъ Петровичъ былъ очень остороженъ. Если же я впослѣдствіи узнала, кому мы обязаны благодарностію за тайное приношеніе, то этому способствовало обстоятельство слѣдующаго рода.

Машенька, дочь Ивана Петровича, однихъ со мною лѣтъ, часто хаживала въ нашъ домъ и была первой и искренней подругой моего дѣтства. Иванъ Петровичъ, зная отношенія

наши былъ совершенно доволенъ; родители мои — тоже.

И мы дѣйствительно были очень дружны: работали, играли всегда вмѣстѣ; захотѣлось ли намъ погулять въ экипажѣ,— стоитъ только Машенькѣ сбѣгать домой, и чрезъ полъ часа мы ѣдемъ куда нибудь: въ Гостиный ли Дворъ или къ родственникамъ Машеньки, но всегда впрочемъ подъ непосредственнымъ надзоромъ Дарьи Степановны, ключницы нашего дома, простой, доброй и благочестивой женщины. Иванъ Петровичъ любилъ свою дочь горячо и ни въ чемъ не отказывалъ ей; лошади всегда были готовы къ нашимъ услугамъ и мы ѣздили большею частію къ родственникамъ моей подруги. Впрочемъ выѣзды наши были не очень часты: то экипажъ обломался и требуетъ починки, то лошадь захромаетъ, то Иванъ Петровичъ вздумаетъ самъ куда нибудь ѣхать по дѣламъ, не требующимъ отлагательства, и мы сидимъ дома. Особенно сколько разъ не собирались мы навѣстить Анюту, только что выпущенную изъ института (двоюродную сестру Машеньки), наши попытки какъ нарочно оставались напрасны. Наконецъ не

со мню по какимъ интересамъ Иванъ Петровичъ долженъ былъ ѣхать въ Москву, и уѣхалъ.

Жена его очень рѣдко выѣзжала, слѣдовательно экипажъ и лошади были теперь въ полномъ нашемъ распоряженіи, и мы, выпросивъ позволеніе съѣздить покататься, вздумали исполнить давнишнее желаніе — посѣтить Анюту, и очень радовались такому, по видимому, нежданному случаю.

Отецъ Анютинъ, купецъ первой гильдіи, былъ не такъ богатый человѣкъ, какъ Иванъ Петровичъ, но за то любилъ пожить открыто и со вкусомъ. Мы подъѣхали къ крыльцу, вошли по великолѣпной лѣстницѣ, устланной коврами, въ переднюю; потомъ чрезъ залу—въ гостиную, очень богато и хорошо убранную. Нисколько не удивляясь такой роскоши, я смотрѣла на окружающую меня мишуру весьма равнодушно. Анюты не было здѣсь. Машенька, зная напередъ, что она большею частію проводитъ время въ любимой своей комнатѣ, пошла прямо туда, пригласивъ и меня съ собой. По выходѣ изъ гостиной, мы чрезъ длинный корридоръ вошли въ полукруглую комнату съ стеклянымъ фонарикомъ на улицу;

и точно Анюта была тутъ. Она сидѣла подлѣ окна, разбирая какія-то картинки. Увидя насъ, она вскочила, обняла Машу и, поцаловавшись съ нею, спѣшила ко мнѣ. Но я стояла неподвижно посрединѣ комнаты, забывъ уже и Анюту и Машу; въ изумленіи оборачивала я голову во всѣ стороны и съ удивленіемъ разсматривала все, что тутъ было.

— Что съ нею сдѣлалось? сказала Маша.

— Не знаю отвѣчала Анюта,— и обѣ принялись смѣяться.

— Скажи пожалуйста, милая Пашенька, что могло тебя такъ удивить въ этой просто убранной горницѣ?

— Навѣрное то, сказала Анюта, что Пашенька, зная, какъ мало занимаюсь я рукодѣльемъ, увидѣла мою горницу всю убранную такимъ прекраснымъ шитьемъ.

— Точно, милая Анюта, все, все удивляетъ меня здѣсь! проговорила я наконецъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? очень я этому рада! и теперь только понимаю, какъ отлично украсилъ мою горницу, милый дядинька....

— Какой дядинька? прервала я ее съ нетерпѣніемъ.

— Иванъ Петровичъ; не знаю, откуда онъ беретъ такое отличное шитье.

— О, теперь я все понимаю! воскликнула я, сложивъ руки на груди и поднявъ глаза къ небу съ мысленной молитвой къ Богу наградить это благородное существо. Машенька, другъ мой! отецъ твой неподражаемъ! проговорила я, и слезы градомъ покатились изъ глазъ моихъ. — Все, что видите вы здѣсь, — начала, я, обращаясь къ изумленнымъ моимъ подругамъ,— все — эти стѣны, покрытыя кисеею, вышитою на тамбурѣ, этотъ диванъ, кресла, разнаго рода подушки, коверъ — шитье по канвѣ; восковые цвѣты по угламъ; ширмы, расписанныя по стеклу, даже столикъ съ нарисованнымъ букетомъ,— все это, мои милыя, чрезвычайно мнѣ знакомо: это работа маменьки и моя. Представьте же себѣ: вотъ уже скоро четыре года, какъ переѣхали мы на Васильевскій островъ; съ тѣхъ поръ не было у насъ недостатка въ заказной работѣ, за которую всегда безъ торга платили намъ сверхъ назначенной цѣны. Дарья Степановна, какъ видно, была въ заговорѣ съ нашимъ благодѣтелемъ; она увѣрила насъ съ перваго разу, что

у ней есть знакомые во многихъ магазинахъ и что они охотно будутъ покупать и заказывать намъ разныя работы. Съ тѣхъ поръ эти заказы не прекращались. Что было готово, тотчасъ съ рукъ сбывали, и каждая работа приносила намъ почти двойную плату, вовсе не назначая цѣнности вещи. Но какъ не догадались мы тогда, тѣмъ болѣе, что умноженіе платы почти всегда случалось въ то время, когда нужно было намъ купить дровъ или что нибудь самое необходимое для стола. Дарья Степановна, посѣщавшая насъ довольно часто, какъ хозяйка дома, легко узнавала наши крайности и, погоревавъ съ нами, тотчасъ предлагала свои услуги—снести къ своимъ знакомымъ нашу работу для продажи. Также передъ большимъ праздникомъ приносила она болѣе назначенной нами цѣны, объясняя это тѣмъ, что работа наша чрезвычайно понравилась. Теперь только сама я вижу ясно, что все это дѣлалъ великодушный Иванъ Петровичъ! Счастлива ты Маша; отецъ твой истинно великій человѣкъ передъ Богомъ и передъ людьми! Проникнутая до глубины души, съ жаромъ говорила я эти слова, и пріятельницы

мои слушали меня съ особеннымъ вниманіемъ. Возвратившись домой, я тотчасъ разсказала своимъ родителямъ случившееся со мною и они радовались моему открытію.

— Да, другъ мой, Пашенька—сказалъ батюшка:—подобные люди это настоящіе свѣтильники на землѣ и по ихъ заслугамъ держится весь грѣшній міръ нашъ. Къ дѣламъ Ивана Петровича можно примѣнить ту чудесную лѣстницу, которую описываютъ св. отцы, для восхожденія на небо. Начавъ съ самой низшей ступени: *смиренія*, онъ переступилъ на вторую—*любви къ ближнему*, и этимъ путемъ дошелъ *до самоотверженія, сострадания и милосердія*. Таковъ былъ нашъ Иванъ Петровичъ, умѣвшій посредствомъ тлѣннаго пріобрѣтать нетлѣнное.

Благодѣянія Ивана Петровича къ намъ не прекращались и послѣ моего открытія. Полюбивъ батюшку, какъ искренній другъ, онъ подъ видомъ собственныхъ дѣлъ отправился въ Москву; а на повѣрку выходило, что этотъ человѣкъ, посредствомъ своихъ знакомыхъ въ высшемъ кругу общества обѣихъ столицъ, принялся хлопотать объ оправданіи невинно окле-

ветаннаго батюшки; въ этомъ онъ успѣлъ и кромѣ того выхлопоталъ ему потерянное мѣсто.

Можете представить себѣ, какой былъ восторгъ для всѣхъ насъ когда мы узнали эту оригинальную продѣлку Ивана Петровича. Батюшка мой, хотя тоже радовался и благодарилъ Ивана Петровича за покровительство и защиту невинныхъ, но не могъ примириться съ тѣмъ, что, при всей невинности своей и чистотѣ, замаранъ въ формулярномъ спискѣ и въ глазахъ многихъ честныхъ людей, для которыхъ скрыта была истина. Какъ-бы то ни было, но мы, не зная, какъ и чѣмъ возблагодарить нашего благодѣтеля, не безъ слезъ оставили нашъ маленькій мирный уголокъ и, что печальнѣе всего, должны были разстаться съ добрымъ Иваномъ Петровичемъ и всѣмъ его семействомъ.

Такъ оставили мы Петербургъ и переѣхали въ Москву, гдѣ и поселились въ казенной довольно чистой квартирѣ; но и тутъ жалованье батюшки было очень ограниченное такъ, что мы при всей осторожности нашей въ сбереженіи копѣйки на черный день, едва

могли сводить концы съ концами. Дѣлать было нечего, — мы снова принялись за работу, но тутъ и труды наши не вознаградились: часто съ убыткомъ для себя продавали цѣлую вещь, лишь бы удовлетворить нуждамъ.

По прошествіи года, въ первый день Свѣтлаго Воскресенія Христова, по возвращеніи нашемъ изъ церкви, въ три часа ночи, мы вышли въ столовую. Принявъ поздравленіе отъ явившихся вслѣдъ за нами гостей и, по русскому обычаю, похристосовавшись съ ними, маменька просила гостей закусить, и мы всѣ сѣли за столъ, не пышно убранный, но вкусно и чисто приготовленный; тутъ маменька замѣтила, что вмѣсто одного кулича, ею заказаннаго, явилось два. Какимъ это образомъ? спросила она. — Да, другой-то, сударыня, хоть и цвѣтами разукрашенъ, а его все-таки кушать нельзя, — отвѣчалъ слуга.

— Намъ нельзя кушать?.... что же это за куличъ?

Человѣкъ усмѣхнулся и сказалъ сквозь зубы: да вѣдь онъ картонный.

— Что это значитъ?

— Не знаю, сударыня. Передъ вашимъ

пріѣздомъ изъ церкви какой-то незнакомый человѣкъ принесъ этотъ куличъ и велѣлъ мнѣ поставить его на столъ съ вашей пасхою и куличами. Въ лакейской у меня горѣлъ маленькой огарокъ, и было темно. Но когда зажегъ я всѣ свѣчи и взялъ принесенный куличъ, чтобы поставить его на столъ, то замѣтилъ, что онъ очень легокъ; при этомъ я вспомнилъ мою родину, потому что наши кіевскія бабы тоже легки, какъ перо.

— Почему же ты не отдалъ его назадъ?

— Мальчикъ, поставивъ его на столѣ въ лакейской, такъ проворно ушелъ, что я не успѣлъ сказать и двухъ словъ.

— Удивительная вещь, — произнесъ батюшка, усмѣхаясь:—это вѣрно тебѣ, Пашенька, прислалъ кто нибудь игрушку съ конфетами, думая, что ты все еще маленькая.

Я придвинула къ себѣ этотъ мудреный куличъ и, удостовѣрившись, что онъ точно картонный, стала поворачивать во всѣ стороны и наконецъ примѣтила, что онъ на днѣ открывается.

— Бѣдная Паша, тебя принимаютъ за дитя, а ты открываешь все такія сокровенныя тайны; — тамъ должно быть есть конфеты?

Я осторожно открыла вложенную штучку снизу и увидѣла, что въ куличѣ не было даже и конфетъ. Онъ былъ пустой и въ немъ лежала свернутая бумага.

— А, это стихи! вскрикнула я смѣясь:—дочь вашу считаютъ важною взрослою дѣвицей! съ этимъ словомъ развернула я бумагу.

— Что это такое? возразилъ батюшка:—бумага съ печатями,... Читай Пашенька.

Я начала: Купчая крѣпость на деревню Соловьевку, съ принадлежащими къ ней землями,- и прочее, что пишется въ подобныхъ актахъ.

Представьте наше удивленіе и дополните вашимъ воображеніемъ, что было у насъ на душѣ! Это была настоящая купчая крѣпость, на имя батюшки, какъ бы онъ вновь купилъ свою прежнюю деревню, о потерѣ которой мы такъ часто вспоминали и плакали. Бумага была утверждена и скрѣплена въ судѣ, какъ слѣдовало, и деревня принадлежала намъ...

— Этотъ благодѣтель никто другой, а старый пріятель нашъ Иванъ Петровичъ! воскликнулъ батюшка.

Дѣйствительно это былъ Иванъ Петровичъ. Онъ давно зналъ, хотя я ни разу ему не вы-

сказывала, какъ сердце мое обливалось кровью при видѣ добрыхъ нашихъ крѣпостныхъ въ рукахъ строгаго помѣщика. Притомъ это мое родовое имѣніе продано съ аукціона и досталось недоброму человѣку. Иванъ Петровичъ выжидалъ только случая и, приспособляясь къ обстоятельствамъ, когда что полезно и на сколько, возвратилъ мнѣ это сокровище.

Такъ, незабвенный для насъ Иванъ Петровичъ, довершивъ свои благодѣянія къ намъ, вскорѣ окончилъ полезную свою жизнь и пошелъ принять нескончаемую награду, за исполненіе высокихъ евангельскихъ добродѣтелей. Память о немъ не изгладится въ душѣ моей, и благословеніе его праху не умолкнетъ въ устахъ моихъ.

По окончаніи чтенія, всѣ мы сидѣли молча, потому что въ душѣ накопилось столько чувствъ, что ихъ трудно было высказать. День былъ ясный, солнце горѣло на безоблачномъ небѣ и благорастворенный воздухъ, какой только можетъ быть въ большомъ городѣ, придавалъ ему какую-то особенно очаровательную прелесть. Легкій, красивой работы экипажъ, запряженный парою отличныхъ лошадей, остановился у подъѣзда. Изъ него вышелъ молодой человѣкъ, въ военномъ мундирѣ, завѣшенномъ орденами, и съ нимъ хорошенькая дама.

— Кто это? вскрикнулъ Владиміръ, сидя у окна: — какія щегольскія лошади!

— Это не къ намъ, отвѣчала Лиза.

Но въ ту же минуту раздался звонокъ въ передней, дверь отворилась и гости вошли.

— Что я вижу? Александръ! Соничка! произнесла Прасковья Михайловна и, поспѣшно бросивъ свою работу, заключила молодыхъ гостей въ свои объятія.

— Позвольте вамъ представить моихъ дѣтей: дочь моя Лиза и сынъ Владиміръ.

— Ахъ, какъ подросли! представьте, я не узнала бы ихъ, милая тетенька.

— И не мудрено, душа моя; когда родители твои переселились въ Малороссію, Лизѣ было три года, а Володя только что родился. Обнимите, дѣти, вашу двоюродную сестрицу, Софью Ѳедоровну и брата Александра Николаевича. На долго ли здѣсь? спросила Прасковья Михайловна.

— На нѣсколько мѣсяцевъ, милая тетенька. Представьте, что мы уже болѣе недѣли здѣсь и не могли отыскать вашей квартиры.

— Немудрено, друзья мои, потому что я послѣ кончины мужа продала свой домъ на Владимірской и наняла эту квартиру поскромнѣе; вѣдь вы знаете мое правило: жить порядочно, опрятно; но не роскошно. Лѣтомъ нанимаю дачу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, а для дѣтей это особенно необходимо. Главный нашъ выѣздъ въ церковь, которая такъ близко, что почти всегда ходимъ пѣшкомъ.

Время шло незамѣтно; Прасковья Михайловна и сестра ея, имѣвшая столько же правъ на претензію тетушки прибывшихъ гостей, наболтавшись вдоволь, какъ обыкновенно бываетъ послѣ долгой разлуки, отпустили дорогихъ гостей, въ надеждѣ видѣться почаще.

Такое неожиданное посѣщеніе было очень пріятно, притомъ оно не могло нарушить обыкновенный порядокъ занятій трудолюбивыхъ нашихъ хозяевъ и, проводивъ гостей, они тотчасъ принялись за работу, не оставляя ея, по обыкновенію, до обѣда, и потомъ до сумерекъ. Въ это же время Прасковья Михайловна, также по заведенному порядку, заходила въ комнату своей сестры поговорить о новостяхъ: но больше онѣ спорили по хозяйственной части, и особенно о вкусахъ. При появленіи свѣчи на столѣ, наши ораторы замолкли и снова за работу; такъ было и въ этотъ день, съ тою только разницею, что въ этотъ вечеръ не пропустили сказать нѣсколько словъ о прибывшей молодой четѣ. Разговоръ кончился вопросомъ Прасковьи Михайловны, могутъ ли дѣти исполнять христіанскія добродѣтели?

— Нѣтъ, маменька,— рѣшительно отвѣчалъ Владиміръ.

— Почему такъ?

— Потому именно, что они ничего не могутъ дѣлать сами безъ позволенія старшихъ.

— Я думаю также, возразила Лиза, оттого, что когда насъ чему нибудь научатъ другіе, то это уже не есть собственная наша заслуга. Сами же по себѣ мы ничего сдѣлать не можемъ.

— Напрасно вы такъ думаете, друзья мои; а напротивъ дѣтямъ должно отличаться одною

такою добродѣтелью, которая выше всѣхъ ихъ заслугъ.

— Что же это такое?

— *Послушаніе*, друзья мои! Слѣдовательно вамъ стоитъ только повиноваться, усердно исполняя то, что вамъ приказываютъ старшіе, и вы уже заслужили на уваженіе и любовь къ вамъ.

— Хорошо, милая маменька, а другія христіанскія добродѣтели въ состояніи ли мы исполнить?

— Очень многія вы можете исполнить; потому что исполненіе христіанскихъ добродѣтелей не превышаетъ силъ никакого возраста, никакого состоянія; ихъ можетъ выполнить и самый ограниченный человѣкъ также хорошо, какъ умнѣйшій изъ людей; онѣ доступны и бѣдному и больному, и дитяти также, какъ богатому и взрослому, — вообще всѣ добродѣтели христіанскія легки и удобоисполнимы. Напримѣръ, — одна учтивость или благосклонность къ другимъ уже такъ смягчаетъ душу ребенка, что онъ дѣлается способнымъ на многое доброе; потому что вслѣдствіе этого въ душѣ ребенка развивается состраданіе и любовь къ ближнему. Чего же болѣе требуется и отъ взрослыхъ? Любовь къ Богу и ближнему два качества души, на которыхъ основаны законъ и пророки, какъ сказано въ Евангеліи.

— Конечно такъ, милая маменька.

— Слѣдовательно, друзья мои, повторяю еще разъ, какъ взрослые, такъ и дѣти не лишены возможности дѣлать добрыя дѣла и заслужить тѣмъ благословеніе Божіе. Для подтвержденія же моей мысли я могу представить вамъ, какъ доказательство, истинное происшествіе, описанное мною. Изъ него вы увидите, что не только тѣ дѣти, которыя имѣютъ отца и мать, но даже круглые сироты могутъ исполнить добродѣтели христіанскія. Хотите ли послушать эту повѣсть?

— Да, милая маменька, съ радостію воскликнули Лиза и Владиміръ.

Они тотчасъ поспѣшили приготовить все, что нужно было для того, чтобы продолжать чтеніе: Лиза побѣжала приказать, чтобы скорѣе подавали лампу и свѣчи; Володя проворно поставилъ стулья къ столу и придвинулъ скамеечку подъ ноги доброй своей маменьки, ко-

торая между тѣмъ принесла свою толстую тетрадь и принялась за дальнѣйшее чтеніе.

Не лишнимъ считаемъ замѣтить здѣсь, что эти простые, безъискуственные разсказы оказывали свою долю влiянiя на развитiе и направленiе характера нашихъ маленькихъ слушателей. Лиза и Володя въ своемъ неискаженномъ воображенiи представляли содержанiе разсказовъ взятыхъ изъ живой дѣйствительности; ихъ неиспорченныя сердца наполнялись безкорыстнымъ состраданiемъ къ несчастнымъ и благороднымъ сочувствiемъ къ ихъ положенiю. Ихъ маменькѣ прiятно было видѣть, какъ дѣти ея поучались доброму изъ ея словъ и постоянно высказывали желанiе подражать хорошимъ образцамъ, выставленнымъ въ разсказахъ.

МАЛЬЧИКЪ СИРОТКА.

МАЛЬЧИКЪ СИРОТКА.

Одинъ дворянинъ, усердно исполняя свои служебныя обязанности, давно имѣлъ право на большую награду; но не получалъ ея потому, что не искалъ и не домогался, а продолжалъ работать, не думая о другихъ наградахъ, кромѣ той, которая готовится добрымъ и честнымъ людямъ на томъ свѣтѣ.

Добрый Николай Михайлычъ молился Богу, дѣлалъ добро, сколько было возможно, и проводилъ дни свои, иногда же и цѣлыя ночи, просиживая за служебными своими занятіями. Здоровье его истощалось отъ такой тяжелой работы; но за то онъ многимъ успѣлъ помочь, многихъ невинныхъ спасъ отъ погибели и многимъ, несправедливо оклеветаннымъ возвра-

тилъ доброе имя. Казалось, что собственно для него не было никакой пользы отъ такихъ услугъ своимъ ближнимъ; но мы увидимъ, что всякая услуга, принесенная на общую пользу, не пропадаетъ даромъ.

Когда вышло повелѣніе отправить чиновника въ Архангельскъ для изслѣдованія какого-то важнаго казеннаго дѣла; начальникъ Николая Михайльча, не надѣясь ни на кого такъ, какъ на этого примѣрнаго чиновника, зная его честность и безкорыстіе, тотчасъ рѣшилъ свой выборъ, назначивъ его для исполненія этого порученія.

Николай Михайльчъ безпрекословно повиновался распоряженію начальства.

У него была недалеко отъ столицы небольшая деревенька, еще приданое покойной жены его, которая и помогала ему содержать себя въ Петербургѣ. Хотя онъ зналъ, что небольшое его хозяйство придетъ въ совершенный упадокъ за его отсутствіемъ; но, считая дѣла службы гораздо важнѣйшими собственныхъ, онъ бросилъ все и отправился по назначенію. Одного только не могъ онъ рѣшиться оставить, именно единственнаго своего сына,

Мишу, который, будучи еще ребенкомъ, принужденъ былъ дѣлить съ отцемъ всѣ трудности дальняго пути, отправляясь за двѣ тысячи верстъ и не въ покойной дорожной коляскѣ или каретѣ, а въ почтовой неудобной повозкѣ. Къ счастію, Миша не былъ изнѣженъ, привыкъ заранѣе ко всякой невзгодѣ, и не избалованный удобствами жизни, могъ перенести непріятности легче другаго ребенка, даже старшаго его лѣтами, но пріученнаго къ изнѣженности.

Болѣе двухъ лѣтъ прожили они въ Архангельскѣ. Миша отъ безпрестанной дѣятельности и сѣвернаго здороваго климата окрѣпъ тѣломъ и принялся за ученье. Отецъ его, человѣкъ образованный, училъ его всему, что самъ зналъ; и Миша какъ прилежный, умненькій мальчикъ, старался самъ понимать и изучать задаваемые ему уроки. Николай Михайльчъ добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе: избавилъ отъ нарѣканія невинно оклеветанныхъ и доставилъ большой доходъ казнѣ, не воспользовавшись при этомъ ничѣмъ для собственной пользы. Онъ спѣшилъ только возвратиться и побывать въ своей деревенькѣ,

въ томъ мирномъ уголкѣ, который часто посѣщалъ съ нѣжно любимой своей супругою и гдѣ теперь находилась ея могила; туда Николай Михайлычъ любилъ ходить и молиться Богу; — этимъ и ограничивались всѣ его желанія и надежды.

Николай Михайлычъ съ радостію готовился въ обратный путь; но вдругъ получена бумага отъ его начальника съ приказаніемъ отправиться еще далѣе, по берегамъ Бѣлаго моря, для собранія нѣкоторыхъ свѣдѣній о жителяхъ того отдаленнаго края. Пріѣхавъ туда, они поселились въ очень маленькомъ городкѣ, нанявъ двѣ небольшія комнаты, и тутъ Миша обнаружилъ свои добрыя наклонности. Оставаясь одинъ дома, онъ въ точности исполнялъ приказанія отца, прилежно повторялъ свои уроки и имѣлъ столь мягкое, сострадательное сердечко, что еще когда былъ ребенкомъ, не могъ видѣть нищаго, чтобы не подать ему чего нибудь; иногда выпроситъ копѣечку у отца, иногда же отдастъ бѣдняку свой завтракъ и съ терпѣніемъ переносилъ голодъ до четырехъ или пяти часовъ, когда отецъ придетъ домой обѣдать.

По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, Николай Михайлычъ окончилъ съ успѣхомъ и это второе порученіе, сообщивъ подробныя свѣдѣнія начальству о малоизвѣстномъ краѣ. Наконецъ ему опредѣлили награду и требовали явиться въ Петербургъ къ мѣсту прежней его службы.

Начало пути было благополучно; но вдругъ здоровье Николая Михайлыча начало ослабѣвать: онъ былъ изнуренъ сидячей жизнію надъ бумагами и заботами по служебнымъ дѣламъ. Внезапная болѣзнь отняла у него послѣднія силы и онъ принужденъ былъ, не доѣхавъ до станціи, остановиться въ одномъ небольшомъ селеніи. Священникъ, находящійся при церкви этого села, очень добрый и богобоязливый человѣкъ, узнавъ, что проѣзжій больной искалъ пристанища, пришелъ самъ къ ихъ повозкѣ и предложилъ имъ остановиться на его квартирѣ. Помѣстивъ его въ лучшую горницу, теплую и спокойную, принялся ходить за нимъ очень усердно, старался облегчить его страданія; но никакія средства не могли возвратить ему здоровье.

Николай Михайлычъ чувствовалъ близкую

смерть и безъ страха встрѣчалъ ее, подкрѣпляемый твердою вѣрою, которая во всю жизнь поддерживала его. Одно только его безпокоило, что оставляетъ сына, сироту, на чужой сторонѣ; но и тутъ надежда на помощь Господа его успокоивала. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ бесѣдовалъ съ священникомъ, хозяиномъ дома, о единственномъ своемъ сынѣ.

Священникъ былъ человѣкъ умный и благочестивый, потому вполнѣ могъ понять, чего требуетъ отъ него умирающій отецъ. Чувствуя себя очень слабымъ, больной исповѣдался съ полнымъ раскаяніемъ чистой души, причастился святыхъ таинъ, какъ истинный христіанинъ, и казалось съ радостію былъ готовъ переселиться въ другой лучшій міръ. — Призвавъ Мишу къ своей постелѣ, отъ которой ни день, ни ночь не отходилъ неутѣшный мальчикъ, онъ сказалъ ему: „сынъ мой, Господь зоветъ меня къ себѣ; не плачь, выслушай съ твердостію то, что̀ написалъ я для тебя, и обѣщайся передъ образомъ Божіимъ исполнить мою волю.“ — Сказавъ это, онъ подалъ бумагу священнику и просилъ прочитать ее въ слухъ:

„Господу угодно воззвать меня къ себѣ; да будетъ Его святая воля! Съ покорностію пріими этотъ крестъ, возлюбленный сынъ мой, и знай, что любящій твой родитель оставляетъ тебя; но съ тобою остается другой Отецъ всемогущій и всесильный, знающій прошедшее и будущее, видящій всѣ твои дѣла и твои мысли, какъ бы онѣ сокровенны ни были. Не страшись этого всевѣдѣнія; Онъ любитъ тебя не менѣе моего, люби же и ты Его болѣе, нежели любилъ меня. Съ любовью искренняго сердца и доброю волею старайся исполнять Его повелѣнія; страшись оскорбить и прогнѣвить непослушаніемъ, будь твердо увѣренъ, что помощь Его всегда и вездѣ для тебя готова. Если только будешь дѣлать добро, оно вознаградится въ десятеро; въ противномъ же случаѣ наказаніе постигнетъ тебя непремѣнно. Молись Отцу твоему небесному со всей любовію горячей души и ожидай съ полнымъ упованіемъ Его всесильной помощи; въ какомъ бы крайнемъ положеніи ты ни былъ, Онъ можетъ спасти тебя. — Притомъ старайся любить всѣхъ людей твоихъ ближнихъ; угождай всякому, пока ты еще малъ; а когда возму-

жаешь, то неусыпно старайся помогать каждому, чѣмъ только ты можешь; потому что и самая страшная нищета не лишаетъ насъ возможности дѣлать добро: не богатство и не деньги для этого нужны, а благородное расположеніе души ко всѣмъ людямъ, которые всѣ дѣти одного съ тобою Отца; слѣдовательно, — всѣ твои братья. Одному можешь помочь благоразумнымъ совѣтомъ; другому посѣщеніемъ, если онъ боленъ или въ несчастіи; третьему трудами рукъ своихъ, даже однимъ добрымъ, ласковымъ словомъ, если уже ничего болѣе ты не имѣешь. Будь снисходителенъ къ слабостямъ другихъ и строгъ къ собственнымъ; не осуждай никого; думай всегда, что, будучи на его мѣстѣ, ты можетъ быть сдѣлалъ бы еще хуже. И тогда, дорогой сынъ мой, благословеніе твоего небеснаго Отца всегда пребудетъ надъ тобою. Въ какомъ бы несчастіи ты ни былъ, твердая помощь подкрѣпитъ тебя чудеснымъ образомъ и покойная совѣсть доставитъ тебѣ минуты счастія и при самыхъ жестокихъ ударахъ судьбы. Я испыталъ все это на себѣ и, благодаря Господа, никогда не считалъ себя несчастнымъ. Будь

твердо увѣренъ, что все дѣлается къ лучшему. Здѣшняя наша жизнь есть ничто иное, какъ испытаніе; оно кончится непремѣнно, и всѣ сокровища, какія мы имѣемъ, останутся на землѣ и обратятся въ прахъ. Только добрыя дѣла послѣдуютъ за нами, уготовляя намъ блаженную вѣчность. Ты еще не можешь понять, какое наслажденіе чувствую я теперь, когда обращаюсь къ своей совѣсти, и она меня ни въ чемъ не упрекаетъ! Въ минуту смерти это уже предвкушеніе вѣчнаго блаженства. Прости, сынъ мой; я умираю спокойно, оставляя тебѣ въ наслѣдство доброе имя и сострадательное сердце,— они дороже всѣхъ сокровищъ! Конечно, грустно оставить мнѣ тебя одного въ этомъ далекомъ краю отъ родныхъ, но ты не одинъ; Отецъ твой небесный вездѣ съ тобою, а притомъ ты не совсѣмъ лишенъ и земной помощи: добродѣтельный священникъ обѣщалъ мнѣ беречь тебя, пока сыщется удобный случай отправить тебя въ Петербургъ. Тамъ долженъ ты поступить на службу, потому что всякій гражданинъ долженъ быть полезенъ своему отечеству. Тамъ же недалеко есть у тебя небольшая деревенька и церковь, въ ко-

торой покоится прахъ моихъ родителей и жены, твоей матери. Посѣщай это священное для тебя мѣсто и молись на ихъ могилахъ. Мертвые научаютъ молчанію и смиренію, двумъ великимъ добродѣтелямъ, напоминая, что какъ бы ни былъ ты великъ и славенъ, современемъ сдѣлаешься такимъ же прахомъ, если будешь заботиться объ одномъ земномъ величіи, забывая небесное. Вѣра подкрѣпляетъ насъ въ здѣшней жизни, но она пріобрѣтается молитвою, потому — молись! Старайся, какъ можно чаще посѣщать церковь; конечно, вся вселенная есть храмъ Господень, вездѣ можно Ему молиться; но христіанину непремѣнно должно учавствовать въ тѣхъ таинствахъ, которыя учреждены Спасителемъ, апостолами и всею церковію, и къ которымъ ты можешь приступать преимущественно во храмѣ Божіемъ.

„Если ты разовьешь въ себѣ любовь и другія христіанскія добродѣтели, то будешь всегда доволенъ своей судьбою. Вотъ счастіе, котораго тебѣ желаю и о чемъ прошу Господа, да ниспошлетъ Онъ тебѣ его.

„Прости, возлюбленный сынъ мой! Исполни то, что завѣщалъ тебѣ нѣжно любящій отецъ

на смертной постелѣ, — и благословеніе Господне и мое пребудетъ всегда съ тобою.“

Привыкнувъ повиноваться отцу, бѣдный мальчикъ съ твердостію слушалъ читанное священникомъ, стараясь оправиться тотчасъ, когда слезы невольно упадали на грудь его. По окончаніи чтенія, Миша кинулся на колѣни передъ кроватью отца, сложилъ руки и, поднявъ глаза къ небу, сказалъ твердымъ голосомъ: „Прошу Господа послать мнѣ помощь Его святую, для исполненія приказаній твоихъ, дорогой мой родитель. Молитесь за меня, батюшка, предъ лицемъ самого Бога.“ Проговоривъ эти слова трепещущимъ голосомъ, онъ зарыдалъ, преклонивъ голову на постель больнаго.

— Да подкрѣпитъ и благословитъ тебя Господь, сынъ мой! сказалъ умирающій, положивъ руку свою ему на голову и вдругъ на лицѣ его блеснула какая-то уже неземная радость; потухшіе глаза оживились; казалось, онъ что-то видитъ.—Боже! неужели я удосто-

ился такой милости? произнесъ больной, перекрестился и съ улыбкою кончилъ жизнь.

Добрый священникъ, находясь при немъ, былъ тронутъ до глубины души кончиною праведника и вынесъ безчувственнаго Мишу въ другую горницу.

Отеческимъ попеченіемъ возвратилъ онъ его къ жизни и старался благочестивыми разсужденіями смягчить понемногу жестокую скорбь его.

Не пышны были похороны Николая Михайлыча: не было надъ нимъ великолѣпнаго балдахина, не сопровождало его множество каретъ, но со всего села и окрестныхъ деревень собрались нищіе и шли за гробомъ покойника, потому что онъ и послѣ смерти продолжалъ благотворить, отдавъ священнику трудовыя свои деньги и прося его раздать бѣднымъ въ день его погребенія. Вотъ какого рода великолѣпія во время похоронъ должно пожелать всякому, потому что нищіе провожаютъ душу покойника туда, гдѣ встрѣчаютъ его Ангелы.

Сиротка нашъ остался въ домѣ священника, который полюбилъ его, какъ сына, и скромный мальчикъ, находя единственное утѣшеніе въ его благочестивыхъ словахъ, также отъ всей души привязался къ нему. Они были неразлучны; къ заутрени и къ обѣдни Миша сопровождалъ своего наставника. По вечерамъ читалъ ему священныя книги, привыкнувъ съ малолѣтства хорошо понимать смыслъ ихъ на славянскомъ языкѣ. При умственныхъ, усердныхъ занятіяхъ науками, въ которыхъ Миша съ каждымъ днемъ подвигался впередъ и значительно совершенствовался, онъ въ тоже время не пренебрегалъ и чорными работами, во всемъ помогая своему воспитателю, который по бѣдности самъ долженъ былъ обработывать свою землю и приготовлять все необходимое въ домашнемъ быту, собственными руками. Миша, непріученный къ изнѣженности и праздности, былъ усерднымъ помощникомъ въ хозяйствѣ, съ охотою выполняя всѣ необходимыя работы; въ этихъ трудахъ онъ находилъ даже для себя отраду, и дни проходили для него незамѣтно. Мало по малу онъ такъ привыкъ къ мирной, тихой жизни въ домѣ священника, что пока не желалъ для себя ничего лучшаго. Благочестивый священникъ болѣе и болѣе уко-

ренялъ вѣру въ молодомъ сердцѣ его и укрѣплялъ надежду на всемогущество Божіе. Больныхъ, бѣдныхъ и умирающихъ, которые случались въ приходѣ отца Василія, обыкновенно посѣщали они вмѣстѣ, — и Миша ощущалъ въ сердцѣ своемъ чувство радости, при видѣ оказанной помощи страждущему, или утѣшенія несчастному.

Между тѣмъ очень часто перечитывая завѣщаніе, оставленное отцемъ, Миша ясно видѣлъ справедливость словъ его, что во всякомъ состояніи можно быть довольнымъ своей судьбою. Кроткое и благородное сердце скромнаго мальчика полюбило уже отца Василія и жену его, какъ близкихъ родныхъ своихъ; онъ теперь уже боялся даже мысли о разлукѣ съ ними.

Прошолъ цѣлой годъ со дня кончины Николая Михайльча; судьба Миши нисколько не измѣнилась. Каждое утро, вставши до солнышка, читалъ онъ утреннія молитвы вслухъ для священника и жены его; потомъ уже садились за самый простой завтракъ; если же былъ обыкновенный день, то Миша принимался за ученіе, въ чемъ помогалъ ему

отецъ Василій, который, въ молодости своей находясь при нашемъ посольствѣ въ чужихъ краяхъ, былъ очень просвѣщенъ, основательно зналъ многіе иностранные языки и знакомъ былъ съ другими предметами науки. Остальную часть дня посвящали они или домашнимъ работамъ или посѣщенію требующихъ помощи прихожанъ. Въ осенніе длинные вечера Миша читалъ старичкамъ Священное Писаніе. Иногда при этомъ собиралось много народу въ ихъ тѣсную комнату послушать душеспасительнаго чтенія; добрый отецъ Василій не тяготился посѣтителями, а напротивъ очень радъ былъ случаю наставлять въ вѣрѣ своихъ прихожанъ: толковалъ имъ, чего они не понимали, дѣлалъ собственныя замѣчанія вообще о благочестивой жизни, — и вечеръ проходилъ съ большою пользою; всѣ расходились по домамъ, унося въ душѣ христіанскія чувства и благословляя своего пастыря. Прихожане полюбили также и Мишу, какъ добраго, никогда никого не оскорбившаго мальчика; притомъ сиротка нашъ, не довольствуясь тѣмъ, что былъ помощникомъ отца Василія во всѣхъ его благочестивыхъ занятіяхъ, желалъ самъ дѣлать

добро, по влеченію собственнаго сердца. За неимѣніемъ денегъ онъ употреблялъ на то свои руки, раздѣляя труды иногда съ беспомощнымъ старикомъ или старухою, иногда съ бѣдною вдовою или малолѣтними сиротами. Это приносило ему двойную пользу; находясь въ движеніи, тѣло его укрѣплялось болѣе и болѣе, а душа становилась бодрѣе и добрѣе. Что же могло сравниться съ такимъ его положеніемъ, которое давало ему возможность развивать не только тѣло, но и душу, и притомъ такъ правильно и разумно.

Однако священникъ, его воспитатель, свято желая исполнить послѣднія слова отца Миши, часто говорилъ, что ожидаетъ только случая, съ кѣмъ бы могъ отправить питомца своего въ Петербургъ, чтобъ ввести его тамъ во владѣніе деревни, доставшейся ему по наслѣдству послѣ отца, и записать въ какой нибудь корпусъ для приготовленія къ службѣ. Такіе разговоры всегда стоили горячихъ слезъ Мишѣ, и отецъ Василій всегда принужденъ былъ утѣшать его, напоминая ему, что это воля его отца на смертной постелѣ и что грѣшно ей противиться.

— Впрочемъ, другъ мой, сказалъ священникъ при одномъ подобномъ разговорѣ: — конечно, намъ очень хорошо жить вмѣстѣ; потому что мы любимъ другъ друга; но ты еще очень молодъ, а я напротивъ слишкомъ старъ; жена моя также: что же будетъ съ тобою, когда обоихъ насъ нестанетъ?

— Я буду работать и жить подлѣ гроба отца моего и вашего, дорогой мой батюшка, — отвѣчалъ Миша, проливая слезы: — я не желаю оставить это мѣсто, я самъ долженъ умереть здѣсь, — и непремѣнно хочу этого.

— Не всѣ желанія наши можемъ мы исполнить, милое дитя мое! а такъ будетъ, какъ Богу угодно. Онъ лучше насъ знаетъ, что клонится къ нашей пользѣ. Ты достаточно образованъ, а потому долженъ употребить съ пользою для отечества свои знанія. Грѣшно, сынъ мой, данный отъ Бога талантъ закапывать въ землю.

— Но вы сами говорили, батюшка, что и простой мужичекъ можетъ быть полезенъ своей родинѣ.

— Конечно, всякій, исполняющій свои обязанности, полезенъ обществу; и если бы ты родился крестьяниномъ, то я первый сказалъ бы

тебѣ: паши землю! но имѣя другія средства служить отечеству, ты долженъ искать обязанности сообразно имъ, не для гордости, отъ которой сохрани тебя Богъ, — но единственно для того, что отечество требуетъ отъ тебя другой гораздо труднѣйшей службы, нежели служба простаго крестьянина. Ты долженъ, или съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое отечество, не щадя собственной жизни; или творить судъ и правду людямъ, требующимъ правосудія.

Такъ говорилъ священникъ, и Миша вполнѣ убѣдился, что онъ говорилъ правду и что придетъ минута разлуки съ добрыми людьми, къ которымъ онъ привязался всею душею.

Прошелъ еще годъ, но, къ счастію Миши, ни одинъ проѣзжій не показывался въ этой отдаленной странѣ.

Между тѣмъ жена священника послѣ непродолжительной болѣзни скончалась, и бѣдный старикъ, стараясь переносить эту скорбь, не упадая духомъ, одряхлѣлъ однако тѣломъ, такъ что едва могъ ходить; Миша водилъ его въ церковь, отправляя одинъ всѣ домашнія работы; впрочемъ онъ не тяготился таким трудами, а напротивъ готовъ былъ день и ночь служить почтенному старцу, который еще чаще началъ повторять непріятный для Миши разговоръ о возвращеніи его на родину и вслухъ молился Богу, чтобъ онъ послалъ удобный случай къ исполненію его желанія. Это очень огорчало добраго мальчика, не имѣющаго силъ оставить одного безпомощнаго старика, котораго любилъ, какъ отца.

Наконецъ желаніе благочестиваго старика приходило къ исполненію. Въ одно воскресенье, когда уже другой священникъ служилъ обѣдню, за его не здоровьемъ, а Миша, приведя въ церковь своего дряхлаго наставника, сталъ на клиросѣ, читалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ, какъ вдругъ увидѣлъ вошедшаго человѣка въ дорожномъ платьи; сердце его обмерло при видѣ незнакомца; онъ тотчасъ подошелъ спросить, не отправляется ли этотъ проѣзжій въ Петербургъ, — и глаза его, наполненные слезъ, обратились на отца Василія. Замѣтивъ смущеніе Миши и подозрѣвая причину этого, онъ улыбнулся, поднялъ глаза къ небу и, перекрестясь, благодарилъ Бога за то, что его желанія осуществляются. Бѣдный

мальчикъ вздрогнулъ при мысли о разлукѣ, слезы градомъ покатились изъ его глазъ, и онъ не могъ болѣе пѣть; потому что его голосъ, всегда пріятный и звонкій, дрожалъ теперь, какъ опущенная струна. Но пріученный къ смиренію и покорности, самъ принялся усердно молиться и тотчасъ почувствовалъ въ душѣ облегченіе и бодрость.

По окончаніи обѣдни Миша принужденъ былъ, скрѣпя сердце, подвести старика къ незнакомцу и тутъ же узнать, что этотъ проѣзжій чиновникъ возвращается въ Петербургъ. Тогда уже какъ ни старался бѣдный мальчикъ казаться твердымъ, но лицо ему измѣняло: оно покрывалось то смертною блѣдностію, то яркимъ румянцемъ.

Отецъ Василій пригласилъ проѣзжаго остановиться у него въ домѣ, гдѣ Миша долженъ былъ еще угощать своего гостя. Забота и попеченіе Миши о гостѣ чрезвычайно радовали священника, который могъ здѣсь убѣдиться, сколько власти имѣетъ надъ собою его питомецъ. Въ растерзанной душѣ бѣднаго мальчика оставалось одно желаніе, чтобъ проѣзжій прожилъ у нихъ подолѣе, отдыхая отъ

дороги и приготовляясь къ новой; но Миша не зналъ, что должность посланнаго по казенному дѣлу чиновника не позволяетъ думать о продолжительномъ отдыхѣ.

Между тѣмъ священникъ переговорилъ съ проѣзжимъ, показалъ ему бумаги Миши, и отъѣздъ ихъ былъ назначенъ на другой день.

Можно себѣ представить какъ тягостна была эта послѣдняя ночь для печальнаго юноши, онъ не ложился спать; и провелъ ее съ отцемъ Василіемъ, который то молился съ нимъ, прося Бога благословить его на новомъ поприщѣ жизни, то давалъ ему наставленія, утѣшая тѣмъ, что какъ ни грустно это разставанье для обоихъ, однако оно клонится къ лучшему, оно снимаетъ тяжелый камень съ души его. Вручивъ Мишу милосердію Божію и посвятивъ его новымъ обязанностямъ, онъ спокойно окончитъ жизнь свою, которая не можетъ продолжиться, судя по лѣтамъ и дряхлости, приводящей его ко гробу. Да, сынъ мой, я вполнѣ выполнилъ свой святой долгъ, за что благодарю Господа, — повторялъ отецъ Василій, поднимая трепещущія руки свои къ небу; я

душевно обрадованъ тѣмъ, что человѣкъ, которому вручаю моего незабвеннаго сына, по моему мнѣнію, достоинъ той святой довѣренности: онъ богобоязливъ и доброй души. Это замѣтилъ я изъ его сужденій и разговоровъ. Такъ прошла ночь, и рано утромъ отецъ Василій сталъ снаряжать питомца своего въ дорогу. Имѣнія, оставшагося послѣ отца, было очень не много, такъ что въ небольшомъ чемоданѣ помѣстились всѣ вещи. Миша полагалъ, что болѣе у него ничего нѣтъ, но священникъ подалъ ему кожаный кошелекъ, гдѣ было немного денегъ, оставшихся за раздачею нищимъ въ день погребенія отца его, это наслѣдство состояло изъ двухъ червонцевъ и четырехъ рублей серебромъ.

Увидя первый разъ въ рукахъ своихъ золото, мальчикъ не удивился ему и не обрадовался, потому что былъ совершенно безкорыстенъ въ душѣ своей и всего болѣе думалъ о спокойствіи воспитателя своего, котораго онъ со слезами просилъ взять себѣ половину его денегъ. Но и тотъ, отличаясь чистымъ безкорыстіемъ, ни за что не согласился на просьбу Миши, увѣряя его, что это сокро-

вище еще не такъ велико, чтобы можно было дѣлиться имъ и что эта небольшая сумма составляетъ единственное наслѣдство, оставленное отцемъ сироты, котораго любитъ онъ, какъ роднаго сына, и отъ котораго не только не можетъ принять такой благодарности, но еще отдалъ бы ему все. Не имѣя же ничего, онъ проситъ его взять единственное свое сокровище образъ Спасителя, бывшій съ нимъ во всѣхъ его странствованіяхъ по чужимъ землямъ. Сказавъ это, отецъ Василій сталъ на колѣни, долго молился, потомъ благословилъ Мишу этимъ образомъ и надѣлъ его на серебряной цѣпочкѣ на шею своего воспитанника, какъ всегда носилъ самъ.

Такъ прошла эта грустная памятная для Миши ночь; на разсвѣтѣ уже Миша легъ и заснулъ и то по приказанію своего наставника, требовавшаго непремѣнно, чтобы онъ успокоился; но за то какъ непріятно было его пробужденіе! — Звукъ колокольчиковъ, привѣшенныхъ къ дугѣ удалой тройки, поразилъ слухъ его. Сердце его замерло; онъ вскочилъ, умылъ лице и руки, положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ образами, потому что

его правиломъ было никогда не выходить изъ своей комнатки и не приниматься ни за что, не помолившись Богу. Потомъ уже спѣшилъ онъ къ своему благодѣтелю, опасаясь потерять одну минуту, которую бы могъ еще провести съ нимъ. Но, замѣтивъ въ непритворенную дверь, что воспитатель его сидитъ уже съ своимъ гостемъ, которому поданъ былъ завтракъ, приготовленный, вѣроятно, самымъ же старикомъ, Миша тяжело вздохнулъ при мысли, что съ этого дня бѣдный старикъ самъ принужденъ будетъ заботиться даже и о приготовленіи себѣ пищи; слезы брызнули изъ глазъ чувствительнаго мальчика и онъ, закрывъ лице рукою, сошелъ съ крыльца, не много оправился и побѣжалъ вдоль деревни.

Куда бѣжитъ онъ? не задумалъ ли Миша чего нибудь дурнаго? Нѣтъ, друзья мои! Миша привыкъ повиноваться и почитать волю старшихъ, какъ волю самого Бога. Но послѣдуемъ за нимъ.

Вотъ онъ бѣжитъ на край деревни, достигъ избушки, почти вросшей въ землю: въ ней жила бѣдная вдова старуха съ тремя малолѣтними внуками; ей-то трудолюбивый мальчикъ часто помогалъ въ ея хозяйственныхъ занятіяхъ: возилъ хлѣбъ съ поля, косилъ сѣно для ея лошадки, дѣлалъ все, сколько могъ, чтобы облегчить заботы бѣдной старухи о прокормленіи малолѣтнихъ сиротъ. Исполняя слова отца своего, что помогать ближнему можно во всякомъ состояніи, если не деньгами, то трудами рукъ своихъ, которыя только на то и даны намъ отъ Бога, Миша трудился неусыпно.

Когда Миша вошелъ въ избу, ему знакомую, старушка въ это время пряла въ углу; старшаго внука ея не было дома, онъ нанялся пастухомъ деревенскимъ и, несмотря на свои десять лѣтъ, отлично исполнялъ эту обязанность; второй мальчикъ восьми-лѣтній плелъ лапти и продовалъ ихъ; третій ничего еще не могъ дѣлать, ему едва было четыре года.

Поздоровавшись со старухой, Миша подошелъ къ ней, приласкалъ Ванюшу, меньшаго ее внука, который весело подбѣжалъ къ нему.

— Здравствуй, бабушка, сказалъ Миша:—я пришелъ къ тебѣ проститься...

— Какъ, мой кормилецъ? развѣ ты ѣдешь на дальнюю пустошь?

— Да, бабушка, на дальнюю, очень дальнюю!... я навсегда оставлю эту сторону.

Миша заплакалъ; старуха, забывъ дряхлость, такъ проворно встала, что уронила свою пряжу:

— Какъ? что это такое?... съ нами сила крестная! что ты, что говоришь, ненаглядное мое дитятко? — вскрикнула старуха; трепещущія ея руки отъ старости и душевнаго волненія обняли Мишу, и онъ, прижавшись къ ней, далъ волю своему сердцу горько поплакать нѣсколько минутъ; слезы облегчили тяжелую грусть, бывшую на душѣ его.

— Полно! произнесъ благоразумный мальчикъ, оправившись отъ душевнаго волненія: — батюшка не велѣлъ мнѣ плакать; надобно повиноваться волѣ Господней; Ему угодно, чтобы я уѣхалъ отсюда.

— Господи Боже мой! а кто же будетъ кормить меня? проговорила старуха, рыдая; — такого помощника ужъ не видать мнѣ!.. Погибну я съ моими сиротинками....

— Нѣтъ, бабушка, — ты не погибнешь; не будетъ меня, сыщутся другіе добрые люди, Богъ пошлетъ тебѣ помощниковъ. А чтобы и

нынѣшній годъ не имѣла ты нужды ни въ чемъ, то вотъ возьми это на память обо мнѣ.

Миша положилъ ей въ руку одинъ изъ двухъ червонцевъ, составлявшихъ его наслѣдство.

— Что это? ахъ ты, мой батюшка! да это золото.... Гдѣ ты взялъ его, мой кормилецъ? Но возможно ли, чтобы я взяла его у тебя? ты вѣдь и самъ не богачъ какой нибудь....

— Не хлопочи, бабушка; я не такъ бѣденъ, какъ ты думаешь: видишь, я сынъ человѣка, который служилъ отечеству и оставилъ мнѣ золото. Мнѣ хочется подѣлиться съ тобою; возьми это для твоихъ внуковъ, у меня еще есть.

Старуха хотѣла повалиться ему въ ноги, но Миша не допустилъ ее до этого.

— Да наградитъ тебя Господь, дитятко мое ненаглядное! Надѣлилъ ты меня золотомъ, — легколь подумать, золотомъ!... отъ роду его въ рукахъ моихъ не бывало. Да что же мнѣ съ нимъ теперь дѣлать? и размѣнять-то его я не съумѣю!

— Вотъ что ты сдѣлай, бабушка: когда мы уѣдемъ, когда ужъ не будетъ слышно коло-

кольчиковъ нашихъ, ты поди къ священнику и попроси у него совѣта; онъ тебя наставитъ, какъ размѣнять и употребить эти деньги. Но кромѣ отца Василья, никому объ этомъ не сказывай.— Прощай, бабушка, молись за меня, сироту, на чужой сторонѣ, — произнесъ Миша съ чувствомъ, еще разъ обнялъ старуху, остолбенѣвшую отъ удивленія, поцаловалъ Ваню и Петрушу и выбѣжалъ изъ избушки.

Простясь съ облагодѣтельствованною имъ семьею, добрый мальчикъ поспѣшилъ къ другимъ подобнымъ своимъ пріятелямъ; много ихъ у него было, но все таки не такіе, какъ оставленная имъ семья, тѣмъ не менѣе онъ всѣмъ своимъ знакомымъ бѣднякамъ подарилъ каждому по маленькой части изъ своего капитала.

Жилъ я до сихъ поръ, безъ денегъ,—думалъ Миша; не умеръ же съ голоду; на что же мнѣ и теперь беречь деньги? Это все собралъ отецъ мой трудами; пусть золото его и серебро достанется тѣмъ, кого любилъ онъ при жизни; нищіе всегда были первые его пріятели; пусть же они теперь вспомнятъ о немъ и помолятся за него Богу, а я проживу, какъ жилъ до

настоящаго времени; притомъ впереди ожидаетъ меня будущее, которое обѣщаетъ много хорошаго. Разсуждая такимъ образомъ, Миша съ послѣднимъ оставшимся у него червонцемъ спѣшилъ далѣе; но уже не въ бѣдную хижину, а въ новый, недавно построенный домикъ выборнаго.

Надобно сказать, что этотъ выборный былъ очень зажиточный крестьянинъ, имѣлъ жену, дѣтей и жилъ даже роскошно. При всемъ своемъ богатствѣ, пріобрѣтенномъ честными трудами, онъ имѣлъ благородную душу и доброе сердце; чаще всѣхъ посѣщалъ онъ отца Василья, чтобы слушать чтеніе святыхъ книгъ. Къ нему-то пришелъ Миша и, со слезами объявивъ о своемъ отъѣздѣ, сталъ просить какъ можно чаще навѣщать священника, его благодѣтеля; даже, если можно, перевести его жить къ себѣ поближе и смотрѣть за нимъ, потому что самъ онъ уже очень слабъ. Отдавъ выборному послѣдній свой червонецъ, Миша взялъ съ него честное слово, что это золото будетъ употреблено въ пользу оставляемаго имъ его втораго отца.

Конечно, не велика была эта сумма, но

дряхлому старику, не привыкшему къ роскошной жизни, было слишкомъ достаточно, чтобъ безъ нужды дожить дни свои.

Послѣ того Миша не забылъ и еще одного священнаго долга, и хотя наканунѣ отецъ Василій отслужилъ для него большую панихиду на гробѣ отца его, но и теперь забѣжалъ онъ еще поклониться праху, поплакать и прочитать надъ нимъ усердную молитву.

Такимъ образомъ, окончивъ свои священныя обязанности, Миша спѣшилъ домой, чтобъ приготовиться въ путь.

Проворно вошелъ онъ въ горницу, гдѣ сидѣли священникъ и проѣзжій, ожидавшіе его. Необыкновенно хорошъ былъ въ эту минуту нашъ мальчикъ; отъ сильнаго душевнаго волненія щеки его пылали румянцемъ, глаза блистали, душа наслаждалась добрыми чувствами, — и это внутреннее наслажденіе рисовало ангельскую простоту во всѣхъ чертахъ его милаго личика.

Когда онъ вошелъ въ комнату, отецъ Василій тотчасъ началъ напутственный молебенъ, за которымъ какъ онъ, такъ и отъѣзжающіе усердно молились.— Потомъ священникъ сказалъ: садись, другъ мой Михаилъ Николаичъ, и подкрѣпи себя пищею на дальній путь.

— Что это значитъ, батюшка? отчего вы называете меня такъ? — спросилъ Миша.

— Оттого, другъ мой, что теперь ты вступаешь уже въ свое званіе; ты уже не пріемышъ мой, не какой нибудь неизвѣстный сирота, а юноша, готовый на службу отечеству.

— Пусть такъ, батюшка; но вѣдь я еще не служу; вотъ когда я буду служить своему отечеству и удостоюсь какого нибудь отличія, тогда пусть называютъ меня по имени и по отчеству посторонніе люди... но не вы! Для васъ я всегда буду тѣмъ же Мишею, тѣмъ же неизвѣстнымъ сиротою, котораго вы призрѣли, поили, кормили, научая своими отеческими наставленіями всему доброму. Для васъ, отецъ мой, я всегда останусь прежнимъ Мишею, хотя бы сдѣлался фельдмаршаломъ. Не огорчайте меня, благодѣтель мой!

— Поди, обними меня, несравненный мой питомецъ! сказалъ тронутый отецъ Василій.— Благодарю Бога, что гордость недоступна твоей чистой, ангельской душѣ; да благосло-

витъ тебя Господь и сохранитъ своею милостію.

Тутъ уже Миша не могъ удержать своихъ чувствъ и нѣсколько времени горько плакалъ въ объятіяхъ втораго отца своего, который тоже проливалъ слезы.

Въ это время комната священника наполнилась людьми всякаго возраста: и старики, и молодые, и женщины, и дѣти, услышавъ, что сиротка Миша, котораго всѣ единодушно любили, уѣзжаетъ отъ нихъ въ дальній путь,— всѣ пришли съ нимъ проститься и почти всякій принесъ ему что нибудь на дорогу, желая отпустить его съ хлѣбомъ и солью, по русскому обычаю. Ему очень пріятно было видѣть, какъ много его любятъ, и благоразумный мальчикъ старался каждому выразить чѣмъ нибудь свою благодарность: онъ цаловалъ всѣхъ, какъ друзей своихъ, и просилъ у нихъ позволенія всѣ припасы, которыхъ онъ не могъ помѣстить въ своей повозкѣ, оставить священнику, его благодѣтелю, чтобы хотя нѣсколько дней ненужно было ему заботиться о своемъ обѣдѣ и чтобы онъ даже и въ отсутствіи могъ бы услуживать ему при этомъ.

Всѣ единогласно и съ радостію на то согласились, превознося похвалами добраго Мишу. Узнавъ отъ Петра Иваныча, что онъ сынъ заслуженнаго чиновника, собравшіеся сосѣди говорили: «Хотя барскій сынъ, а какой неспѣсивый! вчера еще помогъ мнѣ вытащить овечку изъ болота; а со мною возилъ хлѣбъ съ поля; меня училъ плесть корзины и лапти; а меня съ сиротинками поилъ и кормилъ своими трудами — говорили со слезами то одинъ, то другой, — и благодарность не краснорѣчиво, но съ чувствомъ изливалась въ этихъ простыхъ словахъ.

— Полно, полно, друзья мои! — я это дѣлалъ потому, что и вы много для меня дѣлали, — говорилъ скромный Миша: — не я васъ, а вы меня призрѣли сироту, на чужой сторонѣ. Теперь объ одномъ я прошу васъ: берегите, любите несравненнаго моего и вашего батюшку; охраняйте покой его, сколько можно, и Господь вознаградитъ васъ за это своею милостію.

— Будемъ, будемъ беречь твоего батюшку, ненаглядный ты нашъ! — былъ единодушный отвѣтъ Мишѣ нѣсколькихъ голосовъ.— Ба-

тюшка и для насъ всегда былъ отцомъ роднымъ. Мы всѣ его любимъ; да пошлетъ вамъ Господь все доброе.

Чистосердечныя обѣщанія этихъ простыхъ людей очень порадовали Мишу; онъ видѣлъ, что оставляетъ милаго ему старика не одного, а на рукахъ добрыхъ и усердныхъ его прихожанъ.

Между тѣмъ колокольчики подъ окномъ сильно звенѣли; лошади отъ нетерпѣнія рыли копытами землю; Петръ Иванычъ объявилъ, что пора ѣхать. Священникъ, по русскому обыкновенію, попросилъ всѣхъ садиться, потомъ всталъ и съ колѣнопреклоненіемъ прочелъ молитву для путешествующихъ, со слезами благословилъ Мишу и его спутника и произнесъ дрожащимъ голосомъ: «Ну, съ Богомъ! садитесь и поѣзжайте!...»

Всѣ пошли съ крыльца; Миша послѣдній разъ велъ подъ руку своего благодѣтеля, и когда уже они сошли съ крыльца, то онъ, передавъ руку его выборному, идущему подлѣ нихъ, сказалъ съ чувствомъ:

— Тебѣ, Григорій Иванычъ, поручаю отца моего; замѣни ему меня, исполни въ точности

мою просьбу, и самъ Господь, видящій насъ теперь, вознаградитъ попеченія твои о немъ. Благословите меня, батюшка, — продолжалъ Миша, ставъ на колѣни передъ отцемъ Васильемъ.

— Да благословитъ тебя самъ Господь Богъ рукою меня грѣшнаго, сынъ мой! произнесъ священникъ, поднявъ глаза къ небу; крупныя слезы падали на изсохшую грудь почтеннаго старца. Съ сильнымъ чувствомъ поцаловалъ Миша его руку, всталъ, поклонился всѣмъ, бодро прыгнулъ въ телегу и сѣлъ подлѣ Петра Иваныча. Кучеръ и сѣдоки сняли шапки, перекрестились; ямщикъ ударилъ по лошадямъ, удалая тройка понеслась вдоль деревни, колокольчики залились и пыль, поднявшаяся столбомъ, скоро сокрыла ихъ отъ взоровъ оставшихся поселянъ, которые, проливая слезы, крестясь и прося Бога, чтобы сохранилъ добраго Мишу, разошлись по домамъ. — Счастливъ тотъ, кого благословляетъ такое множество людей, молитву ихъ услышитъ Богъ!

Выборный сдержалъ слово, данное Мишѣ: заботился о бѣдномъ осиротѣвшемъ старцѣ, и чтобы безпрестанно имѣть присмотръ за нимъ,

вскорѣ перевелъ его въ особую комнату, въ новомъ своемъ домѣ, гдѣ единственнымъ утѣшеніемъ отца Василья было молиться Богу: онъ жилъ тамъ совершеннымъ отшельникомъ.

Добрый Григорій Иванычъ, а также и всѣ прихожане съ усердіемъ исполняли просьбу Миши, оберегая почтеннаго старца отъ всѣхъ непріятностей; при такой всеобщей помощи было достаточно и червонца, даннаго Мишею на продовольствіе дряхлаго старика, скоро окончившаго дни свои въ спокойствіи.

Послѣ отъѣзда Миши, бѣдная вдова старуха первая пришла посѣтить отца Василья, чтобы поговорить, поплакать съ нимъ о ненаглядномъ дитяткѣ и попросить у него совѣта на счетъ даннаго ей червонца добрымъ Мишею. Это извѣстіе болѣе всего утѣшило старика; онъ заплакалъ отъ умиленія и принялся молиться, прося Бога, сохранить навсегда такое безкорыстіе и чистоту души въ его питомцѣ.

Благодаря благодѣянію Миши и наставленіямъ отца Василья, бѣдная старуха поправила свою избенку, купила новыя шубки ребятишкамъ на зиму, сшила и себѣ крашенный сарафанъ и душегрѣйку и, считая себя уже очень богатою, доживала вѣкъ свой покойно; она теперь спокойнѣе смотрѣла на судьбу своихъ внуковъ и безпрестанно молилась о здоровьи своего благодѣтеля. Но кромѣ ея было еще очень много другихъ, которые тоже возсылали молитвы за великодушнаго мальчика.

Однако, скажете вы, роздавъ всѣ деньги бѣднымъ, Миша пожертвовалъ всѣмъ наслѣдствомъ отца своего; что же у него осталось? съ чѣмъ отправляется онъ въ дальній путь и чѣмъ теперь будетъ помогать другимъ, — у него теперь уже ничего нѣтъ! — Ошибаетесь, друзья мои, у него осталось много, очень много,— и даже гораздо болѣе, нежели у перваго богача, который накопилъ милліоны: осталась добрая душа, чувствительное сердце, дѣятельный разумъ и, при твердомъ уповавіи на Бога, искреннее желаніе дѣлать добро всякому. Съ этимъ неистощимымъ запасомъ онъ найдетъ средства дѣлать добро всегда и вездѣ. Но возвратимся къ нашему разсказу.

Съ половины станціи Петръ Иванычъ велѣлъ ѣхать потише, видя, что съ непривычки

бѣдный мальчикъ поблѣднѣлъ отъ скорой ѣзды и сдѣлался нездоровымъ. Отъѣхавъ нѣсколько станцій, они принуждены были остановиться ночевать, потому что по тамошнимъ дорогамъ невозможно было ѣхать ночью. Миша, усталый отъ бодрствованія въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, радъ былъ этой остановкѣ, повалился на разостланную солому и заснулъ, какъ убитый, не пошевелясь до самаго утра. Добрый запасъ неповрежденнаго здоровья, молодость и крѣпкое сложеніе тѣла, привыкшаго къ трудамъ, скоро возстановили его силы; въ дальнѣйшемъ пути онъ такъ привыкъ къ дорогѣ, что пересталъ чувствовать усталость и путешествіе ихъ продолжалось благополучно.

Черезъ нѣсколько дней и ночей, проведенныхъ въ дорогѣ, они опять остановились ночевать, потому что безлунная холодная ночь была чрезвычайно темна. Послѣ ужина уставшіе путешественники легли спать и скоро очень крѣпко заснули. Часа черезъ два хозяинъ разбудилъ Петра Иваныча и Мишу. Открывъ глаза, Миша увидѣлъ необыкновенный свѣтъ, вскочилъ съ постели и спрашивалъ, что это такое?

— Пожаръ! вся деревня въ огнѣ, одѣвайся скорѣе, — отвѣчалъ Петръ Иванычъ, собирая свои бумаги.

Миша вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ выбѣжали на улицу. Сердце его замерло при видѣ страшной картины пожара. Огонь усиливался, жестокій вѣтеръ перекидывалъ пылающія головни съ одной избы на другую, и почти все село занялось вдругъ. Въ деревнѣ нѣтъ ни пожарныхъ трубъ, ни чего нибудь подобнаго, и пламя могло безпрепятственно истреблять все, что ни попадалось ему на пути. Притомъ же всякій крестьянинъ заботился только о своемъ имуществѣ, стараясь вынести всѣ свои пожитки изъ избы далеко въ поле, не думая объ участи другихъ; между тѣмъ пожаръ распространялся въ ужасныхъ размѣрахъ. Съ оглушительнымъ грохотомъ падали крыши, лопались стекла; тѣсная улица превратилась въ адъ; дымъ, поднимающійся огромными клубами, потемнилъ воздухъ, освѣщенный однимъ заревомъ.

Въ самое короткое время половина деревни

уже была истреблена пожаромъ. Дома обрушились, торчали однѣ трубы и обгорѣлыя бревна дымились на землѣ.

Но другая половина селенія была спасена какимъ-то чудомъ. Постоялый дворъ, бывшій въ самой срединѣ деревни, съ большими постройками, крытыми соломою, неминуемо далъ бы огню еще больше пищи и распространилъ бы пожаръ на другую половину села; но этотъ дворъ вдругъ обрушился, прежде нежели дошелъ до него огонь, и такимъ образомъ прекратился пожаръ. Но какъ и отчего могло это случиться?

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, Миша зналъ главную причину, отчего выгоряютъ до тла цѣлыя селенія. Именно оттого, что каждый крестьянинъ заботится только о спасеніи своего имущества, не помогая другимъ; вслѣдствіе этого огонь имѣетъ возможность распространяться болѣе и болѣе. Разбуженный внезапно Миша не потерялъ присутствія духа, увидя передъ собою ужасную картину пожара; онъ тотчасъ сообразивъ, что надобно дѣлать въ подобномъ случаѣ, не теряя времени, кинулся въ ту сторону, куда еще не

дошелъ огонь и гдѣ жители были спокойнѣе тѣхъ, которые въ испугѣ бѣгали какъ безумные и, оставляя нужное, таскали изъ домовъ своихъ въ поле старыя кадки, изношенныя вещи и всякую дрянь. Между тѣмъ какъ тѣ, до которыхъ не дошелъ еще пожаръ, стояли сложа руки и глядѣли, какъ горятъ чужіе дома, приготовляясь спасать свои пожитки, когда опасность близка будетъ къ нимъ.

— Братцы! воскликнулъ Миша, бросясь въ толпу этихъ спокойныхъ зрителей: — друзья мои! хотите ли спасти вашу половину?

— Какъ не хотѣть, баринъ! да вѣдь мудрено—то: видишь огонь такъ и деретъ; знать-то Господь прогнѣвался.

— Господь поможетъ намъ! нут-ка, ребята, за мною; побѣжимъ ломать постоялый дворъ: мѣсто большое останется пустымъ и огонь остановится непремѣнно.

— А вѣдь правду говоритъ! — воскликнули мужики: — ай да, баринъ, догадливъ! Ребята! хватай топоры, не отставай!

Съ этимъ словомъ всѣ бросились на постоялый дворъ, какъ на крѣпость, которую берутъ приступомъ: въ пять минутъ тонень-

кіе столбы подрублены, соломенная кровля обрушилась; загородка двора, обшитая тесомъ, изба и небольшіе хлѣвушки, примыкающіе къ ней — все исчезло. Миша велѣлъ взлить нѣсколько ведеръ воды на ближній загоравшійся отъ упавшей головни домъ, и огонь, не имѣвшій пищи, погасъ совершенно; пожаръ остановился и не пошелъ далѣе!

Все чудо состояло въ умномъ распоряженіи понимающаго дѣло мальчика; вся деревня собралась на это мѣсто, и погорѣлые, и тѣ, которые остались съ своими домами; всѣ дивились такой диковинкѣ, всѣ превозносили до небесъ умнаго барченка, молились за него Богу. Но его съ ними не было; гдѣ же былъ онъ,—никто не зналъ.

Петръ Иванычъ бѣгалъ въ отчаяніи, кликалъ своего спутника, котораго полюбилъ чрезвычайно, посылалъ всѣхъ мужиковъ искать Мишу, сулилъ имъ на водку, сколько они хотятъ, только бы нашли его.— Но Миши все не было.

Въ это время погорѣлые жители, видя, что домовъ у нихъ не было уже, начали собирать въ полѣ свои пожитки и перетаскивать ихъ къ

роднымъ и знакомымъ. Мущины охали и вздыхали, приходя на то мѣсто, гдѣ прежде было ихъ жилище; женщины громко плакали, сидя на обгорѣлыхъ бревнахъ,—зрѣлище тяжелое, потрясающее душу!

Но гдѣ же Миша? гдѣ спаситель цѣлой половины селенія? Вотъ онъ наконецъ бѣжитъ съ другой стороны поля, весь покрытый сажею; дорожный плащъ его въ лохмотьяхъ; длинные кудри обгорѣли, даже на лицѣ видны обожженныя мѣста: едва можно узнать его, — такъ закоптѣлъ онъ отъ дыма.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! закричало нѣсколько голосовъ; Петръ Иванычъ бросился къ Мишѣ.

— Гдѣ ты былъ? здоровъ ли ты? не обжегъ ли себѣ рукъ или ногъ? спрашивалъ онъ Мишу.

— Я совершенно здоровъ, отвѣчалъ Миша, желая успокоить своего спутника! — обо мнѣ не безпокойтесь; но вотъ поспѣшите подать помощь двумъ дѣтямъ, они тамъ въ полѣ; я вытащилъ ихъ вмѣстѣ съ люлькою; не знаю, гдѣ отыскать ихъ мать; они такъ жалко кричатъ и плачутъ.

Выговоривъ эти слова, Миша побѣжалъ далѣе; Петръ Иванычъ и множество мущинъ и женщинъ отправились за нимъ; на дорогѣ увидѣли они женщину, которая, лежа на обгорѣлыхъ бревнахъ избы своей, плакала, ломала себѣ руки, рвала на головѣ волосы, и какъ безумная кричала, что дѣти ея погибли.

— Не плачь, Климовна! отозвалось вмѣстѣ нѣсколько голосовъ: — дѣтки твои живы. Вотъ этотъ барченокъ вытащилъ ихъ изъ огня, пойдемъ къ нимъ.

Женщина быстро поднялась съ земли, но какъ бы пораженная внезапною радостью, судорожно зашаталась и упала на колѣни. Миша поднялъ ее, увѣрилъ, что ея дѣти точно еще живы, и повелъ ее въ поле, къ большой соснѣ, гдѣ оставилъ малютокъ. Когда пришли они туда, дѣти невиннымъ сномъ спали преспокойно, какъ дома.

— Кормильцы мои, это они!... произнесла бѣдная мать и безъ чувствъ упала на землю; внезапный переходъ отъ отчаянія къ радости отнялъ у нея всѣ силы. Проворный Миша и тутъ нашелся: въ пригоршняхъ принесъ онъ воды изъ ближняго ручья, облилъ ей голову

и лице, и женщина скоро открыла глаза, чувства ея пробудились. Тогда она принялась за малютокъ, бережно перенесла ихъ съ люлькою въ деревню и, успокоившись послѣ такихъ тревогъ, не могла отъ радости найти словъ, чтобы поблагодарить Мишу за спасеніе ея малютокъ.

Ея сосѣдка видѣла, какъ Миша спасъ дѣтей и разсказывала всѣмъ, какъ о какомъ нибудь чудѣ.

— Вытаскавъ вещи свои въ поле, — говорила она, — и видя, что крыша на избѣ сосѣдки вся обнята была огнемъ, я вспомнила, что она ушла на пустошь еще съ вечера, оставя однихъ ребятишекъ дома; ужасъ пронялъ меня до костей, я завопила: сгорятъ они, бѣдныя дѣточки!... — Кто сгоритъ? гдѣ? спросилъ меня этотъ барченокъ, подбѣжавъ ко мнѣ. Указавъ на избу, я сказала, что тамъ оставлены двое ребятъ, — и не успѣла еще договорить, какъ погляжу... ахти, мои батюшки!... Этотъ барчикъ побѣжалъ на крыльцо прямо въ огонь! Я сотворила молитву и думала, что уже нужно поминать его душеньку; анъ смотрю, онъ бѣжитъ уже опять съ крыль-

ца; да еще — какъ бы вы думали? тащитъ въ охапкѣ люльку съ ребятами. Крыша уже вся пылала; упавшія головни подожгли ступени на лѣстницѣ; проворный барченокъ перепрыгнулъ черезъ огонь и потащилъ люльку въ поле. Тутъ ужъ я, помолясь Богу, думала, что конечно самъ Господь послалъ Ангела своего спасти невинныхъ младенцевъ, потому что для человѣка казалось это невозможнымъ. Теперь вижу, что живой человѣкъ, да еще и баринъ, — изволь думать! Гдѣ-то привыкъ онъ къ такому ужасу, что и головушки своей не жалѣетъ? Сохрани его Господь на многіе вѣки, — куда, видно, добрый баринъ!

Такъ разсказывала сосѣдка, а мать ребятишекъ, привѣсивъ люльку на дерево, клала земные поклоны, усердно молясь за спасителя своихъ дѣтей.

Между тѣмъ уже разсвѣтало; взошедшее солнце освѣтило одни груды пепла тѣхъ жилищъ, которыя наканунѣ стояли очень крѣпко и, казалось, обѣщали надежное убѣжище своимъ владѣльцамъ. Но на землѣ все такъ невѣрно и ненадежно, что нельзя поручиться

и за одинъ часъ, въ прочности чего нибудь; самая ничтожная причина обращаетъ въ ничто громадные труды рукъ человѣческихъ. И въ этомъ случаѣ одна искра, зароненная въ сѣнномъ сараѣ, произвела то, что половина большой деревни изчезла съ лица земли, и многіе очень зажиточные крестьяне пошли по міру, не имѣя мѣста, гдѣ преклонить голову и укрыться отъ непогоды.

Солнце взошло уже высоко, Петръ Иванычъ, не смѣя мѣшкать, просилъ, чтобы дали ему лошадей до ближайшей станціи, — желаніе его тотчасъ исполнили.

Пріѣхавъ въ Петербургъ Петръ Иванычъ знакомый во многихъ весьма важныхъ домахъ, уважаемый всѣми за свою честность, представилъ бумаги Миши, врученныя ему священникомъ, и выхлопоталъ, что сиротку нашего опредѣлили въ кадетскій корпусъ на казенное содержаніе.

Не нужно говорить, что добрый нашъ мальчикъ и тамъ не перемѣнился; напротивъ сдѣлался примѣромъ всего хорошаго, какъ въ ученьи, такъ въ поведеніи и обхожденіи съ товарищами: всѣ его любили, и онъ по окон-

чаніи наукъ былъ выпущенъ съ прекраснымъ аттестатомъ отъ начальства. Вступивши въ полкъ офицеромъ, онъ былъ въ прошлую войну во многихъ сраженіяхъ, удивлялъ своею храбростію, получилъ многія отличія и грудь его украсилась орденами. По заключеніи мира, возвратился онъ съ полкомъ въ Одессу и, проживъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, женился на молоденькой, прекрасной дѣвушкѣ, первой невѣстѣ въ городѣ по богатству и красотѣ, а еще болѣе по уму и прекраснѣйшему нраву; молодые живутъ душа въ душу и видимо Господь наградилъ прежняго мальчика сиротку за его добрыя дѣла. Вы ихъ обоихъ видѣли сейчасъ, друзья мои.

— Какъ? милая маменька, — неужели это Александръ Николаичъ?

— Да, это онъ самый, о комъ написана моя повѣсть, только имя я перемѣнила нарочно, чтобъ вы не догадались. Къ этому я еще прибавлю, что какъ въ бѣдности своей, такъ и въ богатствѣ, онъ нисколько не измѣнился и остался тѣмъ, чѣмъ былъ всегда; ни прежняя неизвѣстность, ни теперешнее важное значеніе въ свѣтѣ не помѣшали ему быть честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, исполняющимъ свято свои великія обязанности.

Между тѣмъ чтеніе кончилось; дѣти не знали, какъ и благодарить свою милую маменьку, сокрушаясь только о томъ, что неистощимая ея тетрадка приходила, кажется, уже къ концу.

— Не совсѣмъ такъ, друзья мои, есть еще у меня чѣмъ заняться вечеромъ. Но только я попрошу васъ отложить чтеніе наше до будущаго воскресенья, въ которое обѣщали пріѣхать къ намъ на цѣлый день милый нашъ Александръ съ своей Сонечкой; имъ конечно пріятно будетъ послушать что нибудь изъ моихъ записокъ.

— Конечно, милая маменька, — и для нихъ мы готовы подождать, сказала Лиза.

— Только бы очень хотѣлось знать, если можно, о комъ, или о чемъ будетъ эта повѣсть? — прибавилъ Владиміръ.

— Изволь, я успокою твое любопытство; она заключаетъ описаніе жизни одной знакомой мнѣ, знатной княгини.

— О, какъ это должно быть хорошо!

— Какъ и всѣ прежнія повѣсти не сравненной нашей маменьки, произнесла Лиза.

— Сегодня четвергъ, еще день — два, пятница, суббота, и наступитъ воскресенье; подадутъ лампы и мы сядемъ слушать. Ахъ, какъ весело! вскрикнулъ Володя, хлопая въ ладоши.

Всѣ засмѣялись при такомъ невинномъ восторгѣ и стали прощаться, чтобы идти спать.

Между тѣмъ время шло своимъ порядкомъ; наступило нетерпѣливо ожидаемое воскресенье. Утро прошло, какъ всегда — въ молитвѣ при Божественной службѣ въ храмѣ Божіемъ, въ чтеніи Евангелія больной теткѣ, въ разсужденіяхъ о разныхъ предметахъ. Къ обѣду пріѣхали милые гости. Теперь Лиза и Володя еще болѣе полюбили новаго своего братца, Александра Николаича, узнавъ, что онъ былъ мальчикъ-сиротка; съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣли они на него, вспоминая великія подвиги мальчика-сиротки.

Онъ же, съ своей стороны всегда добрый и ласковый, со свойственною ему скромностію не выхваляя себя, разсказалъ имъ и еще нѣкоторые случаи изъ своей жизни. И такимъ образомъ оживленная бесѣда, переходя отъ серьёзнаго къ веселому, продолжалась весь день. Нечувствительно солнышко скрылось, наступили сумерки. Варвара Михайловна прислала сказать, что она встала послѣ обѣденнаго отдыха и проситъ всѣхъ къ себѣ въ комнату; тамъ уже былъ приготовленъ столъ, зажжены лампы, — и вчерашній восторгъ Владиміра повторился.

Прасковья Михайловна принесла извѣстную тетрадку и Александръ Николаичъ, предложивъ ей свои услуги, началъ читать окончаніе записокъ умной своей тетеньки Прасковьи Михайловны; пріятный и звонкій его голосъ, съ необыкновеннымъ умѣньемъ выражать мысли, придавали еще болѣе занимательности чтенію.

КНЯГИНЯ.

Княгиня.

Огромный каменный домъ отличной архитектуры, украшенный богатыми и прекрасными статуями, выдавался изъ ряда другихъ, стоявшихъ на дворцовой набережной. Парадная лѣстница, устланная мягкими коврами, вела въ богато-убранныя комнаты со всею изысканностію роскоши, моды и вкуса. Чрезвычайной величины зеркала, столы изъ лучшаго карарскаго мрамора, малахита и порфира, часы разнообразнѣйшихъ формъ съ бронзовыми украшеніями, канделабры, люстры изъ самаго чистаго хрусталя, дорогія картины, паркетные полы, гладкіе какъ стекло, богатые ковры, еще богатѣйшіе, покрытые бархатомъ и шелковыми матеріями диваны, кресла и стулья, за-

навѣси у оконъ, портьеры у дверей изъ самихъ дорогихъ толстыхъ матерій, затканныя золотомъ, — словомъ, тутъ было все, что только въ состояніи придумать самая требовательная роскошь и богатство. Но, по моему, самымъ лучшимъ украшеніемъ этого великолѣпнаго жилища были живые цвѣты, разставленные группами во всѣхъ горницахъ; деревья пальмовыя, банановыя, апельсинныя и лимонныя въ полномъ цвѣтѣ разливали благоуханіе по всему дому. Входя въ это очаровательное жилище, особенно въ то время, когда на дворѣ трещалъ морозъ, точно казалось будто какимъ-то волшебствомъ переносишься подъ жаркое солнце роскошныхъ тропическихъ странъ. Тутъ же въ одной комнатѣ стояла раззолоченная клѣтка и въ ней красовался большой зеленой попугай, а въ другой комнатѣ перепрыгивалъ съ жердочки на жердочку бѣлый какъ снѣгъ какаду. У каждой двери стояло по два оффиціанта, готовые по первому данному знаку на всякаго рода услуги.

Дочь знатнаго и чрезмѣрно богатаго вельможи, маленькая Саша, пяти лѣтъ была фрейлиною самаго блестящаго двора. На всѣ вы-

ходы и праздничныя поздравленія привозилъ ее отецъ къ Императрицѣ, одѣтую очень богато съ брилліянтовымъ шифромъ на плечѣ. Пятилѣтняя дочь его на этихъ важныхъ представленіяхъ вела себя не какъ ребенокъ, а какъ взрослая; со всею осторожностію подходила къ Императрицѣ, дѣлала самый учтивый низкій поклонъ, никогда не путаясь въ своемъ длинномъ шлейфѣ. Удивительно и смѣшно было видѣть эту крошечную фигурку въ собраніи прочихъ фрейлинъ. Ея хорошенькое личико, большіе темно-синіе глаза, которые, казалось, огнемъ горѣли, ея вѣжливое обхожденіе и умѣнье вести разговоръ о предметахъ интересныхъ обращали на нее всеобщее вниманіе. Исполнивъ свою важную фрейлинскую должность, она такъ мало объ этомъ думала, что самою веселою минутой для нея была та, когда отецъ привозилъ ее домой, гдѣ она освобождалась отъ нарядовъ и переодѣвалась въ простое домашнее платье; она тогда какъ птичка изъ клѣтки вылетала на волю: свободно бѣгала по всѣмъ комнатамъ, принималась за самыя простыя игрушки, хотя комната ее была наполнена множествомъ самыхъ

дорогихъ. Роскошь и пышность не могли испортить чистую душу скромной Саши; она восхищалась и любила все простое, не заражаясь ни гордостію, ни тщеславіемъ. Достигши совершеннолѣтія, она вышла замужъ за князя, такого же знатнаго и богатаго человѣка, какъ отецъ ея, и сдѣлалась владѣтельницею упомянутаго нами выше великолѣпнаго дома. Мужъ Саши былъ человѣкъ очень добрый и умный и всею душею любилъ жену свою. У нихъ было двое дѣтей, сынъ и дочь, судьба которыхъ была самая блистательная. Родители ихъ, оставшись одни, доживали вѣкъ свой среди изобилія и роскоши. Но какъ въ малолѣтствѣ не могъ испортить свѣтъ милую Сашу, теперешнюю Александру Алексѣевну, такъ и во все продолженіе своей жизни она была чужда его недостатковъ. Съ младенчества она болѣе всего любила молиться Богу, первымъ утѣшеніемъ считала помогать бѣднымъ и дѣлала это не изъ тщеславія, а единственно изъ любви къ ближнимъ; ей даже и на умъ не приходило, что, поддерживая цѣлыя семейства, или неусыпными попеченіями своими облегчая многимъ больнымъ жестокость ихъ страданія, она совершала истинно великія дѣла. Все это дѣлала она такъ просто, съ такою скромностію, что никто не зналъ, кромѣ Бога, сколько для исполненія такихъ подвиговъ проведено безсонныхъ ночей, сколько пожертвовано собственнымъ спокойствіемъ, сколько преодолѣно препятствій свѣтской невозможности.

Александра Алексѣевна, какъ нѣжная, покорная жена своего мужа, исполняла во всемъ его волю. Онъ любилъ жить роскошно,—и она старалась великолѣпно убрать домъ свой. Онъ любилъ жить открыто, давать праздники, угощать обѣдами, веселить балами, — и Александра Алексѣевна чрезвычайно ласково и привѣтливо принимала многолюдное общество; казалось, что вся душа ея была тутъ, хотя напротивъ роскошные пиры совсѣмъ ей не нравились. Она была гораздо выше этихъ пустыхъ удовольствій мелочной жизни,—она испытала наслажденія истинныя и жила настоящею, а не поддѣльною жизнію людей свѣтскихъ.

По принятому обыкновенію знатныхъ домовъ, обѣды, визиты, балы, все это смѣнялось

одно другимъ, начиналось очень поздно, а оканчивалось же еще гораздо позже: полдневное время всегда заставало въ постелѣ жителей знатныхъ домовъ, а полночь, когда все въ природѣ покоится и спитъ, часто была для нихъ самымъ дѣятельнымъ временемъ свѣтскихъ удовольствій.

Представьте себѣ, есть ли возможность при такой жизни сдѣлать что нибудь хорошее и полезное? — Однако Александра Алексѣевна успѣвала въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Конечно, молитвой своей выпросила она у Бога ту великую благодать Его, что нѣга и роскошь не разслабили ея тѣла и не убили ея души. Она осталась непоколебимою противъ всѣхъ приманокъ свѣта. Не рѣдко случалось, что прямо съ балу, когда другія подобныя ей бросаются прямо на постель и просыпаютъ половину слѣдующаго дня, она, сохраняя бодрость духа и тѣла, переодѣвалась въ старенькое платье, надѣвала изношенный салопъ, старомодную шляпку и на саночкахъ или на дрожкахъ съ одной вѣрной своей прислужницей отправлялась къ заутрени и ранней обѣдни, и раздавала нищимъ множество денегъ отъ

имени неизвѣстной княгини. Иногда въ эти утреннія путешествія успѣвала она съѣздить и въ тюрьму, и въ больницу; вездѣ помогала или деньгами, или попеченіемъ своимъ и просьбами оказывала облегченіе участи этихъ несчастныхъ. Многіе, выкупленные ею изъ тюрьмы, съ ея помощію дѣлались порядочными людьми. Въ больницахъ случалось ей присутствовать при самыхъ трудныхъ операціяхъ, и она умѣла ободрить страдальцевъ утѣшительными словами, обращая вниманіе ихъ и надежду на всемогущую помощь Божію. Все это совершалось въ то время, когда подобныя ей свѣтскія дамы наслаждались пріятнымъ и спокойнымъ сномъ, теряя даромъ и время и способности, данныя человѣку, — она вездѣ была дѣятельною, неутомимою.

Случалось, что ее видѣли въ одинъ день заключенные въ тюрьмѣ, страждущіе въ больницѣ и бѣдные въ своихъ холодныхъ подвалахъ, или на тѣсныхъ чердакахъ. Первые лучи солнца встрѣчали ее въ церкви; успѣвъ сдѣлать очень многое, возвращалась она къ себѣ, когда все еще покоилось глубокимъ сномъ въ ея великолѣпнымъ домѣ; уснувъ часа

два или три, она вставала бодро, молилась Богу, одѣвалась. Въ полдень ее можно было встрѣтить въ щегольской каретѣ, запряженной отличными лошадьми, съ одѣтымъ въ богатую ливрею кучеромъ и двумя лакеями огромнаго роста, качающимися на заднихъ рессорахъ. Это значило, что Александра Алексѣевна дѣлаетъ визиты, какъ слѣдуетъ свѣтской дамѣ; но здѣсь очень часто случалось, что и это пустое обыкновенiе обращала она въ полезное.

Посѣщая своихъ знакомыхъ, выпрашивала у должностныхъ лицъ какое нибудь мѣсто для бѣднаго чиновника, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, или помѣщала сиротъ въ казенное заведенiе; иногда же избавляла отъ нарѣканiя невинно оклеветаннаго и возвращала ему честное имя. Все это знала она, потому что бѣдные и несчастные стекались къ ней со всѣхъ сторонъ: она не только не тяготилась ихъ просьбами, а напротивъ, старалась всею душею помочь всякому. Потомъ тоже солнце опускалось за горизонтъ, освѣщая послѣдними лучами роскошные ихъ обѣды, которые украшала она своею любезностiю

умными и прiятными разговорами, оживлявшими бесѣду за столомъ, какъ для нѣжно-любящаго ея супруга, такъ и для всѣхъ присутствующихъ.

Но не одно солнце во время дня любовалось великими подвигами Александры Алексѣевны, — и серебристая луна, его спутница, задумчиво проглядывала сквозь розовыя занавѣси въ окна великолѣпной залы, гдѣ очаровательная хозяйка была душею многолюднаго общества, гдѣ все кружилось въ вихрѣ бальныхъ танцевъ, гдѣ гремѣла музыка, гдѣ, едва прикасаясь къ гладкому паркету, носилось мимо нея нѣсколько паръ въ быстромъ вальсѣ, и гдѣ по ея же распоряженiю подавали на серебряныхъ подносахъ и въ хрустальныхъ вазахъ всевозможныя лакомства: фрукты, конфеты, мороженое, оршадъ, лимонадъ и прочее; гдѣ все шумѣло, говорило, смѣялось, шутило, но только — не злословило. Зная, что хозяйка сплетенъ, этого мнимо-невиннаго препровожденiя времени, терпѣть не можетъ, всѣ старались сколько можно воздерживаться отъ легкомысленныхъ толковъ о людяхъ и поступкахъ ихъ. Однако оттого вечера у нихъ не

были скучны, а напротивъ чрезвычайно веселы и пріятны. Если гости званы были не на балъ, а просто на вечеръ, то благоразумная хозяйка съ искусствомъ умѣла вести разговоръ о разныхъ предметахъ, интересныхъ для людей образованныхъ: о политикѣ, о событіяхъ отечественныхъ, о замѣчательныхъ предметахъ и случаяхъ въ чужихъ земляхъ, объ открытіяхъ въ наукахъ и художествахъ; всѣ чрезвычайно заняты были разговоромъ, и тотъ, кто говорилъ, и тѣ, которые слушали, — а это, само собою разумѣется, мѣшало сплетнямъ и пересуживанью чужихъ поступковъ. Притомъ же всѣ знали, что въ этомъ домѣ ѣдкія слова припишутъ не уму, а дурному воспитанію, и не сочувствіе, а напротивъ отвращеніе заслужитъ такой человѣкъ среди ея избраннаго общества, состоящаго изъ людей образованныхъ въ полномъ значеніи этого слова. Александра Алексѣевна умѣла отыскать ихъ среди многолюдной столицы и вечера ея имѣли какой-то особенный характеръ.

Мужъ Александры Алексѣевны былъ человѣкъ добрый; но, увлекаясь свѣтскою жизнію, не могъ достигнуть высокихъ добродѣтелей

своей супруги и, чувствуя все превосходство прекрасной ея души, любилъ ее, какъ ангела, посланнаго ему отъ Бога, уважалъ ея мнѣніе, старался исполнить совѣты и желаніе тѣмъ болѣе, что они всегда клонились къ добру собственнаго семейства или постороннихъ людей. Дѣти, можно сказать, боготворили ее; слова ея почитались святымъ и воля неизмѣннымъ закономъ. Всѣ люди, какъ дворовые, такъ и крестьяне, называли ее своей истинной матерью и покровительницей. Всѣ знакомые и незнакомые считали ее какимъ-то особеннымъ существомъ; хотя въ ней ничего не было сверхъестественнаго; она была только настоящая христіанка, какими должны быть и всѣ тѣ, которые имѣли счастіе креститься въ этотъ великій святой законъ!

Но познакомимся нѣсколько ближе съ жизнію Александры Алексѣевны, вспомнимъ еще нѣкоторые случаи изъ ея дѣятельности.

Однажды лѣтомъ Александра Алексѣевна прогуливалась по своей обширной дачѣ, недалеко отъ тріумфальныхъ воротъ нашей столицы. Какъ женщина чрезвычайно любознательная, имѣя охоту ко всему и восхищаясь

природою со всей поэзіею горячей души, она съ неизъяснимымъ удовольствіемъ разсматривала каждый цвѣтокъ, всякій камушекъ, бабочку, насѣкомое, удивляясь премудрости Божіей во всякомъ Его прекрасномъ созданіи, отъ малѣйшей травки до огромнаго дуба, отъ муравья, ползающаго по землѣ въ своихъ непрестанныхъ трудахъ, до жаворонка подъ облаками, наполняющаго воздухъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ, и до человѣка, совершеннѣйшаго творенія Божія. Все любила Александра Алексѣевна, все привлекало ея вниманіе, все занимало ее чрезвычайно. Часы проходили незамѣтно въ созерцаніи природы; она, любуясь то однимъ, то другимъ, подвигалась все далѣе и далѣе и наконецъ на самомъ отдаленномъ углу сада, гдѣ решетка на улицу остановила ее, она вспомнила, что далеко зашла отъ дому, что солнце уже сѣло и что давно пора возвратиться назадъ. Александра Алексѣевна пустилась въ обратный путь; но, не успѣвъ сдѣлать и десяти шаговъ, услышала стонъ на большой дорогѣ, проходившей подлѣ ея дачи. Тутъ уже не думая ни о чемъ болѣе, какъ только о томъ, чтобы подать по-

мощь страдающему человѣку, проворно выскочила въ калитку и очутилась на проѣзжей дорогѣ, среди которой лежала женщина и громко стонала. Подбѣжавъ къ ней, она узнала, что кто-то наѣхалъ на эту несчастную и переломилъ ей ногу. Что дѣлать? — Сперва хотѣла она ее приподнять, чтобы отвести въ сторону, для предупрежденія подобнаго же несчастія въ другой разъ. Притомъ же, видя, что ей необходима скорая помощь, добрая Александра Алексѣевна съ радостію замѣтила двухъ извощиковъ, ѣдущихъ по дорогѣ; она подозвала ихъ и, обѣщавъ щедро заплатить, уговорила, чтобы они подняли женщину и положили осторожно на дрожки; на другія же сѣла сама и велѣла ѣхать въ самую ближнюю больницу, бывшую не далеко за тріумфальными воротами. Подъѣхавъ къ крыльцу, она оставила женщину на дрожкахъ, а сама пошла отыскивать смотрителя, чтобы просить о принятіи больной. Привратникъ показалъ ей на крыльцо небольшаго флигеля, стоявшаго въ концѣ чрезвычайно грязнаго двора. Александра Алексѣевна отправилась туда; долго не могла достучаться, нако-

нецъ съ бранью отворились двери, въ которыхъ показался человѣкъ въ халатѣ.

Что тебѣ надобно? спросилъ онъ грубымъ голосомъ, прищурясь и разсматривая ее съ ногъ до головы, и вдругъ попятился назадъ. — Извините, сударыня, я въ халатѣ; сказалъ онъ, смягчивъ свой голосъ, и хотѣлъ запереть дверь.

— Нужды нѣтъ! воскликнула она, — ради Бога не уходите, а поскорѣе подайте помощь несчастной.

— Что вамъ угодно? какой несчастной? спросилъ онъ, отворивъ дверь.

— Я привезла больную....

— Теперь не время,—произнесъ онъ опять очень сердито.

— А когда же, скажите, пожалуйста?

— Завтра, часу въ первомъ.

— Да она до этого времени умретъ; ей необходима скорая помощь.

Но смотритель все-таки отказывался исполнить просьбу Александры Алексѣевны, несмотря на то, что больная дѣйствительно была въ безнадежномъ положенiи.

Наконецъ Александра Алексѣевна, не вытерпѣвъ болѣе, схватила смотрителя за руку и заставила его выйти за ворота, гдѣ лежала безъ чувствъ ея больная.

— Видите, въ какомъ она положенiи, — сказала Александра Алексѣевна: — вы непремѣнно должны помѣстить ее въ больницу и позвать дежурнаго доктора, или я буду жаловаться начальству.

Смотритель замѣтилъ изъ ея словъ и наружности, что эта была не простая просительница, принялся хлопотать: женщина была перенесена въ больницу, положена на постель; дежурный лекарь, осмотрѣвъ ея ногу, объявилъ, что у нея раздроблена кость и что операцiя необходима, или больная къ утру умретъ, потому что уже замѣтны признаки антонова огня.

— Надобно послать за операторомъ, — сказала Александра Алексѣевна.

— Да, вы думаете, что это такъ легко. Онъ конечно живетъ недалеко отсюда; но вечеромъ не пойдетъ для простой бабы. Завтра часу въ двѣнадцатомъ, онъ и самъ прiѣдетъ сюда и тогда...

— Но вы говорите, что она къ утру умретъ?

— Ну, тогда и операціи не нужно будетъ дѣлать.

— Какъ хладнокровно вы говорите объ этомъ, г. лекарь, — сказала съ негодованіемъ Александра Алексѣевна и, вынувъ изъ кармана бумажникъ, дала ему 25 рублей. сереб.

Лекарь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и на бумажку.

— Я не пожалѣю денегъ,—прибавила она,—только бы помочь этой несчастной.

Слова Александры Алексѣевны произвели желаемое ею дѣйствіе. Смотритель кинулся на дрожки и поскакалъ за операторомъ; тотчасъ явилась прислужница съ бинтами и съ теплымъ питьемъ для больной. Лекарь хотѣлъ непремѣнно тащить больную въ другую лучшую комнату; но Александра Алексѣевна, видя, что она успокоилась и не такъ стонала, не позволила ему этого сдѣлать. Черезъ четверть часа, пріѣхалъ операторъ; лекарь суетился и приготовлялъ все, что нужно. Женщина, опомнясь и увидя приготовленіе, заплакала и стала просить оставить ее лучше умереть, потому что она не хочетъ жить безъ ноги. Но Александра Алексѣевна, распросивъ

оператора и убѣдившись сама, что операція необходима, принялась уговаривать больную своимъ убѣдительнымъ душевнымъ краснорѣчіемъ, и та наконецъ согласилась, только съ условіемъ, чтобы добрая барыня не отходила отъ нея.

Изъ любви къ ближнему Александра Алексѣевна не отказалась исполнить ея желаніе и держала за руки больную во время этой жестокой операціи. Когда же все было кончено и больная успокоилась, то только въ это время добрая Александра Алексѣевна вспомнила, что ей надобно спѣшить домой, что мужъ ея вѣроятно безпокоится о ней, что скоро станутъ собираться гости на вечеръ. Попросивши доктора и смотрителя имѣть попеченіе о больной, она отправилась на извощикѣ домой, и чтобы никто не замѣтилъ безпорядка въ ея костюмѣ, вошла прямо въ комнату горничныхъ, гдѣ переодѣвшись, явилась въ гостиную, успокоила мужа, и съ обыкновеннымъ радушіемъ начала принимать гостей, которыхъ собралось довольно много, не подозрѣвая даже, что за нѣсколько времени хозяйка дома совершила великій подвигъ, спасши человѣка отъ смерти.

Между тѣмъ Александра Алексѣевна не забывала о своей больной и каждое утро посѣщала ее въ больницѣ; этимъ участіемъ обращала на больную вниманіе доктора и смотрителя, которые особенно заботились о покровительствуемой ею паціенткѣ. Больная въ скоромъ времени выздоровѣла и вышла изъ больницы, замѣнивъ природную здоровую ногу неуклюжей безчувственной деревяшкой. Но спасеніемъ отъ неминуемой смерти не окончились благодѣянія Александры Алексѣевны; она устроила все семейство этой бѣдной женщины: сыновей и дочекъ отдала въ казенныя заведенія, гдѣ ихъ учили различнымъ мастерствамъ. Матери ихъ назначила пансіонъ на всю жизнь, такъ что она могла спокойно доживать свой вѣкъ.

Вспомнимъ и еще одинъ случай изъ жизни Александры Алексѣевны. Дѣло происходило такимъ образомъ. Однажды горничная Александры Алексѣевны доложила ей, что молоденькая дѣвушка принесла разныя вышиванья и предлагаетъ купить у ней что нибудь; сначала горничная отказала этой дѣвушкѣ, зная, что у княгини слишкомъ много всякихъ вышиваній; но, тронутая страдальческою болѣзненною наружностію дѣвушки, рѣшилась доложить объ ней своей госпожѣ.

Александра Алексѣевна одобрила поступокъ своей прислужницы и велѣла ей призвать просительницу. При первомъ взглядѣ на молоденькую торговку, жалость проникла добрую ея душу. Эта дѣвочка была лѣтъ четырнадцати, недурна собою; но видно было, что измучена была работою: вѣки глазъ ея были красны, лице худое и свѣжесть молодости совершенно исчезла. Александра Алексѣевна, такъ только для виду, взяла вышитый воротничекъ и, разсматривая его, спросила молодую торговку.

— Ты, милая, сама это вышиваешь?

— Сама, сударыня, съ помощію сестеръ.

— Ты не одна?

— Насъ пятеро.

— Есть у васъ отецъ и мать?

— Есть, проговорила дѣвушка чуть слышнымъ голосомъ и слезы покатились на шитье, которое она держала въ рукахъ.

— О чемъ же ты плачешь, душа моя?

— Извините, сударыня, — не могла удер-

жаться: батюшка и матушка въ такомъ жалкомъ положеніи....

— Отчего же?

— У батюшки отняли послѣдній домикъ, — и мы теперь не имѣемъ куска хлѣба. Что вырабатаю съ сестрами, тѣмъ мы и кормимся; батюшка убитъ горемъ и безпрерывными трудами, а матушка совсѣмъ слегла въ постелю, у нея отнялись ноги. Тутъ снова ручьи слезъ подтвердили слова несчастной дѣвушки.

— Успокойся, душа моя; Богъ не безъ милости: найдутся добрые люди, которые вамъ помогутъ.

— Конечно, сударыня, — одна надежда на Бога, а люди такіе злые, что не пощадили моего добраго батюшку, который никого не обидѣлъ во всю жизнь свою.

— Какъ же это случилось? раскажи-ка мнѣ, другъ мой.

— Батюшка мой чиновникъ Ольхинъ былъ управляющимъ у одного очень богатаго графа, — тутъ назвала она его фамилію; на дворѣ его огромнаго дома былъ небольшой флигель; его покойный графъ подарилъ батюшкѣ за услуги и честность. Это было уже такъ дав-

но, что батюшка мой и женился въ немъ и мы всѣ тамъ родились. Покойный графъ назначилъ еще и пенсію отцу моему. Но когда старикъ умеръ, то злые люди оклеветали передъ молодымъ графомъ отца моего, наговорили, что у него много денегъ, что онъ нечестно управлялъ имѣніемъ, и довели до того, что молодой графъ велѣлъ отнять у насъ домикъ и выгнать родителей моихъ на улицу.— Не знаю, какъ остались мы живы послѣ такого горя!

— Когда это случилось?

— Да, ужъ съ полгода прошло.

— Гдѣ же вы живете?

— Далеко, сударыня, на «Козьемъ Болотѣ.» Батюшка нанимаетъ небольшой уголокъ въ домѣ купчихи Золотовой, подлѣ церкви Покрова Богородицы, — и вотъ одно утѣшеніе моихъ родителей, что по близости батюшка можетъ съ нами ходить къ службѣ Божіей и молиться единственной нашей Заступницѣ. Бѣдная матушка и того не можетъ дѣлать. Я съ двумя меньшими сестрами работаю, ношу продавать шитье, и счастливъ тотъ день, когда что нибудь купятъ; но, видя нашу

крайность, всегда даютъ очень дешево и часто едва окупится кисея и бумага. Батюшка беретъ иногда переписывать бумаги; матушка вяжетъ чулки и такъ кое-какъ питаемся.

Такого рода былъ разговоръ Александры Алексѣевны съ бѣдной швеею. Александра Алексѣевна купила все, что та принесла; вновь заказала нѣсколько воротничковъ, велѣла приходить къ себѣ почаще и съ тѣмъ отпустила бѣдную швею, чрезвычайно обрадованную ея щедростію, и уже не слезы, а радость блистала въ глазахъ милой дѣвушки.

Но добрая душа Александры Алексѣевны не довольствовалась этимъ, потому что первымъ правиломъ ея была истина, сказанная поэтомъ нашимъ Державинымъ:

«Добро творить не собираться
А если дѣлать, дѣлать въ мигъ!»

Такъ поступала она всю жизнь свою и теперь, отпустивъ швею, велѣла подавать себѣ одѣваться и заложить карету.

— Княгиня опять ѣдетъ съ визитами, — говорили горничныя; другія же спорили, что этого не можетъ быть, потому что вчера ѣздила.

— Однако ѣдетъ и сегодня. Я слышала, что княгиня приказывала сыскать визитныя карточки.

— Удивительное дѣло; вѣдь князь сегодня утромъ сказалъ, что сегодня раньше пріѣдетъ изъ сената: ну, если она запоздаетъ?

— Такъ чтожь, князь такъ ее любитъ, что никогда не разсердится, если она и промѣшкаетъ.

— Да, ужь точно любитъ; впрочемъ какъ и не любить такого ангела?

Между тѣмъ во время этого разговора горничныхъ второй степени, главныя прислужницы очень пышно нарядили свою госпожу и подали ей щегольскую книжку съ визитными карточками; она вышла въ переднюю, человѣкъ накинулъ ей на плечи бархатный салопъ чернобурой лисицы и княгиня отправилась кататься по городу, точно также, какъ и многія другія, ей подобныя, отъ бездѣлья и скуки пускаются на такія путешествія.

Но наша княгиня и самое бездѣлье умѣла обратить въ дѣло. Александра Алексѣевна поѣхала прямо въ огромный домъ знатнаго графа,

того самого, который такъ несправедливо поступилъ съ семействомъ бѣдной швеи.

Къ счастію, хозяева были дома и приняли ее тотчасъ: всякій былъ радъ такой милой гостьѣ. Самъ графъ и жена его очень дружно ее встрѣтили; она какъ всегда обворожила ихъ своею любезностію и потомъ сказала, что пріѣхала къ нимъ не какъ гостья, а какъ просительница.

— Какъ я радъ, что могу служить вамъ! Скажите же, почтеннѣйшая Александра Алексѣевна, чѣмъ могу быть для васъ полезнымъ? Я всѣми силами постараюсь исполнить ваше желаніе, — воскликнулъ графъ.

Александра Алексѣевна объяснила свою просьбу. Но тутъ графъ перемѣнилъ тонъ.

— Это невозможно, — произнесъ онъ сухо: — я выгналъ Ольхина, какъ мошенника, который обокралъ меня.

— Но если онъ, напротивъ, человѣкъ честный?

— Быть не можетъ, княгиня! Человѣкъ, который донесъ мнѣ на него, вполнѣ заслуживаетъ довѣрія.

— А вѣдь онъ завладѣлъ домомъ оклеветаннаго?

— Да, я отдалъ ему этотъ домикъ и пенсію Ольхина. Не говорите мнѣ болѣе объ этомъ, добрѣйшая Александра Алексѣевна,—дурныхъ людей должно наказывать.

— А если я докажу вамъ, графъ, что онъ невиненъ?

— Напрасно будете безпокоиться, никогда этого не докажете. И возможно ли вамъ знать всѣ подробности жизни такъ ничтожнаго человѣка? Онъ не изъ нашего круга, какой-то чиновникъ; это такого рода люди, съ которыми, конечно, ни вы, ни я, никогда не говаривали и говорить не будемъ.

— Пусть такъ, графъ; но позвольте мнѣ сдѣлать нѣкоторыя справки и пріѣхать къ вамъ съ новой просьбою.

— Сдѣлайте одолженіе, княгиня, очень буду радъ, хотя подобная бездѣлица приведетъ васъ опять къ намъ. Искренно сожалѣю о томъ, что вы будете жестоко разочарованы вашими надеждами; — я знаю, что этотъ мнимо-несчастный человѣкъ купилъ себѣ домъ на мои

деньги и теперь въ совершенномъ довольствѣ живетъ въ немъ.

— Посмотримъ, графъ; прежде постараемся узнать всю истину и тогда рѣшимъ, чья правда: ваша, или моя? до тѣхъ же поръ позволте мнѣ остаться въ недовѣрчивости къ вашимъ донощикамъ.

Послѣ этого разговора княгиня, садясь въ карету, прямо изъ великолѣпнаго графскаго дома приказала ѣхать къ церкви Покрова Богородицы, близъ «Козьяго Болота.»

Пробило три часа на городской башнѣ; вездѣ благовѣстили къ вечернѣ. Княгиня въ своемъ щегольскомъ экипажѣ, одѣтая чрезвычайно богато, полетѣла на рысакахъ своихъ въ отдаленную и мало извѣстную часть города. Остановясь у церкви, она вошла въ нее, отслушала вечерню и оттуда пѣшкомъ отправилась въ домъ купчихи Золотовой. Долго она не могла найти квартиры, гдѣ живетъ чиновникъ Ольхинъ. Дворникъ, видя такую нарядную госпожу съ человѣкомъ въ знатной ливреѣ, не вѣрилъ ушамъ своимъ, что она точно спрашиваетъ о бѣдномъ, почти нищемъ Ольхинѣ; онъ долго увѣрялъ ее, что въ хорошихъ

квартирахъ нѣтъ постояльца такой фамиліи, а только на чердакѣ, почти подъ крышею живетъ какой-то Ольхинъ; да этотъ очень бѣденъ, — прибавилъ дворникъ, — и едва ли можетъ быть нуженъ вамъ.

— Его-то мнѣ и надобно; проведи меня къ нему.

— Позвольте, сударыня, съ предупредительностію сказалъ дворникъ: — я вызову его сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама хочу видѣть, какъ онъ живетъ.

— Да лѣстница очень крута, нечиста и темна.

— Ничего; я вѣдь сказала тебѣ,—веди меня къ нему.

Удивленный дворникъ повелъ княгиню по закоулкамъ грязнаго корридора; потомъ по развалившейся лѣстницѣ, прямо на самый верхъ и, отворивъ дверь въ темный чуланъ, сказалъ: вотъ здѣсь-то онъ поживаетъ.

Александра Алексѣевна переступила черезъ порогъ этого нищенскаго жилища; пройдя черезъ темную кухню, она вошла въ комнату съ однимъ окномъ. Видно было, что жильцы

старались сколько можно прибрать ее, въ ней не было ужасной грязи прежнихъ переходовъ, полъ вымытъ и нѣсколько плетеныхъ стульевъ стояли въ порядкѣ; у стола сидѣлъ старикъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и наклонясь писалъ что-то очень прилежно; въ углу помѣщалась кровать, на которой сидѣла старуха и вязала чулокъ; подлѣ окна три молоденькія дѣвочки вышивали на пяльцахъ; два мальчика сидѣли на полу, одинъ держалъ, а другой разматывалъ шерсть; мотокъ былъ такъ великъ, что меньшій мальчикъ принужденъ былъ совершенно протянуть свои коротенькія рученки, а старшій едва держалъ огромный клубокъ шерсти. Вообще всѣ такъ были заняты каждый своимъ дѣломъ, что глубокое молчаніе сопровождало эту дружную работу.

Скрыпъ двери заставилъ обернуться старушку.

— Настенька, кто это? спросила она, увидя богато одѣтую посѣтительницу.

И Настенька, знакомая намъ швея, взглянувъ на вошедшую тихо княгиню, вскрикнула отъ удивленія и радости, вскочивъ изъ-за пяльцевъ такъ проворно, что сестры ея едва успѣли подхватить, чтобъ не упали они на полъ.

— Благодѣтельница моя! вы ли сами пришли посѣтить насъ?

— Молчи, Настя, не говори, что ты меня знаешь, — сказала въ полголоса княгиня.

Между тѣмъ старикъ, уронивъ очки на полъ, спѣшилъ встать, а старуха кланялась на постелѣ, извиняясь, что ноги не позволяютъ ей подняться съ мѣста: дѣвочки также скромно и вѣжливо поклонились, а ребятишки, бросивъ и мотокъ и клубокъ, подбѣжали къ ней и смотрѣли на нее, не спуская глазъ съ нарядной барыни.

— Не тревожьтесь, пожалуйста, — сказала Александра Алексѣевна, кланяясь всѣмъ и, взявъ старика за руку, заставила его сѣсть рядомъ съ нею.

— Я пришла навѣстить васъ, Ѳедоръ Григорьичъ, — начала Александра Алексѣевна.

— Какимъ образомъ изволите знать мое имя?

— Также точно, какъ знаю васъ; вы были

управляющимъ у графа Н.— и съ вами тамъ несправедливо поступили?

— Очень несправедливо, милостивая государыня; видно, Богу было угодно наказать меня. Каждый день молюсь за обидѣвшихъ меня, — прости имъ Господи! Повѣрьте, что ихъ положеніе гораздо тяжелѣе моего; у меня по крайней мѣрѣ спокойна совѣсть, потому что я никогда не измѣнялъ честному имени и теперь готовъ умереть за правду. А что люди во мнѣ ошиблись, такъ это имъ простительно; конечно, чужая душа потемки. Мы всѣ люди со слабостями, а потому ошибаемся очень легко.

— Однако они отняли у васъ домъ?

— Да, милостивая государыня, и лишили мое семейство послѣдняго достоянія. Но я не ропщу: боюсь прогнѣвать Бога, единственнаго моего покровителя, — буди имя Его благословенно! Онъ далъ, Онъ и взялъ; все дѣлается по Его благому Промыслу и къ нашей же пользѣ, а люди только орудія Его святой воли.

— Чѣмъ же вы живете?

— А вотъ изволите видѣть, — трудимся, сколько можемъ, и живемъ. Я беру переписывать бумаги и получаю за это небольшую плату; жена вяжетъ чулки; дочери вышиваютъ наряды для богатыхъ барынь и продаютъ; даже эти маленькіе ребятишки, сыновья мои, помогаютъ матери, разматываютъ для нея нитки и шерсть, — вотъ такъ и достаемъ себѣ пропитаніе.

— Но, я думаю, очень недостаточное.

— Конечно, сударыня: щи да хлѣбъ, чего еще надобно? Велика милость Божія, что еще не сидимъ совершенно голодные....

— Да, тятя! Я вчера просилъ поужинать и плакалъ, а мама сказала, что нечего дать ему, — отозвался старшій мальчикъ.

— Не гнѣвите Бога, дѣти! сказалъ отецъ, — а благодарите Его за все! Видите, какую радость послалъ Онъ намъ, такъ неожиданную, милостивую гостью!

Распросивъ обо всемъ и вполнѣ увѣрившись, что у бѣднаго чиновника не только не было такъ много денегъ, чтобы купить домъ, но едва доставало на пищу самую скудную, Александра Алексѣевна, утѣшивъ ихъ надеждою на Бога и на помощь добрыхъ людей,

положила тихонько на столъ нѣсколько денегъ и спѣшила удалиться.

Можно себѣ представить, какъ всѣ жильцы этого небогатаго дома были поражены удивленіемъ, что госпожа въ бархатномъ салопѣ и въ шляпкѣ съ перьями, пришла пѣшкомъ изъ церкви и ходила на чердакъ къ бѣднымъ Ольхинымъ; потомъ, сойдя оттуда, сѣла въ щегольскую карету, промчалась мимо ихъ оконъ и скрылась изъ глазъ. «Какой счастливецъ этотъ Ольхинъ!» раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Не нужно, кажется, разсказывать о томъ, что добродѣтельная Александра Алексѣевна не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не сняла клеветы съ чистой души честнаго человѣка, открывъ всю истину передъ молодымъ графомъ, который за претерпѣнныя обиды Ольхинымъ подарилъ ему другой лучшій еще домикъ и обязался давать пенсію всему его семейству. Александра Алексѣевна при этомъ также не осталась въ бездѣйствіи и сама помогала имъ во многомъ. Помѣстила въ институтъ обѣихъ меньшихъ дѣвочекъ, а Настеньку, когда она достигла совершеннолѣтія, выдала

замужъ за честнаго и благороднаго человѣка, снабдивъ ее всѣмъ нужнымъ для заведенія хозяйства. И старики подъ ея присмотромъ дожили спокойно вѣкъ свой, поручивъ дѣтей ея покровительству. Для мальчиковъ наняла умнаго дядьку и когда они подросли, записала ихъ въ корпусъ.

Почти всѣ роды благотвореній исполнила Александра Алексѣевна; одно еще не было извѣстно ей, это — страннопріимство; но нечаянный случай далъ ей возможность и здѣсь принести пользу.

Однажды княгиня, проживая въ деревняхъ своихъ по нѣкоторымъ дѣламъ, зимою уже возвращалась въ столицу; случилась въ это время сильная мятель, такъ что ямщикъ, потерявъ дорогу и долго изъѣздивъ взадъ и впередъ, до того измучилъ лошадей, что онѣ едва добѣжали до небольшой деревни, остановились подлѣ первой избы, увязнувъ въ сугробѣ нанесеннаго снѣгу. Морозъ былъ сильный; добрая Александра Алексѣевна не столько для себя, какъ для людей своихъ, желала погрѣться въ избѣ и напоить ихъ горячимъ чаемъ; для чего и послала спросить хозяевъ, пустятъ ли они ее къ

себѣ часа на два. Человѣкъ побѣжалъ на крыльцо, и въ ту самую минуту вышла изъ избы женщина.

— Ты, что ли, хозяйка? спросилъ онъ ее.

— Я, мой батюшка. Что угодно вашей милости?

— У насъ лошади стали: барыня хочетъ погрѣться у тебя въ избѣ.

— Очень бы рада, мой голубчикъ, да не можно.

— Какъ не можно?

— Да вотъ видишь, мой батюшка, — сегодня, какъ нарочно, очень много собралось у меня странниковъ, погода загнала; — такъ барынѣ-то твоей не будетъ спокойно, — избенка очень тѣсна.

— Ну, вотъ хороша же ты хозяйка! выгони всѣхъ на улицу, то и будетъ просторно! Барыня моя очень богата, она вѣрно заплатитъ тебѣ въ десятеро больше, нежели сколько дадутъ эти нищіе.

— Вѣстимо, батюшка, — и по кибиткѣ-то видно, что она знатная барыня....

— Ну, такъ пускаешь, что ли?

— Да вотъ что, — боюсь промѣнять на деньги царство небесное:...

— Что ты еще городишь?

— А то, мой сударикъ, что ужь если я изъ-за денегъ выгоню на морозъ нищую братію, то уже не куплю, а продамъ царство небесное... нѣтъ, оборони Господь!... Поди, постучись къ сосѣдкѣ; у нея изба не хуже моей, она баба добрая, авось пуститъ твою барыню. Прощай, голубчикъ. Съ этимъ словомъ старуха хлопнула дверью и ушла въ избу.

Человѣкъ махнулъ рукою въ знакъ негодованія и побѣжалъ къ сосѣдкѣ.

Въ это время Александра Алексѣевна, сидя въ своемъ возкѣ, слышала весь разговоръ, который заставилъ ее крѣпко призадуматься.

Человѣкъ, проворно возвратясь, вмѣстѣ съ кучеромъ принялись стегать лошадей и принудили ихъ подвинуть возокъ къ другой избѣ, изъ окна которой хозяйка кричала: милости просимъ къ намъ!

Тогда уже Александра Алексѣевна вошла въ избу привѣтливой сосѣдки, велѣла поставить дорожный самоваръ и расположилась от-

дохнуть и погрѣться, пока приведутъ свѣжихъ лошадей съ ближней станціи.

Между тѣмъ у нея все одно было на умѣ; разсужденіе старухи удивляли ее, и она желала распросить объ ней хорошенько, для чего пригласила хозяйку сѣсть поближе, чтобы напиться чаю вмѣстѣ, и начала съ нею разговоръ.

— Скажи, пожалуйста, — начала она: — добра или нѣтъ твоя сосѣдка, которая не пустила меня къ себѣ?

— Неужто не пустила тебя, сударыня? это что-то неладно.

— Какъ неладно, моя голубушка? Я сама слышала, что она не хотѣла принять меня.

— Съ нами сила крестная! что бы это значило? произнесла женщина, качая головою,— сосѣдка моя Лаврентьевна, принимаетъ не только васъ, господъ, но и самую нищую братію: она такая добрая, что подобной ей, я думаю, и между вашими немного.

Что же она сдѣлала такого добраго, моя голубушка?

— Да вотъ видишь, сударыня, она сама вдова горемышная, однакожь вскормила многихъ сиротъ трудами своими; да и такая жалостливая, что пущаетъ къ себѣ всякаго странника, напоитъ, накормитъ чѣмъ Богъ послалъ, обогрѣетъ въ морозъ, укроетъ отъ темной ночи и всякой непогоды, а иного, который разслабъ ногами или боленъ, оставитъ у себя дни на два, истопитъ баню, стараясь помочь бѣдняку этимъ русскимъ обычаемъ очень полезнымъ; да еще и снадобья дастъ, напоитъ на ночь мятой или звѣробойцемъ, и посмотришь — бѣдный человѣкъ, который притащился къ ней чуть живой, станетъ вдругъ краснымъ молодцемъ и пойдетъ себѣ въ путь съ крестнымъ знаменіемъ и молитвою за нее къ Богу. Какъ же послѣ этого она недобрая, да неласковая? грѣхъ сказать объ ней, что нибудь дурное, — Господь накажетъ.

— Откуда она?

— Здѣшняя, матушка, наша сестра, крестьянка; въ этой деревнѣ родилась и выросла, а теперь ужь и состарѣлась.

— Кто же ее наставилъ на такую добродѣтель?

— А вотъ видишь, сударыня, — она изъмала

приучена была ходить въ церковь въ ближнее село. Вотъ однажды, какъ разсказываетъ сама Лаврентьевна, священникъ въ томъ селѣ толковалъ прихожанамъ, какое великое дѣло — не отказать человѣку въ ночлегѣ, принять странника и успокоить его. Что, молъ, какой-то великій святой Авраамъ принялъ такимъ образомъ трехъ Ангеловъ въ домъ свой и что самъ Господь велѣлъ исполнять этотъ святой обычай. Вотъ съ той поры сосѣдка моя Лаврентьевна и стала принимать къ себѣ всякаго заѣзжаго человѣка и особливо пѣшехода и нищаго, и Господь ей помогаетъ. Не надивимся, откуда достаетъ она столько хлѣба, чтобы прокормить такое множество приходящихъ. Она давно уже это исполняетъ, слава ея разнеслась далеко, и посмотришь, осенью въ темныя ночи или зимою въ холодъ такъ ужь прямо и бредутъ къ ней странные люди.

— Она вѣрно изъ богатаго дома?

— Нѣтъ, сударыня, отецъ и мать ея были очень бѣдные люди, да и она вотъ ужь годовъ десятокъ, какъ овдовѣла и всегда была въ большой бѣдности, съ кучею ребятъ, ко-

торыхъ помогъ ей Богъ пристроить. Дочекъ повыдала замужъ, а сынки ходятъ на заработки и иногда помогаютъ ей. У нея же какъ-то все спорно идетъ, хлѣбца ли посѣетъ небольшую полоску, капусты ли посадитъ въ огородѣ, все у нея ростетъ и поспѣваетъ скорѣе и лучше, нежели у всѣхъ насъ; ясно, что самъ Господь помогаетъ ей за добрыя дѣла. Вѣдь и мы простые люди знаемъ, что призрѣть странника — великое дѣло.

Въ это время пришли доложить, что лошади готовы. Александра Алексѣевна, видя, что люди отогрѣлись горячимъ чаемъ, поблагодарила хозяйку и, щедро заплативъ ей за постой, завернула въ бумажку нѣсколько цѣлковыхъ и просила передать Лаврентьевнѣ на угощеніе ея странниковъ.

Само собою разумѣется, что это было добрымъ поступкомъ со стороны Александры Алексѣевны; но главное дѣло въ томъ, что такой случай открылъ ей новое поприще для благородной дѣятельности на пользу человѣчества.

Проживая въ богатомъ домѣ, имѣя множество привратниковъ и прислужниковъ, ей ни-

когда не случалось видѣть такъ называемаго странника или странницу; къ ней, разумѣется, не допускали такого рода людей, и приходили за милостынею только тѣ, которыхъ она сама приказывала принимать.— Теперь урокъ, данный Лаврентьевной, не выходилъ у нея изъ головы, и она всю дорогу составляла планы, какъ бы привести ихъ въ исполненіе. Но въ столицѣ, на Дворцовой набережной, въ пышномъ своемъ домѣ она не имѣла никакой возможности осуществить задушевныя свои мысли, тѣмъ болѣе, что она желала творить добро втайнѣ, опасаясь, какъ огня, тщеславія или гордости. Наконецъ она рѣшилась устроить странпріимный домъ въ одной изъ своихъ деревень; но кому поручить это трудное дѣло? Управители и старосты будутъ только брать хлѣбъ и прочее и не исполнять того, что должно. Боже мой, еслибы у меня была добрая Лаврентьевна! думала Александра Алексѣевна. Не разъ, даже ночью, эта мысль не давала ей покою: она бредила Лаврентьевной. Сколько разъ совѣтовалась она съ своимъ мужемъ! Онъ тоже сочувствовалъ ея предпріятію, но тоже говорилъ, что

всякій, кого бы пришлось опредѣлить къ этой должности, будетъ или нерадивъ, или станетъ обманывать; странники ничего не получать, а грѣхъ падетъ на этого человѣка; трудно найти вторую Лаврентьевну. Добрыя желанія такъ и оставались только желаніями нѣсколько времени. Но въ одно прекрасное утро, князь, который былъ очень неповоротливъ, вдругъ, какъ молоденькій, выскочилъ изъ своего кабинета и, прибѣжавъ въ комнату своей супруги, воскликнулъ: «Вотъ! посмотри, душа моя!» — Съ этими словами подалъ онъ ей № газетъ; «прочти сама эти строки.»— Удивленная неожиданнымъ проворствомъ князя, Александра Алексѣевна засмѣялась, не понимая, что бы могло быть такъ интереснаго въ полицейской газетѣ.

—Прочти, прочти скорѣе;—твердилъ князь.

Александра Алексѣевна прочла слѣдующее: Орловской губерніи, Трубчевскаго уѣзда, продается лѣсная дача; при ней 20 душъ крестьянъ, въ деревнѣ Калиновкѣ, недалеко отъ большой дороги. О чемъ узнать отъ самого помѣщика Г. Н. на Петербургской сторонѣ, въ домѣ подъ №. Прочитавъ эти

строки, княгиня въ свою очередь воскликнула дрожащимъ голосомъ отъ радости:

— Неужели это та самая деревня?

— Та самая душа моя! подтвердилъ князь, — вотъ какъ милостивъ къ тебѣ Богъ! Сію минуту ѣду на Петербургскую сторону, отыщу продавца, куплю деревню, чего бы она ни стоила, и подарю тебѣ ее вмѣстѣ съ Лаврентьевной. Довершай, ангелъ мой, свои подвиги.

Княгиня заплакала отъ удовольствія и любви къ своему мужу; она обняла его и сказала ему, что еще ни одинъ подарокъ его не былъ для нея такъ пріятенъ, какъ этотъ.

Черезъ нѣсколько часовъ князь возвратился съ планами и купчею на вновь пріобрѣтенное имѣніе. По отдаленности и небольшому числу душъ, за него просили очень недорого, не ожидая такого покупщика, который, я думаю, въ своемъ энтузіазмѣ не пожалѣлъ бы нѣсколькихъ тысячъ. Князь съ охотою заплатилъ продавцу и еще разцаловалъ его, какъ своего перваго пріятеля. Тотъ, видя такой восторгъ князя, пришелъ въ изумленіе и не могъ объяснить себѣ его восторженности.

Можно себѣ представить, какъ довольна была

княгиня, съ какимъ искреннимъ чувствомъ благодарила она своего добраго мужа. Теперь она еще болѣе прежняго принялась обдумывать это дѣло.

— Мнѣ кажется, душа моя, что Лаврентьевна поглотила всѣ твои мысли, — сказалъ однажды князь, когда остались они одни.

— Да, признаюсь, такъ бы и полетѣла туда, чтобы переговорить съ Лаврентьевной и устроить, какъ слѣдуетъ, домъ странопріимный.

— Вотъ видишь, другъ мой, теперь февраль; пройдетъ мартъ, апрѣль; наконецъ въ маѣ дорога просохнетъ, и мы съ тобою полетимъ въ новокупленное имѣніе. Не правда ли, что оно лучше всѣхъ нашихъ богатыхъ помѣстьевъ?

— О, конечно! ни объ одномъ я столько не думала; но три мѣсяца, — какъ это еще долго!

— Потерпи, душа моя, ты настоящій ребенокъ въ этомъ случаѣ.

— Признаюсь, это правда, другъ мой! Впрочемъ я постараюсь умѣрять свое нетерпѣніе, пользуясь временемъ, чтобы обдумать хорошенько и составить самый полезный и

удобный планъ для постройки дома и для устройства въ немъ порядка.

— Ты хочешь, душа моя, и домъ выстроить?

— Да, разумѣется, — въ самой деревнѣ Калиновкѣ. Я хочу изъ избы Лаврентьевны сдѣлать настоящую странпріимницу, то есть на этомъ мѣстѣ выстроить пространный домъ съ огромною кухней, гдѣ бы всегда кипѣли щи въ котлахъ и варилась каша день и ночь, такъ что когда бы ни пришелъ странникъ, во всякое время могъ бы отогрѣться горячею пищею. Поблизости я сдѣлаю и баню, для исполненія русскаго обычая очень полезнаго; найму нѣсколько поварихъ и поручу все завѣденіе доброй моей Лаврентьевнѣ, въ полной увѣренности, что съ ея врожденною добродѣтелію все пойдетъ, какъ нельзя лучше: странники какъ слѣдуетъ будутъ призрѣны, накормлены и даже вымыты въ банѣ. Я между тѣмъ отъ времени до времени буду посылать ей самую простую одежду, также чулки, сапоги и башмаки для того, чтобы Лаврентьевна снабжала этимъ самихъ

бѣдныхъ, оборванныхъ нищихъ. — Не правда ли, другъ мой, что это будетъ хорошо?

— Да, конечно; ты, какъ Ангелъ, посланный отъ Бога, пробудила и во мнѣ это блаженное чувство! Теперь вижу всю истину, сказанную великимъ нашимъ поэтомъ Державинымъ:

«Почувствовать добра пріятство,
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ!»—

Въ такомъ родѣ бывали разговоры князя съ княгинею и нетерпѣніе послѣдней успокоилось только тогда, когда она стала еще чаще посѣщать разныя богоугодныя заведенія, замѣчать ихъ устройство, распрашивать, составлять планы удобнѣйшаго расположенія во всѣхъ частяхъ. Такимъ образомъ нечувствительно прошли три мѣсяца, и цвѣтущій май встрѣтилъ Александру Алексѣевну въ ея новокупленномъ имѣніи.

Можно представить, съ какою радостью подъѣзжала она къ этой маленькой деревенькѣ, ничтожной, въ сравненіи съ другими ея усадьбами, украшенными садами, оранжереями и другими предметами удобства

и даже роскоши. Въ Калиновкѣ ничего такого не было; деревня въ десять дворовъ, среди лѣса, на берегу небольшой рѣчки; крестьяне чрезвычайно бѣдные, такъ что и остановиться такой важной госпожѣ было негдѣ! Почти всѣ избы отъ ветхости покривились на бокъ, крыльца подгнили и едва держались; въ окнахъ вмѣсто стеколъ была вставлена слюда, или даже и того не было, — отверстіе задвигалось толстою доскою, въ видѣ ставни; крестьяне малоземельные едва-едва доставали себѣ хлѣбъ насущный. Все это знала Александра Алексѣевна и однако чувствовала, что сердце ея отъ радости сильно забилось, когда она подъѣзжала къ Калиновкѣ! — Въѣхавъ въ деревню, она велѣла остановиться у крыльца домика той старухи, которая не пустила ее прошлаго года.

— А вотъ, — сказалъ сопровождавшій ее тотъ же человѣкъ, который и прежде былъ съ нею: — посмотримъ, что-то скажетъ теперь старая хричевка. Чай до смерти перепугается, когда узнаетъ, что не только она сама, да и вся ихъ деревушка принадлежитъ намъ!

Они подъѣхали къ развалившемуся крыльцу; вся деревня взволновалась; мужчины и женщины выбѣгали посмотрѣть на знатную карету, запряженную четвернею отличныхъ лошадей; кучеръ и лакей одѣты были великолѣпно. Ребятишки бѣжали со всѣхъ сторонъ и останавливались толпами вокругъ кареты. Но еще никто не зналъ, что пріѣхавшая госпожа была ихъ новая барыня. Александра Алексѣевна приказала вызвать Лаврентьевну, которая поспѣшно и съ низкими поклонами подошла къ опущенному окну кареты.

— Здравствуй, Лаврентьевна! пустишь ли ты меня къ себѣ? спросила княгиня.

— Изволь, матушка, съ удовольствіемъ. Странники теперь перемѣжились; видно весна: всѣ работаютъ по домамъ.

Александра Алексѣевна вышла изъ кареты и въ сопровожденіи Лаврентьевны вступила съ уваженіемъ въ то жилище, гдѣ обитала великая добродѣтель страннопріимства. Снаружи изба покривилась; но внутри все было хорошо: столъ и лавки чисто вымыты, печка выбѣлена, мѣдные оклады на образахъ вычи-

щены и блистали отъ теплющейся лампадки. Два мальчика тотчасъ встали, когда вошла незнакомая барыня, и низко поклонились. По всему видно было, что живутъ тутъ порядочные люди.

Осмотрѣвшись въ избѣ и поговоривши съ хозяйкой, Александра Алексѣевна принялась пить чай. Посадивъ съ собою Лаврентьевну, она вступила съ нею въ разговоръ и нашла въ ея отвѣтахъ столько здраваго ума, такія основательныя разсужденія, такія меткія замѣчанія, что точно было чего научиться у этой простой крестьянки.— Вотъ, думала княгиня, чтó значитъ наше воспитаніе, чтó все ученье предъ этой свѣтлой головой? Правда, что гдѣ природный умъ и любовь къ Богу и ближнему, тамъ уже все есть! Человѣкъ въ низкой долѣ возвышается самъ собою и безграмотный становится истиннымъ мудрецомъ!

Такъ разсуждала Александра Алексѣевна, сидя въ бѣдной хижинѣ и разговаривая съ простой крестьянкою. Но вдругъ эта бесѣда была прервана, множествомъ вошедшихъ въ избу крестьянъ, съ женами и дѣтьми и ни одинъ не пришелъ съ пустыми руками: кто

несъ на деревянномъ блюдечкѣ сотовый медъ, кто яицы, кто мѣшочокъ сухой малины, маку, или даже тащилъ живаго пѣтуха, жаренаго поросенка,—и всѣ съ низкими поклонами, обступивъ княгиню, просили принять свои усердные дары.

— Что это значитъ, мои любезные? зачѣмъ принесли вы мнѣ все это? спросила Александра Алексѣевна.

— Какъ же, матушка, ваше сіятельство! отвѣчалъ за всѣхъ староста, кланяясь въ поясъ: — теперь вѣдь ты наша барыня.

— Что это онъ говоритъ? вскрикнула Лаврентьевна.

— Встань, бабушка скорѣе, — шепталъ старшій внукъ, таща ее за рукавъ: — вѣдь эта барыня купила нашу деревню и теперь мы всѣ принадлежимъ ей.

— Ахти, мои батюшки! а мнѣ и не вдомекъ.... Ну, православные! прибавила она, обращаясь къ крестьянамъ,—благодарите Господа Бога: Онъ послалъ намъ своего Ангела небеснаго, — произнесла Лаврентьевна. Этакой доброй госпожи я еще и не видывала, а ка-

жись давно живу на свѣтѣ.... Петруша! Васька! закричала она своимъ внукамъ; — бѣгите скорѣй, приведите сюда овцу съ ягнятками, надо поклониться нашей голубушкѣ барынѣ, — авось приметъ она и наши дары: овцу отъ меня, а ягняточекъ отъ васъ.

— Хорошо, хорошо; я принимаю дары ваши, добрые люди, и благодарю за усердіе, сказала Александра Алексѣевна. Буду молить Господа, чтобы Онъ помогъ мнѣ беречь васъ, какъ дѣтей своихъ, и дѣлать все, что можно къ пользѣ вашей. Это будетъ всегдашнею моею молитвою съ тѣхъ поръ, какъ вы принадлежите мнѣ. Но какъ узнали вы, друзья мои, что я ваша госпожа?

— А пріѣхавшій-то съ тобою, наша матушка, молодой парень проговорился, что, дескать, вы мужички смотрите розиня ротъ на карету нашу, — вѣдь эта пріѣхавшая госпожа купила всѣхъ васъ и съ деревней вашей. Вотъ тутъ-то, матушка, мы и догадались и побѣжали по избамъ своимъ, чтобы не съ пустыми руками придти на поклонъ къ вашему сіятельству; примите, ваше благородіе, наши скудные дары и сочтите ихъ за большіе. Отъ

всего усердія принесли мы ихъ тебѣ, наша милостивая госпожа, барыня!

Познакомившись хорошо съ крестьянами и со средствами, какія можно было найти въ деревнѣ, благоразумная Александра Алексѣевна приступила къ дѣлу. Она начала съ того, что, переведя Лаврентьевну къ себѣ, съ ея внуками, наняла плотниковъ, приказала имъ сломать ея избу, съ принадлежащими къ ней ветхими постройками, и на мѣстѣ ея строить новый домъ въ одно жилье, спокойный и теплый, съ большою кухнею, чтобы открыть въ немъ страннопріимницу. Такимъ образомъ при неусыпномъ стараніи самой госпожи и щедрой платѣ работникамъ, строеніе это отдѣлывалось чрезвычайно скоро; въ самое короткое время оконченъ былъ довольно обширный очень прочно и хорошо построенный домъ, со всѣми удобствами; даже и баня устроена была поблизости. Александра Алексѣевна, пріискавъ надежныхъ людей, способныхъ содѣйствовать ея благородной цѣли, ввела свою любезную Лаврентьевну на жительство въ этотъ домъ съ правами главной надзирательницы. Съ помощію Божіей, выборъ Алексан-

дры Алексѣевны былъ оправданъ вполнѣ; Лаврентьевна, женщина умная отъ природы, съ дѣятельнымъ и твердымъ характеромъ, всею душею раздѣляла высокія чувства госпожи своей и усердно трудилась не для виду, чтобы получить какую нибудь награду, но съ полнымъ убѣжденіемъ, что служитъ доброму дѣлу.

Заведеніе Александры Алексѣевны процвѣтало. Самъ Господь благословлялъ доброе намѣреніе и труды, какъ учредительницы, такъ и ея помощницы. Еще при началѣ осени, до отъѣзда въ столицу князя и княгини, начали приходить странники, и доброй Александрѣ Алексѣевнѣ удалось самой видѣть, что уже многіе были укрыты отъ темной ночи, обогрѣты, накормлены и отпущены въ новыхъ кафтанахъ и сапогахъ, а женщины въ крѣпкихъ, чистенькихъ сарафанахъ и въ теплой обуви. Все это доставляло величайшее удовольствіе Александрѣ Алексѣевнѣ, всегда расположенной къ любви ближняго; но она, къ сожалѣнію, должна была оставить неизвѣстный, но пріятный для нея уголокъ, чтобы возвратиться въ столицу въ богатый домъ

свой. Впрочемъ и тамъ встрѣтятъ ее тѣ же бѣдные, и тамъ вихрь свѣтской жизни не закружитъ своими мелочами свѣтлый умъ этой благонамѣренной женщины; напротивъ, она и тамъ найдетъ пищу своей неутомимой дѣятельности. Благородная душа чуждается свѣтской суетности, а жаждетъ занятій и трудовъ полезныхъ для человѣчества.

— Неужели конецъ? воскликнули дѣти, когда Александръ Николаичъ, кончивъ чтеніе, остановился.

— Да, мои душеньки; а не правда ли, что тутъ было много хорошаго?

— Очень много; кажется, все бы слушалъ, — такъ прекрасно, такъ справедливо описала милая тетенька мою несравненную бабушку, — сказала Софья Ѳедоровна.

— Какъ бабушку? развѣ Александра Алексѣевна, эта чудная женщина — родня вамъ?— спросила Лиза.

— Очень близкая, душа моя.

— Стало быть и намъ нечужая! воскликнулъ Владиміръ.

— Да, друзья мои, эта истинно добродѣтельная женщина была мать отца Сонечки, моего двоюроднаго брата, потому-то и могла я такъ подробно описать нѣкоторые изъ ея великихъ подвиговъ. Не очень давно она скончалась и чистая, святая душа ея переселилась въ царство небесное, гдѣ ее ожидала вѣчная награда!

— Не правда ли, дѣти, что творить добро можетъ всякій, въ какомъ бы состояніи ни былъ? прибавила Прасковья Михайловна.

— Да, милая маменька! отвѣчали они оба, торопясь поцаловать ея ручки: — эти четыре повѣсти: Нищая, Милльонщикъ, Мальчикъ Сиротка и Княгиня доказали намъ это, какъ нельзя лучше!

— Но какъ вы счастливы, душенька мамаша, — прибавилъ Володя, — что видѣли и знали такихъ людей!

— А мы вдвое счастливѣе тѣмъ, сказала Варвара Михайловна, что изъ записокъ милой сестры имѣемъ понятіе объ ихъ полезной жизни.

— Точно, милая тетенька, и мы должны

просить Бога, чтобы Онъ помогъ хотя не много подражать имъ.

— Да, Лиза! а къ тому же еще у насъ есть и живой примѣръ передъ глазами милаго нашего братца, Мальчика-Сиротки, котораго такъ щедро наградилъ Богъ за его добрыя дѣла.

— Пожалуйста, не хвали меня, дружокъ мой, Володя! возразилъ скромный Александръ Николаичъ.— Не по моимъ заслугамъ, а по великой своей милости, послалъ мнѣ Господь величайшую награду на землѣ, такую добрую, милую жену и такихъ хорошихъ родныхъ, за что долженъ благодарить Бога всю жизнь, не забывая того, что̀ я былъ прежде и что̀ теперь!

— Все это очень весело было слушать, — сказала Лиза: — жаль только, что уже кончилось.

— Когда такъ нравятся вамъ подобныя чтенія, друзья мои, то и я не хочу оставаться въ долгу, — сказала Варвара Михайловна: — я могу прочитать вамъ еще двѣ небольшія повѣсти, которыя подтверждаютъ туже ис-

тину, что во всякомъ званіи можно дѣлать добро.

— Ахъ, какъ вы добры, милая тетенка! Прикажите же принести вашу тетрадку! вскрикнулъ Владиміръ, спрыгнувъ съ своего мѣста.

— Нѣтъ, дружокъ мой; на сегоднешній день довольно уже чтенія; мы скоро уже будемъ обѣдать, да кромѣ того, если прочтемъ сегодня все, то въ будущее воскресенье нечего будетъ читать.

— Да, милая тетенька; но ждать до воскресенья такъ еще долго!

— Будь терпѣливъ, Володя! знаешь, что при занятіяхъ время у насъ незамѣтно проходитъ; недѣля пролетитъ, какъ часъ, и дастъ Богъ, въ слѣдующее воскресенье прочтемъ и мои двѣ послѣднія повѣсти.

Послушныя дѣти покорились необходимости; занялись другимъ, занимали и гостей своихъ музыкою, танцами, повторяли разныя музыкальныя пьесы, шутили, смѣялись, и вечеръ прошелъ очень скоро.

Потомъ наступилъ понедѣльникъ; дѣти наши съ неослабѣвшею энергіею принялись за свои

обыкновенныя занятія, ученье и прочее, а при этомъ время быстро летитъ. И такъ день за днемъ прошла вся недѣля; наступило давно ожидаемое воскресенье. Дѣти пошли въ церковь и, возвратясь отъ обѣдни, разсказали, по обыкновенію, больной теткѣ текстъ читаннаго въ тотъ день Евангелія и Апостола.

Объясняя имъ смыслъ слышаннаго ими слова Божія о повиновеніи подчиненныхъ своимъ начальникамъ, Варвара Михайловна замѣтила имъ, что въ слѣдующихъ ея повѣстяхъ они найдутъ подробный разсказъ, содержаніемъ своимъ объясняющій слышанныя ими въ церкви Евангельскія истины, — и за тѣмъ приступила къ чтенію.

ГОРНИЧНАЯ ДѢВУШКА.

ГОРНИЧНАЯ ДѢВУШКА.

Было это не такъ давно да и не такъ далеко отъ насъ. Въ небогатой деревушкѣ жила старушка помѣщица; ея крестьяне принадлежали къ тому разряду честныхъ и трудолюбивыхъ людей, которые пòтомъ добываютъ пропитаніе для себя и своихъ господъ съ ихъ дворней. Впрочемъ крестьяне той деревни, о которой мы говоримъ, не могли жаловаться на свою судьбу. Старушка ихъ помѣщица была очень нетребовательная барыня, жила очень просто, безъ всякихъ затѣй; имѣла одну только прихоть, — держать пару хорошихъ лошадей и хорошаго кучера для того, чтобы каждое воскресенье ѣздить къ обѣдни въ ближнее село.

Чтобы наградить чѣмъ нибудь усердно служившаго ей человѣка, какимъ былъ Матвѣй кучеръ, добрая Марья Ивановна взяла къ себѣ въ горницу пятилѣтнюю его дочь, Аннушку, которая, лишась матери, оставалась безъ всякаго присмотра.

Малютка въ короткое время такъ привязалась къ своей ласковой барынѣ, что ни на шагъ не отходила отъ нея. Марьѣ Ивановнѣ тоже понравилась Аннушка, которая была для нея утѣшенiемъ и развлеченiемъ въ уединенной ея жизни. Каждое воскресенье брала она съ собою эту дѣвочку въ церковь, а въ простые дни учила ее читать и писать, также разнымъ рукодѣльямъ, которыя сама знала въ молодости.

Когда Аннушка подросла, Марья Ивановна стала прiучать ее къ хозяйству, показывала ей, какъ заготовлять въ прокъ всякiе припасы на зиму, солить огурцы грибы, варить варенье, дѣлать постилы и прочее.

Между тѣмъ, какъ Аннушка съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивалась и разцвѣтала, старушка быстрыми шагами приближалась къ гробу, съ каждымъ днемъ чувствуя упадокъ силъ.

Однажды Аннушка вошла въ дѣвичью, вся въ слезахъ.

— Что съ тобою сдѣлалось? спрашивали ее прислужницы.

— Ахъ, мои голубушки, какъ же мнѣ не плакать! добрая моя барыня очень перемѣнилась и ослабѣла; помните, какъ бывало ходила она со мною въ рощу за грибами и въ полѣ, гдѣ жнутъ, или на сѣнокосъ; помните, какъ весело мы при ней работали, потому что она всегда хорошо обходилась съ нами, позволяла намъ пѣть разныя пѣсни и не сердилась, когда мы не успѣемъ сгресть сѣно; вы знаете, какая она была добрая и трудолюбивая, успѣвала побывать на всѣхъ деревенскихъ работахъ; а нынѣшнее лѣто совсѣмъ не то: не знаю, что съ нею сдѣлалось, не могу вызвать ее прогуляться даже въ садикъ, который она такъ любитъ и гдѣ столько разцвѣло всякихъ цвѣтовъ. Бѣдная моя барыня все сидитъ на одномъ мѣстѣ и дремлетъ! право, мои голубушки, она нездорова; не могу придумать, чѣмъ бы развеселить ее.

— Знаешь ли что, Аннушка, — сказала одна изъ дѣвушекъ, — спросись у барыни и пойдемъ мы съ тобою въ лѣсъ; наберемъ малины и принесемъ ей, авось она примется по прежнему разбирать ягоды и заставитъ насъ съ тобою варить при себѣ варенье.

Какъ было сказано, такъ и сдѣлано: Аннушка выпросила позволеніе; съ проворной Машей мигомъ сбѣгали обѣ въ лѣсъ, набрали по цѣлому кузову самыхъ спѣлыхъ, крупныхъ ягодъ и явились передъ Марьей Ивановной; но она съ привѣтливой, какъ всегда, улыбкою только сказала:

—Спасибо, дѣвушки, отсыпте немного ягодъ мнѣ къ обѣду, а прочія скушайте сами.

— Ягоды очень хороши, Марья Ивановна, — сказала Аннушка: — не прикажете ли, я принесу въ садъ жаровню и тазикъ.

— Нѣтъ, дружокъ мой; я уже не могу этимъ заниматься, да и къ чему готовить на зиму, врядъ ли я дождусь конца и этого лѣта.

Услышавъ такія слова, Аннушка зарыдала.

— Не плачь, душа моя, — сказала очень спокойно Марья Ивановна: — я еще не умираю, но лѣта мои напоминаютъ мнѣ о гробѣ. Не плачь, а молись, будь добра; когда меня не будетъ, то Господь не оставитъ тебя, а Его помощь выше всякаго покровительства человѣческаго.

Но такія утѣшенія не могли успокоить Аннушку, которая видѣла, что госпожа ея съ каждымъ днемъ становилась слабѣе; наконецъ у старушки отнялись руки и ноги.

Аннушка неутомимо служила ей день и ночь; хотя и прочія дѣвушки усердны были къ своей доброй госпожѣ, которую всѣ любили, но Аннушку никто не могъ замѣнить у постели больной; она кормила и поила ее изъ собственныхъ рукъ; придумывала разныя кушанья, которыя прежде считались любимыми Марьи Ивановны; сама старалась, чтобы сдѣлать ихъ, какъ можно лучше, приносила къ ней и обливалась слезами, когда барыня ея едва прикасалась къ нимъ. Со всею осторожностію переворачивала она ее на постелѣ, старалась, чтобы покойнѣе было лежать страждущей старушкѣ, и никто не могъ такъ угодить больной, какъ ея воспитанница, которая высоко цѣнила благодѣянія Марьи Ива-

новны. Но всѣ заботы не могли возстановить силъ Марьи Ивановны, которая, какъ свѣча, угасала медленно и спокойно.

Марья Ивановна не забыла услугъ своей Аннушки: послѣ ея кончины найдена вольная на имя ея усердной прислужницы.— Но это не много утѣшило бѣдную дѣвушку въ невозвратной ея потерѣ; напротивъ, она сначала очень была озабочена, представивъ себѣ, что теперь уже должна избрать новую жизнь, отправляться въ городъ и приписаться къ какому нибудь сословію. Но дѣлать было нечего; въ деревнѣ покойной барыни ей нельзя было оставаться, къ тому же и родныхъ у нея тамъ никого не было; отецъ ее давно умеръ, и она послѣ покровительницы своей Марьи Ивановны осталась совершенною сиротой. Аннушка переѣхала въ ближній уѣздный городъ и приписалась въ мѣщанство.

Теперь она должна была подумать о средствахъ къ жизни и пріискать себѣ приличное мѣсто для занятій. Случилось, что въ этотъ городокъ пріѣхала какая-то госпожа и искала для себя горничной; Аннушка тотчасъ къ ней явилась и предложила свои услуги.

Маргарита Петровна Дубровская, молодая, довольно богатая барыня, убѣдившись изъ разговора съ Аннушкою, что она знаетъ свое дѣло, тотчасъ приняла ее къ себѣ.

Сначала все шло хорошо; барыня была довольна службою своей горничной. Но въ скоромъ времени дѣла приняли другой оборотъ. Своенравная Маргарита Петровна, избалованная мужемъ и деньгами, давала себѣ полную волю и часто сама не знала, чего желаетъ, потому и отъ Аннушки часто требовала именно того, за что въ другое время бранила ее. Бѣдная дѣвушка никакъ не могла угодить своей госпожѣ и терпѣливо переносила ея капризы, отказывая себѣ во многихъ невинныхъ удовольствіяхъ и привычкахъ. Но особенно тяжело было переносить для набожной Аннушки то, что она никогда не могла посѣщать богослуженія, къ чему такъ привыкла у прежней своей госпожи.

Однажды случилось, что Маргарита Петровна къ субботу вздумала сказать, что Аннушка можетъ идти, если хочетъ, въ обѣднѣ. Аннушка чрезвычайно обрадовалась этому; она могла успѣть сходить къ заутрени и къ

ранней обѣднѣ, а потомъ приготовить наряды своей барыни.

Такъ она и сдѣлала: еще до свѣту отправилась въ церковь, выслушала заутреню, дождалась ранней обѣдни и не пропустила этого случая, чтобы подать на проскомидію просфору и просить вынуть часть за упокой своей незабвенной старушки. Вспоминая счастливую свою прошлую жизнь у прежней госпожи, она горячо молилась и плакала такъ, что еще слезы блистали на глазахъ ея, когда уже служба кончилась. При выходѣ изъ церкви подошла къ ней маленькая дѣвочка въ оборванномъ платьи и, схвативъ ее за руку, сказала:

— Постой, добрая барыня, выслушай меня!

Эти слова незнакомой дѣвочки удивили Аннушку.

— Почему ты думаешь, что я добрая? — спросила она.

— Потому, что ты всю обѣдню молилась со слезами.

— Хорошо, что же тебѣ надобно, дружокъ мой? денегъ у меня нѣтъ, хотя ты и называешь меня барыней.

— Все равно, — барыня ты, или нѣтъ, но ты добрая и вѣрно пойдешь со мною.

— Куда?

— Недалеко, вотъ въ этотъ домъ, что черезъ улицу.

— Очень хорошо, пойдемъ; вѣдь я сама живу въ этомъ домѣ.

— Ты, сударыня, вѣрно живешь тамъ, на верху?

— Да.

— Ну, а мы внизу, въ подвалѣ; пойдемъ, моя голубушка, къ моей бабушкѣ; посмотри, какъ хворяетъ она, моя бѣдная старушка!

— Хорошо, веди меня къ ней.

И дѣвочка привела Аннушку въ темный чуланъ, подъ нижними сводами ихъ дома, гдѣ было сыро и холодно. Когда глаза свыклись съ темнотою, Аннушка увидѣла въ углу на соломѣ лежащую старуху, едва прикрытую лохмотьями.— Жалость проникла въ ея добрую душу. Она подошла ближе и больная едва слышнымъ голосомъ разсказала, что она уже около году лежитъ больная и что внучка ея, ходя по міру, кормитъ ихъ обѣихъ.

— Видишь, какая жалкая у меня бабушка;

помоги ей, мое солнышко! отыщи старенькой платочекъ прикрыть ее посинѣлыя отъ стужи руки и грудь, да хоть щепоточку чаю, промочить ей горлышко; бѣдная моя бабушка сегодня ничего еще не ѣла. Что вчера собрала я по міру, то злые мальчишки отняли у меня дорогою, и вотъ теперь пришлось умирать намъ съ нею отъ голода; скоро ли копѣечками наберу я столько, чтобы купить хлѣбца?. говорила дѣвочка, обливаясь слезами, а старушка, поднимая глаза къ небу, шептала молитвы.

Сострадательная Аннушка утѣшила ихъ ласковыми словами, обѣщая помочь, чѣмъ будетъ можно, и бѣгомъ пустилась по лѣстницѣ; ей пора уже было заняться приготовленіемъ нарядовъ своей барыни; а между тѣмъ она хотѣла поискать чего нибудь у себя для бѣдной старухи. Тутъ она не долго думала; единственный свой теплый капотъ и шерстяное одѣяло, оставленное ей еще покойной барынею, она проворно отнесла въ комнатку бѣдной и прикрыла ее; старушка перестала дрожать и отъ радости плакала, цалуя руки, которыя ее одѣвали. Кромѣ того Аннушка нашла еще возможность подѣлиться всѣми скуд-

ными своими достатками, которые получала за службу у своей госпожи: она приносила бѣдной больной и чай, который отпускался для нея, носила и часть своего обѣда, не жалѣла и своего платья, изъ котораго передѣлала для маленькой дѣвочки необходимое для прикрытія ея наготы и для защищенія отъ сильной стужи.

Однажды, когда барыня была въ хорошемъ расположеніи духа, рѣшилась она разсказать ей о бѣдной жилицѣ въ подвалѣ ихъ дома и просила помочь ей чѣмъ нибудь. Маргарита Петровна ужасно разсердилась, закричала, чтобы никогда не осмѣливалась представлять ей такихъ непріятныхъ картинъ, говорила, что всѣ эти нищія обманщицы, притворяются больными, и что напротивъ не только не слѣдуетъ помогать имъ, а должно отправлять въ полицію.— Съ тѣхъ поръ не смѣла Аннушка докладывать ни о комъ изъ бѣдныхъ и Маргарита Петровна сама лишила себя возможности сдѣлать добро ближнему.

Наступила зима; многіе помѣщики съ семьями своими переѣхали изъ деревень въ городъ; общество сдѣлалось многолюднѣе, начались

праздники, обѣды, вечера. Маргарита Петровна вошла въ кругъ своей любимой жизни; очертя голову она начала кружиться въ вихрѣ всевозможныхъ удовольствій. Вотъ тутъ уже настала для Аннушки настоящая бѣда; она была обременена пустою работою до того, что не имѣла времени пообѣдать; о снѣ и говорить нечего, — цѣлыя ночи проходили въ трудахъ. Что же выходило изъ этой неимовѣрной дѣятельности? увы! одни пустяки! она шила, разпорывала, сшивала снова разпоротыя платья, чтобы угодить своей взыскательной госпожѣ.

Въ одно утро Маргарита Петровна проснулась ранѣе обыкновеннаго и позвонила въ колокольчикъ такъ громко, что Аннушка, бросивъ все, стремглавъ кинулась въ спальню, думая, не занемогла ли госпожа ея

— Вчера забыла я тебѣ сказать, — начала Маргарита Петровна въ полу-снѣ, едва открывая глаза, — что я сегодня звана на обѣдъ къ городничему; у него жена имянинница. Приготовь мнѣ самое нарядное платье; а также скажи, чтобы никто не шумѣлъ, я хочу отдохнуть хорошенько.

Эти слова проговорила Маргарита Петровна зѣвая; потомъ перевернулась на другой бокъ и предалась сну, хотя время приближалось уже къ полудню. Получивъ такое приказаніе, всѣ замолкли, даже барынъ спѣшилъ уѣхать со двора, чтобы не застучать какъ нибудь; непробудная тишина водворилась во всемъ домѣ.

Между тѣмъ Аннушка готовила самый великолѣпный нарядъ для своей барыни, которая не ранѣе втораго часа вышла изъ своей спальни въ уборную, невеселая и сердитая, говоря, что эти несносные праздники не даютъ ей покою.— Раздраженная сѣла она къ зеркалу и, приказавъ причесывать себѣ волосы, занялась какимъ-то романомъ такъ усердно, что Аннушка давно кончила прическу, а Маргарита Петровна не трогалась съ мѣста, углубясь въ книгу самаго вздорнаго содержанія. Наконецъ дѣвушка рѣшилась выдти, чтобы принести платье; стукъ двери вывелъ изъ задумчивости Маргариту Петровну; она отъ книги повела глазами на зеркало и закричала: Аннушка! Аннушка! Что ты, на смѣхъ, что ли, причесала меня се-

годня? Посмотри, къ лицу ли мнѣ эти мелкія букли? переправь ихъ скорѣе.

Аннушка принялась снова за свою работу, которую нетерпѣливая Маргарита Петровна портила безпрестанно, то выдергивала прядку изъ косы, говоря, что она тянетъ, то распускала волосы длинными локонами, то приказывала ихъ заплести въ косички; такъ прошло болѣе часа. Наконецъ головной уборъ былъ конченъ. Но это было только какая нибудь десятая часть той работы, которую задавала Маргарита Петровна своей трудолюбивой прислужницѣ. Самая тяжелая работа начиналась съ приготовленія ея туалета; тутъ, кажется, не было въ мірѣ человѣка, который былъ бы въ состояніи удовлетворить ея взыскательному вкусу. Когда ей приходилось собраться куда нибудь на вечеръ, то для этого требовалось почти цѣлаго дня: она обыкновенно приказывала сперва приносить одно платье, надѣвала его, примѣривала, осматривала и кончала тѣмъ, что повторяла приказаніе принесть другое, съ которымъ обходилась точно также, какъ и съ первымъ съ тою только разницею, что еще съ большею злостію и гнѣвомъ сбрасывала

его, чтобы за тѣмъ приняться по порядку за всѣ остальныя платья для подобныхъ же испытаній. А между тѣмъ время быстро летѣло, приближался вечеръ; мужъ каждую минуту все заглядывалъ въ ея уборную комнату и спрашивалъ, готова ли она, — что окончательно приводило ее въ бѣшенство, разражавшееся бранью и упреками надъ головою бѣдной и невинной Аннушки. Но и Маргарита Петровна не оставалась безъ наказанія за свои капризы: ее наказывало общество за ея злой нравъ, который дѣлалъ ее смѣшною въ глазахъ знавшихъ ее людей. Вслѣдствіе своихъ капризовъ, теряя большую часть дня на наряды, она всегда являлась на пригласительные обѣды или на вечера тогда, когда другіе гости вставали уже изъ-за стола или отправлялись домой. Ея несвоевременное появленіе было непріятнымъ для хозяевъ, которые вслѣдствіе этого принимали ее равнодушно, а еще болѣе она этимъ обращала на себя вниманіе гостей, посматривавшихъ на нее съ удивленіемъ и даже съ насмѣшливою улыбкою.

Однако Маргариту Петровну ничто не

могло исправить: подобныя сцены повторялись почти каждый день. Разумѣется, они болѣе всего приводили Маргариту Петровну въ досаду, которую она могла выместить только на бѣдной Аннушкѣ. И обыкновенно, по возвращеніи Маргариты Петровны изъ гостей, въ ея домѣ былъ настоящій адъ: Аннушка все переносила великодушно, удвоивая прилежаніе свое къ работѣ и расторопность въ услуженіи, чтобы угодить барынѣ. Впрочемъ все было напрасно, — ей никто не могъ угодить: она сердилась безпрестанно на всѣхъ и на все; въ порывѣ гнѣва нерѣдко бросала на полъ дорогую чашку, часы или что нибудь другое, попавшееся ей подъ руку; сердилась на мужа и на самое себя, что часто случается съ тѣми ничтожными существами, которыя даютъ неразумную и необузданную волю своимъ прихотямъ и тѣмъ совершенно отравляютъ собственную жизнь свою.

Временемъ спокойствія и отдыха для Аннушки и всѣхъ домашнихъ были только тѣ часы, когда Маргарита Петровна ѣздила со двора. Пользуясь ея отсутствіемъ вся прислуга спѣшила бросить все и бѣжать въ гости.

Одна неутомимая Аннушка употребляла съ пользою это свободное время, исполняя свои добрыя дѣла: навѣщала больную старуху, утѣшала ее своей ласковою бесѣдою и очень часто помогала той изъ дѣвушекъ, которой слишкомъ много было задано работы.

Маргарита Петровна дѣйствительно иногда слишкомъ обременяла трудными работами свою прислугу и самовластно распоряжалась всѣми, строго взыскивая за неисправность въ выполненіи заданной работы. Хотя все ея хозяйство заключалось въ покупкѣ и приготовленіи себѣ новыхъ нарядовъ; однако она всегда находила достаточно, даже иногда слишкомъ много, занятій для своихъ прислужницъ, на рукахъ которыхъ была также и вся хозяйственная часть; потому что ни она сама, ни ея мужъ никогда не хотѣли заниматься устройствомъ домашнихъ дѣлъ. Мужъ ея, человѣкъ очень добрый, но недальновидный, до того избаловалъ жену свою, что и самъ принужденъ былъ удаляться изъ дому, чтобы гдѣ нибудь укрыться отъ невыносимыхъ ея капризовъ. Случаевъ убить время представлялось очень много: онъ обыкновенно отправлялся къ по-

мѣщикамъ, жившимъ въ сосѣднихъ деревняхъ, проводилъ у нихъ вечера, ѣздилъ съ ними на охоту; а главное игралъ въ карты.

Но удовольствія, которымъ предавался Иванъ Гаврилычъ, мужъ Маргариты Петровны, послужили поводомъ къ его погибели. Однажды за картами онъ грубо поступилъ съ однимъ изъ играющихъ, былъ вызванъ на дуэль и раненъ пулею въ лѣвый бокъ такъ тяжело, что когда на носилкахъ принесли его домой, онъ только успѣлъ сказать женѣ, что проигралъ большую сумму денегъ и что завтра же все у нея отнимутъ; съ этимъ словомъ онъ умеръ. Карточные кредиторы не замедлили явиться съ своими векселями; все было описано, домъ проданъ въ скоромъ времени и привыкшая къ роскоши Маргарита Петровна оставалась въ крайней нищетѣ. Люди, принадлежащіе ея мужу, рады были случаю, спасшему ихъ отъ такой злой барыни; одна неизмѣнная Аннушка, которую она болѣе всѣхъ мучила, осталась съ нею. Эта добродѣтельная дѣвушка не была злопамятна; Маргарита Петровна, убитая горемъ, возбуждала въ ней сожалѣніе и участіе, и она сдѣлалась

единственною ея покровительницей. При скромной и умѣренной жизни молодая дѣвушка собрала нѣсколько денегъ, которыя получала какъ награду за свои труды. На эти-то деньги, заработанныя тяжкими трудами, она купила старую кибитку и, нанявъ лошадей, перевезла свою барыню въ тотъ городъ, по близости котораго жила она прежде съ своей покойною барыней. Тамъ была у ней крестная дочь, выданная замужъ за небогатаго мѣщанина; къ ней-то привезла она Маргариту Петровну собственно для того, что оставаться въ прежнемъ городѣ, гдѣ всѣ ее знали, было для ней слишкомъ тяжело. Нанявъ двѣ маленькія комнатки у своей крестницы, Аннушка поселилась тамъ съ своею госпожею и принялась работать еще съ большимъ стараніемъ, нежели прежде, чтобы имѣть возможность содержать Маргариту Петровну. Только при этихъ крайнихъ обстоятельствахъ Маргарита Петровна поняла всю доброту и великодушіе Аннушки и, припоминая прежнее съ нею обхожденіе, раскаявалась въ своихъ дурныхъ поступкахъ. При всѣхъ своихъ заботахъ и хлопотахъ о Маргаритѣ Петровнѣ,

Аннушка не сдѣлалась равнодушною и къ прежней прокровительствуемой сю старушкѣ. Собираясь переѣхать въ другой городъ, она день и ночь думала, какъ и на кого оставить бѣдную больную съ ея малолѣтнею внучкою.

Перемѣна обстоятельствъ вывела ее изъ затруднительнаго положенія: за недѣлю до ихъ отъѣзда старушка кончила свое страдальческое существованіе, а внучку ея по просьбѣ Аннушки взяла на воспитаніе одна богатая и добрая купчиха.

Извѣстно, что несчастіе есть самый лучшій учитель для людей, которые не умѣютъ вести себя порядочно и живутъ въ мірѣ, какъ неразумныя дѣти, требуя отъ жизни однихъ только забавъ и удовольствій, и сердятся, если судьба отказываетъ имъ въ наслажденіяхъ, пока наконецъ горькій опытъ не убѣдитъ ихъ что земля не рай, люди—не Ангелы, и жизнь — не забава. Капризная, какъ дитя, Маргарита Петровна испытала уже нѣсколько темную сторону жизни, покорилась своей судьбѣ и присмирѣла до того, что стала называть Аннушку своимъ другомъ и благодѣтельницею.

Имѣя предъ глазами рѣдкій примѣръ самоотверженія и трудолюбія, Маргарита Петровна начала раздѣлять тяжкіе труды своей доброй Аннушки, и такимъ образомъ кое-какъ жили онѣ въ этой небольшой конуркѣ, гдѣ, разумѣется, для привыкшей къ роскоши Маргариты Петровны, сначала казалось очень тѣсно и душно; единственный диванъ, гдѣ она сидѣла и спала, не имѣлъ ни эластическихъ пружинъ, ни мягкихъ подушекъ, а былъ чрезвычайно жестокъ. Къ довершенію же безпокойства хозяйки было много ребятъ, которые кричали и бѣгали съ самаго ранняго утра. Все это принуждена была переносить Маргарита Петровна, не имѣвшая прежде никакого терпѣнія при малѣйшемъ безпокойствѣ. Искать другую квартиру было ей невозможно, потому что и за эту едва могла выплачивать Аннушка.

Около году прожили онѣ въ этомъ трудномъ положеніи и Маргарита Петровна совершенно переродилась.

Вскорѣ послѣ своего несчастія вспомнила она, что у нея есть дядя, который служилъ въ Сибири; она послала къ нему письмо, въ которомъ извѣщала его о своемъ горькомъ

положеніи; письмо ея достигло своего назначенія.

Дядя, родной братъ ея матери, былъ человѣкъ очень добрый: получивъ такое горестное извѣстіе, онъ тотчасъ взялъ отпускъ, поѣхалъ самъ отыскивать свою племянницу и не могъ удержаться отъ слезъ, увидя ее въ такомъ бѣдственномъ состояніи. Богатыя средства дали ему возможность скоро поправить печальныя обстоятельства Маргариты Петровны, и онъ вмѣстѣ съ Аннушкою, которую не зналъ какъ благодарить за попеченіе о его племянницѣ, перевезъ ихъ въ свое Тамбовское имѣніе, гдѣ могли онѣ жить на всемъ готовомъ.

Переѣхавъ туда, Маргарита Петровна, съ согласія дяди, поручила Аннушкѣ полное управленіе этимъ имѣніемъ, гдѣ находился господскій домъ съ садомъ и обширными бочками самыхъ лучшихъ арбузовъ; не говоря уже о поляхъ всякаго хлѣба, простирающихся на нѣсколько верстъ въ ея распоряженіи были всѣ хозяйственныя заведенія со скотнымъ и птичьимъ дворами. Но такъ какъ за отсутствіемъ хозяина не было никакого присмотра, то и приходило все въ упадокъ.

Благоразумная Аннушка принялась со всѣмъ

усердіемъ за хозяйство тѣмъ болѣе, что заботы ея о Маргаритѣ Петровнѣ теперь прекратились; она жила въ полномъ довольствѣ; дядя оставилъ и потомъ присылалъ столько денегъ, что ихъ было достаточно не только Аннушкѣ, но и самой Маргаритѣ Петровнѣ, которую несчастіе такъ проучило, что она рада была имѣть самую простую дешевую одежду, позабывъ всѣ прихоти роскоши: она пришла наконецъ къ тому убѣжденію, что не въ этихъ пустякахъ заключается счастіе жизни, но именно въ спокойной совѣсти и умѣньи быть довольнымъ своимъ состояніемъ.

Урокъ, который дала ей несчастная судьба, былъ такъ силенъ, что совершенно измѣнилъ взглядъ ея на вещи; вмѣсто прежней праздной жизни, она предалась теперь трудолюбію и стала помогать Аннушкѣ въ ея хозяйственныхъ распоряженіяхъ; начала читать хорошія нравственныя и духовныя книги; принялась за рукодѣлье и не только не тяготилась своею жизнію, какъ бывало прежде, но еще ей казалось, что время слишкомъ быстро летитъ.

Между тѣмъ Аннушка, несмотря на свои трудныя и многосложныя занятія по управ-

ленію очень большимъ имѣніемъ, никакъ не хотѣла оставить прежней своей должности горничной при Маргаритѣ Петровнѣ; разумѣется, должность горничной не была теперь такъ трудна, какъ прежде, потому что Маргарита Петровна вела теперь правильный образъ жизни, вставала рано и одѣвалась проворно. Но присутствіе Аннушки за утреннимъ чаемъ ея госпожи было потому необходимо и полезно, что тутъ происходили у нихъ разныя совѣщанія насчетъ улучшеній по хозяйству; скромная дѣвушка никогда ничего не предпринимала, не сказавъ о томъ своей барынѣ.

Въ одну изъ такихъ бесѣдъ Аннушка объявила своей барынѣ, что она отыскала въ сараѣ порядочную коляску, велѣла ее осмотрѣть и нашла очень крѣпкою и совершенно исправною; лошадей на конюшнѣ у дядюшки было много и кучеръ старикъ зналъ свое дѣло, поэтому Аннушка предложила Маргаритѣ Петровнѣ съѣздить къ обѣднѣ въ ближнее село.

Маргарита Петровна съ удовольствіемъ приняла предложеніе Аннушки и на слѣдующій же день вмѣстѣ съ нею отправилась въ церковь къ заутрени.

Хотя по деревнямъ священники начинаютъ служить очень рано, однако онѣ не опоздали и пріѣхали къ самому началу. Простаго народу въ церкви было уже очень много, а къ обѣднѣ стали собираться и господа помѣщики съ женами и дѣтьми. Случилось такъ, что Маргарита Петровна, именно стала на то мѣсто въ церкви, которое обыкновенно занимали тамошнія помѣщицы и потому неожиданно очутилась въ срединѣ всего дамскаго общества. Разсматриваніе новыхъ лицъ невольно развлекло Маргариту Петровну, непривыкшую, подобно Аннушкѣ, забывать обо всемъ въ храмѣ Божіемъ, а думать только объ одной молитвѣ. Напротивъ, видя вокругъ себя множество разноцвѣтныхъ модныхъ шляпокъ, мантилій, бурнусовъ, со вкусомъ и безъ вкуса сдѣланныхъ и надѣтыхъ на головы и плечи деревенскихъ щеголихъ, она съ любопытствомъ и насмѣшливой улыбкой стала разсматривать и примѣчать не только странное смѣшеніе цвѣтовъ, но даже выкройки платьевъ. Разумѣется, такія пустыя мысли до того заняли слабодушную Маргариту Петровну, что

вниманіе къ Божественной службѣ совершенно исчезло.

Но взглянувъ нечаянно на свое черное и не изъ тонкаго сукна сдѣланное платье, она вдругъ почувствовала угрызеніе совѣсти и, желая какъ можно скорѣе отбросить отъ себя это минутное увлеченіе, она спѣшила взглянуть на Аннушку, которая въ самомъ отдаленномъ углу, на колѣняхъ, такъ усердно молилась, что слезы блистали на ея рѣсницахъ; видно было, что ея никто и ничто не развлекаетъ, что вся душа ея занята молитвою. Одинъ взглядъ, брошенный на свою удивительную прислужницу, обратилъ Маргариту Петровну къ ея настоящей жизни, припомнивъ всѣ ея несчастія и пробудивъ совѣсть, оживилъ въ ней чувство благодарности къ Богу за настоящее ея спокойное существованіе. Маргарита Петровна съ раскаяніемъ въ душѣ стала прислушиваться къ Божественнымъ словамъ, произносимымъ священникомъ; чувство умиленія наполнило ея душу; слезы грядомъ покатились изъ глазъ и она почувствовала такое утѣшеніе, какого давно не испытывала.

Послѣ обѣдни священникъ пригласилъ къ себѣ на чашку чаю многихъ изъ дамъ и именно тѣхъ, которыя были не такъ модно одѣты, — въ томъ числѣ и Маргариту Петровну. Въ домѣ священника она познакомилась съ нѣкоторыми помѣщицами и убѣдилась изъ ихъ разговора, что онѣ, несмотря на то, что далеко отстали отъ моды и даже безъ всякаго вкуса были одѣты, не были такъ несносны и глупы, какъ она воображала, а напротивъ были очень привѣтливы, разсудительны и ласковы, и отъ всей души просили ее не оставить ихъ своимъ знакомствомъ и дружбою.

Маргарита Петровна, побывавъ въ гостяхъ какъ у старомодныхъ помѣщицъ, такъ и у тѣхъ, которыя со всей утонченностію слѣдовали модѣ, убѣдилась, что не все то золото, что блеститъ, и что можно быть умной и доброй, не имѣя на головѣ модной шляпки и на плечахъ мантильи, которая точно бы приходилась къ цвѣту платья и была сшита по послѣдней модѣ. Это убѣжденіе утвердило Маргариту Петровну въ ея нравственной полезной жизни и склонило ее на сторону тѣхъ ея

сосѣдокъ, которыя не увлекались внѣшностію, а стремились къ нравственному совершенству. Маргарита Петровна сблизилась съ ними, изрѣдка посѣщала ихъ и раза три въ годъ приглашала къ себѣ. Посѣщенія сосѣдокъ открывали обширное поприще для дѣятельности Аннушки; она угощала ихъ, чѣмъ могла, и притомъ съ такимъ радушіемъ, что всѣ оставались довольны распоряженіями умной дѣвушки.

Замѣтимъ, что Аннушка отличалась распорядительностію не при гостяхъ только, но и безъ нихъ. Всѣ, находившіеся подъ управленіемъ ея, были чрезвычайно довольны своею судьбою. Умная Аннушка умѣла вести такой отличный порядокъ, такъ хорошо понимала способности и наклонности каждаго, что много помогала облегченію трудовъ работающихъ крестьянъ. При небольшихъ издержкахъ она могла такъ умно распоряжаться, что всегда удовлетворяла желанію каждаго. Мудрая ея экономія приводила въ изумленіе весьма многихъ.

Опишемъ хотя одинъ день ея занятій. Первые лучи солнца едва начинаютъ освѣщать

верхніе слои воздуха; не только люди, но и природа, кажется, еще не проснулась, — Аннушка уже соскочила съ своей постели, проворно умылась и стоитъ на колѣняхъ передъ иконою съ самой пламенной молитвой; она благодаритъ Господа, что сохранилъ ее въ прошедшую ночь, проситъ Его всесильной помощи на всѣ начинаемыя сю дѣла въ этотъ день. Потомъ, не думая ни объ чаѣ, ни объ завтракѣ, накинувъ на плечи какой нибудь старый салопъ, спѣшитъ она навѣстить больныхъ, какіе есть въ деревнѣ, подать имъ возможную помощь домашними средствами, утѣшить печальныхъ ласковыми словами. Исполнивъ эту первую обязанность, часто возвращается она домой, измоченная дождемъ или проникнутая холодомъ утренняго мороза. Тутъ обыкновенно встрѣчаетъ ее Даша, дѣвочка около десяти лѣтъ, сиротка, которую Маргарита Петровна ввѣрила присмотру Аннушки и упросила, чтобы пріучила ее къ занятіямъ горничной. Эта дѣвочка была предметомъ особенныхъ попеченій Аннушки и вполнѣ сочувствовала положенію и занятіямъ своей благодѣтельницы.

Первымъ вопросомъ Даши бывало освѣдомленіе, кого посѣщала Аннушка въ это утро, какъ нашла она тѣхъ, у кого была, и какія средства нужно предпринять, чтобы помочь горю страждущихъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Это было предметомъ длинныхъ и самыхъ откровенныхъ разговоровъ, изъ которыхъ маленькая дѣвочка училась многому, а Аннушка успѣвала обдумывать свои планы касательно помощи покровительствуемыхъ ею людей. Послѣ этого разговора Аннушка отправлялась опять на деревню, чтобы посѣтить тѣхъ, у кого еще не успѣла побывать, и зайти также къ тѣмъ, которымъ могла уже оказать нѣкоторую помощь. Все это впрочемъ дѣлалось весьма скоро. Возвратившись домой, Аннушка переодѣвалась, если дождь промочилъ ея платье, и ожидала пробужденія Маргариты Петровны, чтобы помочь ей одѣться.

По окончаніи же непродолжительнаго туалета Маргариты Петровны и разговоровъ съ нею за утреннимъ чаемъ, неутомимая Аннушка очень часто садилась въ телѣжку и отправлялась по другимъ деревнямъ навѣщать больныхъ и несчастныхъ всякаго рода. И потому, гдѣ только показывалась телѣжка Аннушки, большіе и маленькіе спѣшили къ ней на встрѣчу; казалось, ей сопровождало постоянное утѣшеніе, — больные позабывали свое страданіе, печальные — скорбь, бѣдные — недостатки, — въ томъ жилищѣ, передъ которымъ останавливалась эта телѣжка и привѣтливая, веселая Аннушка являлась въ дверяхъ, какъ Ангелъ утѣшитель.

Такъ проходили дни съ самаго ранняго утра до поздней ночи; благодѣянія Аннушки лились рѣкою. Для этого ей не надобны были тысячи, потому что одна чаша холодной воды, поданная во имя Христово жаждущему, одно слово состраданія къ несчастному, одно посѣщеніе больнаго, одинъ кусокъ хлѣба, данный отъ доброй души голодному, считаются великимъ благодѣяніемъ этими несчастными людьми.

Между тѣмъ время проходило. Дядя Маргариты Петровны, кончивъ службу свою за Ураломъ, вышелъ въ отставку и по своему обѣщанію пріѣхалъ на покой въ свое имѣніе съ женою и дѣтьми. Тутъ, какъ необыкновенное сокровище, представилъ онъ Аннушку

женѣ своей, которая, какъ очень умная и добрая женщина, рада была такой находкѣ и вскорѣ собственнымъ опытомъ удостовѣрилась въ необыкновенныхъ качествахъ этой дѣвушки.

Сначала многія изъ сосѣдокъ старались переманить къ себѣ Аннушку; давали ей въ двое больше жалованья, обѣщали награждать подарками; но возвышенность чувствъ не допустила ее поддаться такому соблазну; она считала большимъ недостаткомъ переходить съ одного мѣста на другое даже и тогда, когда ей было невыносимо тяжело; въ теперешнемъ же ея спокойномъ положеніи, гдѣ ею такъ дорожили и кому обязана она была благодарностію не столько за себя, какъ за Маргариту Петровну, она не могла поступить несправедливо, потому рѣшительно объявила всѣмъ, что ни за какія блага не оставитъ домъ своего благодѣтеля и желаетъ служить его семейству до конца дней своихъ. Она такъ и сдѣлала, продолжая заниматься по хозяйству съ прежнимъ неутомимымъ усердіемъ, прожила еще много лѣтъ, какъ истинная христіанка, и окончила жизнь свою въ глубокой старости и была оплакиваема всѣми, кто только зналъ эту необыкновенную дѣвушку.

Такъ, совершивъ подвиги свои здѣсь, переселилась она туда, гдѣ приготовила себѣ воздаяніе, и конечно наслаждается теперь вѣчною радостію безконечной жизни!

КРЕСТЬЯНИНЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ветхая крестьянская изба, наклонившаяся уже на бокъ, стояла среди пустыря въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ небольшой деревеньки. Въ этой хижинѣ жило очень бѣдное семейство; крестьянинъ Климъ, съ своей матерью, дряхлой уже старушкой, и тремя малолѣтными дѣтьми: старшему сыну, Васѣ, недавно исполнилось 12 лѣтъ; меньшимъ сестрамъ его, Аксютѣ и Грунѣ, какъ называли ихъ попросту по деревенски, одной было шесть, а другой четыре года. Матери у нихъ не было, она умерла вскорѣ послѣ рожденія меньшой дочери.

Вася былъ единственнымъ помощникомъ отца, который своими трудами содержалъ все семейство.

Наступила зима, снѣгъ лежалъ на поляхъ густымъ слоемъ; лѣсъ и кустарники были покрыты инеемъ; утренняя заря еще румянила востокъ своимъ алымъ цвѣтомъ, — картина зимней природы была восхитительна!

Какой это хорошенькій мальчикъ бѣжитъ такъ проворно по дорогѣ, въ широкомъ полушубкѣ, какъ бы сшитомъ не по его дѣтскимъ плечамъ? На головѣ у него старая изорванная шапка, изъ подъ которой выбившіеся, длинные кудрявые волосы развѣваются отъ вѣтра; онъ, кажется, не чувствуетъ холода, хотя морозъ очень сильный и снѣгъ хруститъ подъ его ногами; весело продолжаетъ онъ путь свой среди сосноваго бору и очень спѣшитъ куда-то по проселочной дорогѣ.

Вотъ онъ миновалъ перелѣсокъ, вышелъ на открытое мѣсто; вѣтеръ крутитъ и завиваетъ его мягкіе волосы; морозъ рисуетъ отблескъ утренней зари на его пріятномъ, миловидномъ лицѣ; ему не болѣе, какъ десять, или двѣнадцать лѣтъ, — это Вася! Когда вышелъ онъ изъ-за лѣсу, раздался благовѣстъ; продолжительный гулъ наполнилъ окрестности;

Вася, снявъ шапку, перекрестился, почти бѣгомъ побѣжалъ къ селу и скоро взошелъ на крыльцо деревяной церкви.— Вотъ куда спѣшилъ онъ; этотъ день былъ воскресный; въ селѣ уже начиналась заутреня.

Православные начали собираться; Вася первый вошелъ въ церковь и съ такимъ усердіемъ началъ молиться, что ничто его не могло развлечь; народъ толпился; многіе, проходя мимо, толкали его съ мѣста; однако онъ продолжалъ молиться, въ это время вся душа его тутъ! Хотя не всѣ слова его молитвы были понятны для него, однако видно было, что молитва одушевляла его такимъ пламеннымъ чувствомъ къ Богу, которое отрываетъ человѣка отъ помысловъ земныхъ и устремляетъ всѣ его мысли къ Богу.

Служба кончилась. Мальчикъ тою же дорогою, но съ новыми силами души и тѣла спѣшитъ обратно. Среди перелѣска встрѣтился ему нищій, старикъ, въ оборванномъ кафтанишкѣ; онъ дрожалъ весь отъ стужи и, опираясь на клюку, едва передвигалъ ноги.

— «Подайте Христа ради!» произнесъ нищій.

Вася остановился.

— Нечего мнѣ дать тебѣ, дѣдушка! сказалъ добрый мальчикъ: — а какъ ты озябъ сердечненькой, весь трясешься!

— Да, голубчикъ, кажется, и душа-то во мнѣ вся окоченѣла; видишь, какой лютый морозъ, а кафтанишка-то у меня въ лохмотьяхъ.

— Постой, дѣдушка, я тебя пригрѣю, вотъ надѣнь мою шубейку, — сказалъ Вася, проворно стащивъ свой полушубокъ и надѣвъ его на старика, у котораго при этомъ покатились слезы.

— Ангелъ ты Божій! сказалъ онъ: — да какъ же ты безъ шубы-то останешься? вѣдь озябнешь.

— Ничего, дѣдушка; я скоро бѣгаю и оттого тотчасъ согрѣюсь; видишь, какъ моя шуба тебѣ въ пору; хорошо, что еще не успѣлъ перешить этотъ полушубокъ на свой ростъ. Иди съ Богомъ своей дорогою, дѣдушка, и мнѣ надобно спѣшить домой.

Вася пустился во всю прыть и мигомъ исчезъ изъ глазъ изумленнаго старика, который началъ класть земные поклоны, усердно молясь Богу сохранить и помиловать его благодѣтеля. Шубка Васи отогрѣла старика и онъ съ радостью въ душѣ побрелъ своею дорогою. Вася, возвратясь домой, проворно влѣзъ на палати и, прижавшись въ уголъ, сталъ отогрѣваться. Одна бабушка видѣла, какъ онъ вбѣжалъ въ избу.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ отецъ.

— Матушка! сказалъ онъ старухѣ: — не знаешь ли ты, гдѣ Васюкъ нашъ?

— А вотъ онъ недавно прибѣжалъ и влѣзъ на палати; кажись, перезябъ, мое дитятко!

— То-то перезябъ! а гдѣ былъ? сказалъ отецъ сердито: — сегодня не пришелъ помочь мнѣ молотить хлѣбъ... Васька! закричалъ онъ: — поди сюда! — Мальчикъ слѣзъ съ палатей и подошелъ къ отцу.

— Гдѣ ты былъ? говори сейчасъ!

— Виноватъ, тятинька, сегодня воскресенье....

— Ну, чтожь, не гулять ли вздумалъ до разсвѣту?

— Климушка! сказала старуха: — не брани его; онъ вѣрно сбѣгалъ къ заутрени и обѣдни.

— Да, да, а меня старика одного оставилъ работать, — это неладно....

— Ладно, Климушка, ладно! повторила старуха: — въ воскресный день нужно помолиться Господу Богу. Я вотъ старая, не могу дойти до села, боюсь замерзнуть въ сугробѣ снѣга; а тебѣ, сыночекъ, некогда, пусть же хоть Вася за насъ молится.

— Ну, пусть такъ; чтоже ты молчишь? говори, гдѣ былъ?

— Въ церкви, тятя.

— Хорошо, покрайней мѣрѣ не баклуши билъ на улицѣ. Поди же теперь, запряги лошадь и поѣзжай за остальными снопами; вотъ ужь будетъ и вся скирда, а намолочено-то очень немного... Охти! какъ-то дотянемъ до весны.

— Поможетъ Богъ, Климушка, не кручинься; много зимъ прошло, а мы еще не умирали съ голода, — проговорила старуха, и вдругъ изо всѣхъ силъ пустилась въ сѣни.

— Куда ты, матушка?

— Да мальчишка-то, въ одномъ кафтанишкѣ побѣжалъ запрягать лошадь; не знаю, гдѣ его полушубокъ.

— Вѣроятно, позабылъ взять шубу, за то ему же хуже, — впередъ будетъ умнѣе; не

надобно, матушка, баловать мальчишекъ; пожалуй, выростетъ дуракомъ ни на что неспособнымъ.

— Пусть такъ, Климушка; а вотъ хоть бы мой кафтанъ надѣлъ парнишка. И заботливая бабушка, закричавъ внуку въ окно, чтобы взялъ одежу потеплѣе, бросила ему балахонъ свой, а сама въ одномъ сарафанѣ подошла къ печи, гдѣ приготовляла скудный обѣдъ на всю семью.

Вася не скоро возвратился со снопами; выѣхавъ въ поле, встрѣтилъ онъ тогоже нищаго, который, очень медленно подвигаясь, шелъ въ ихъ деревню.

— Здравствуй, дѣдушка, сказалъ Вася: — ты все еще не добрелъ до теплой печи?

— Не добрелъ, мой другъ: — видишь, ноги-то худо служатъ, снѣгъ глубокъ и очень тяжко идти; спасибо, что пригрѣлъ меня своею шубейкою, а то бы я замерзъ гдѣ нибудь въ лѣсу; видишь, какая стужа!

— Знаешь что, дѣдушка, — садись ко мнѣ на дровни, я тебѣ подвезу.

— Да ты, батюшка, на встрѣчу мнѣ ѣдешь, стало быть не по дорогѣ.

— Нужды нѣтъ, — версты двѣ только я отъѣхалъ: садись скорѣе, я ворочусь, впущу тебя въ ворота, а тамъ ты отогрѣешься у кого нибудь въ избѣ.

Старикъ сѣлъ; проворный мальчикъ привезъ его въ деревню, спустилъ съ дровней и, обернувъ лошадь, отправился за снопами, наложилъ ихъ и привезъ на гумно къ отцу; однако какъ ни старался Вася сдѣлать все это поспѣшно, лошадь его не могла бѣжать скоро на морозѣ; за медленность Вася снова получилъ выговоръ отъ отца. Но онъ сдѣлалъ еще одно доброе дѣло, и оттого былъ такъ веселъ и добръ, что Климъ не могъ долго бранить его; проворный мальчикъ мигомъ насадилъ снопы на ригу и обдѣлалъ все, что нужно было; отецъ даже похвалилъ его за исправность.

Между тѣмъ бабушка разослала уже скатерть на столѣ, нарѣзала ломти хлѣба, положила деревянныя ложки, позаботилась даже и о томъ, чтобы умыть и одѣть почище своихъ маленькихъ внучекъ и съ ними вмѣстѣ ожидала Клима и Васю.

Какъ скоро они вошли, старуха поставила

щи на столъ; вся семья сѣла за свою небогатую трапезу; послѣ обѣда всѣ помолились Богу, и такъ какъ это былъ воскресный день, то никто не принимался за работу. Бабушка полѣзла на палати, чтобы послѣ трудовъ всхрапнуть часочка два. Дѣвочки, по прыгавъ немножко, усѣлись на широкой лавкѣ и стали разбирать свои тряпочки. Вася, присоединясь къ нимъ, стругалъ ножемъ лучинки и дѣлалъ изъ нихъ разныя фигурки.

Одинъ Климъ остался на прежнемъ мѣстѣ и, облокотясь на столъ, погрузился въ глубокую думу.— Потомъ, посмотрѣвъ на дѣтей, покачалъ головою и сказалъ:

— Вишь, какая мелюзга, — да еще двѣ дѣвочки.... подростутъ, потребуютъ приданаго,—а гдѣ мнѣ взять? Силъ моихъ не хватаетъ, а матери-то нѣтъ у бѣдныхъ сиротъ..... Охти мнѣ, горемышному!

Съ этимъ словомъ, желая конечно сномъ прогнать свою заботушку, Климъ свернулъ комкомъ свой кафтанъ, положилъ его въ уголъ вмѣсто изголовья и легъ на лавку отдыхать.

Вдругъ кто-то постучалъ въ окно и жалобный голосъ: «подайте, батюшки, Христа

ради!» послышался на улицѣ. Вася первый, оставя свои лучинки, бросился къ столу и началъ выдвигать ящикъ, чтобы поискать корочку хлѣба.

— Хорошо, мое дитятко, хорошо! говорила бабушка. Вотъ тамъ осталась краюшка, подай ее старичку; — нищенькаго не надобно отпускать безъ помощи, хотя бы она была и самая незначительная; вѣдь онъ проситъ именемъ Христовымъ.

Вася, доставъ краюшку хлѣба, подалъ ее нищему.

— Ахъ ты, мой кормилецъ, желанный ты мой! сказалъ старикъ подъ окномъ: — вотъ опять ты же первый изъ всей деревни подалъ мнѣ старику, — награди тебя Господь Богъ! А ужь шубейка-то твоя такъ меня согрѣла, что и благодарить тебя не знаю какъ, солнышко ты мое красное....

— Какъ! вскрикнулъ отецъ вставая: — что это такое? говори, Васюкъ, куда дѣвалъ ты свою шубу?

Вася потупилъ глаза въ землю и молчалъ.

— Тятя, — сказала Аксюта, смотря въ окно: — шубейка Васина на нищемъ.

— Ахъ ты, дурень! что ты это вздумалъ раздавать шубы нищимъ? развѣ ты не знаешь, что мы сами нищіе? закричалъ разсердившійся отецъ и раза два дернулъ Васю за волосы.

— Не тронь его, Климушка, — отозвалась старуха: — Богъ не оставитъ и насъ за его добрую душу; онъ молится и подаетъ нищимъ, а этимъ заслуживаетъ для себя и для всей семьи нашей благословеніе Божіе. Ты убѣдишься, сынъ мой, что за Богомъ молитва не пропадаетъ.

— Все это сущая правда; однако другаго полушубка мнѣ негдѣ взять для него; пусть же мерзнетъ теперь, — самъ виноватъ.

— Прости его, Климушка, — впередъ онъ этого не сдѣлаетъ; видишь, доброе сердечко не вытерпѣло: бѣдный старикъ, видно, очень зазябъ. Ну, Господь съ нимъ! онъ помолится за Васю, а Богъ всегда слышитъ молитвы убогихъ и невидимо покажетъ свою милость и намъ за нашего добраго парнишку.

Отецъ успокоился и простилъ Васѣ его поступокъ.

— Знаешь ли что, матушка, — сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія: — сегодня воскресный день; сестра Акулина просила меня прид-

ти къ ней въ гости вмѣстѣ съ тобою и ребятишками; видишь, сегодня у нихъ праздникъ въ деревнѣ; пойдемте къ ней, возьмемъ и дѣвчонокъ съ собою, а Васюкъ пусть сидитъ дома, онъ провинился сегодня, да и дома-то надобно же кому нибудь остаться.

— Хорошо, Климушка, — пойдемъ къ моей Акулинушкѣ; ей и праздникъ не въ праздникъ, если насъ не будетъ; видишь, еще не привыкла, мое сердечушко, къ новой семьи, — все къ намъ жмется.

Климъ съ матерью и, дочками своими отправился къ сестрѣ; многіе изъ ихъ деревни отправились тоже на праздникъ.

Вася остался дома и какъ трудолюбивый мальчикъ, не любилъ сидѣть склавши руки; но принялся плесть лапти, натаскавъ лыка въ избу. Нѣсколько паръ было уже у него сдѣлано; онъ продавалъ эту крестьянскую обувь по копѣйкѣ и по грошу за пару. Вася, отдавая вырученные за свои труды гроши бабушкѣ, удѣлялъ изъ нихъ иногда и на свѣчку въ церковь и подавалъ копѣечку нищему.

Вотъ теперь, сидя одинъ, онъ старательно

отдѣлывалъ другую дюжину, громко распѣвая разныя пѣсни.

Вдругъ кто-то подъѣхалъ къ избѣ и раздался незнакомый голосъ: «пусти меня, другъ мой, въ избу обогрѣться.»

Вася подбѣжалъ къ окну и увидѣлъ у крыльца сани, запряженные тройкою, и баринъ, закутанный въ шубѣ и съ мѣховой шапкою на головѣ, повторилъ ему тѣже слова.

— Милости просимъ! отвѣчалъ Вася и, выбѣжавъ на улицу, повторилъ: — милости просимъ, у насъ въ избѣ уютно и тепло.

— Только жаль, что изба-то твоя покривилась, какъ бы не повалилась совсѣмъ.

Вася посмотрѣлъ на свою избу, будто ему неизвѣстно было, что она вросла однимъ бокомъ въ землю, и потомъ, стряхнувъ свои кудрявые волосы, махнулъ рукою.

— О, нѣтъ, — сказалъ онъ: — она стоитъ такъ очень давно, съ того времени, когда меня еще на свѣтѣ не было, а вишь, не падаетъ; авось простоитъ и до моей сѣдой бороды!

Остроумный отвѣтъ Васи понравился проѣзжему.

— Такъ пустишь меня погрѣться?—началъ упрашивать проѣзжій молодаго парня.

— Изволь, мой кормилецъ, — отвѣчалъ гостепріимный Вася.

Баринъ вылѣзъ изъ саней и пошелъ за нимъ на крыльцо. Пріятная теплота, послѣ трескучаго мороза, еще болѣе развеселила путника, и онъ съ усмѣшкою спросилъ Васю, зачѣмъ загородилъ онъ дорогу свернутымъ лыкомъ и цѣлою кипою готовыхъ лаптей. Мальчикъ спѣшилъ убрать свое рукодѣлье.

— Ты, видно, плетешь лапти? спросилъ баринъ.

— Да, батюшка; плету лаптики и продаю ихъ.

— А на что же тебѣ деньги?

— Какъ же, баринъ! отецъ мой очень бѣденъ, матери у меня нѣтъ, семья наша большая, такъ надобно же промышлять чѣмъ нибудь.

— Разумѣется, нельзя же сидѣть сложа руки.

— Я и не сижу никогда безъ дѣла; видишь, добрый баринъ, я старшій изъ ребятъ, такъ вѣдь мнѣ надобно помогать отцу, который кормитъ насъ троихъ малолѣтнихъ, да еще старушку бабушку.

— А гдѣ же всѣ они? вѣдь ты одинъ здѣсь? спросилъ баринъ.

— Да вотъ видишь, тятя съ бабушкой и сестрами пошли къ теткѣ Акулинѣ; у нихъ праздникъ въ деревнѣ.

— Почему же ты не пошелъ съ ними?

— Да отецъ не велѣлъ.

— А ты всегда слушаешься отца?

— Еще бы не слушаться его, да за это убьетъ Господь Богъ!

— Правду ты говоришь; видно, ты преумный мальчикъ; а какъ зовутъ тебя?

— Васькой, добрый баринъ.

— Почемъ же, Вася, продаешь ты лапти?

— Да по копѣйкѣ и по грошу за пару, которая потоньше случится.

— Сколько же ты наплелъ паръ?

— Да, чай, дюжины двѣ наберется.

— Сколько же получишь ты денегъ за всѣ?

— Этого я не считалъ; да и гдѣ же мнѣ продать всѣ вдругъ: мужички покупаютъ по одной парѣ.

— Однако сколько же тебѣ слѣдуетъ денегъ за обѣ дюжины?

— А вотъ, баринъ, постой! надобно сосчитать. Если за 20 паръ по копѣйкѣ, то придется 20 копѣекъ, да за четыре пары, изъ тонкаго льна, по грошу, будетъ восемь копѣекъ.

— Сколько же за всѣ?

— Кажись, 28 копѣекъ.

— Точно такъ, Вася; и ты продашь ихъ всѣ?

— Съ радостію продамъ.

— Хорошо, принеси же мнѣ всѣ, пересчитай хорошенько, — я куплю у тебя....

— Всѣ?

— Да, — всѣ, сколько есть у тебя готовыхъ.

Вася притащилъ цѣлую кипу лаптей, связанныхъ ремешкомъ. Баринъ вынулъ изъ кошелька четвертакъ и отдалъ его Васѣ.

— Нѣтъ, мой кормилецъ, это не ладно! ты считаешь на серебро, а я прошу 28 копѣекъ мѣдью; грѣшно брать лишнее съ покупщика.

— А если я тебѣ даю серебромъ, стало

быть это моя добрая воля; возьми деньги и отдай мнѣ свои лапти.

Вася стоялъ нѣсколько минутъ въ раздумьи; наконецъ рѣшился принять отъ барина деньги, выразивъ ему за это искреннюю благодарность.

Купленные лапти баринъ приказалъ Васѣ оставить у себя и на предупредительность его служить чѣмъ нибудь отвѣчалъ просьбой согрѣть воды къ чаю. Вася съ усердіемъ принялся исполнять желаніе господина: отыскалъ чистую кастрюлю, развелъ въ печкѣ огонь и вскипятилъ воду.

Между тѣмъ кучеръ, въѣхавъ на дворъ, вытащилъ изъ саней дорожный погребецъ, принесъ его въ избу и баринъ принялся приготовлять все нужное къ чаю; Вася при этомъ оказалъ большую услугу барину въ его приготовленіяхъ, — онъ досталъ ему отличныхъ сливокъ. Садясь за чай, баринъ пригласилъ и Васю откушать вмѣстѣ съ нимъ; но добрый Вася всегда заботился не столько о себѣ, сколько о своихъ родныхъ, и потому, принявъ предложеніе барина, онъ тутъ вспомнилъ и о своей бабушкѣ, которую такъ любилъ и ко-

торая не имѣла напиться чего нибудь горячаго. Баринъ понялъ привязанность молодаго парнишки къ своей бабушкѣ и его желаніе доставить ей какое нибудь удовольствіе, и потому подѣлился съ нимъ тѣмъ, что было у него подъ руками.

Вася съ чувствомъ сердечной благодарности принялъ подарокъ барина и ободренный его ласковымъ обхожденіемъ высказалъ свое участіе къ нему и къ его кучеру, который до сихъ поръ сидѣлъ на морозѣ голодный. Умный мальчикъ позвалъ голоднаго кучера въ комнату и досыта накормилъ его горячими щами.

Между тѣмъ и лошади довольно уже отдохнули и готовы были къ дальнѣйшему пути. Нашимъ путешественникамъ пора уже было подумать собираться въ дорогу, — и вотъ засуетились они въ поспѣшныхъ сборахъ: кучеръ началъ приготовлять лошадей, а баринъ занялся укладкою въ погребецъ чашекъ и прочаго: при этомъ Вася не оставался равнодушнымъ зрителемъ, — и онъ принималъ участіе, сколько могъ, въ переноскѣ разныхъ вещей изъ комнаты на сани; не забылъ онъ и

проданныхъ барину лаптей, и давай таскать ихъ туда же, въ сани.

Проѣзжій, увидя это, разхохотался; онъ и забылъ уже о своей покупкѣ.

— Возьми ихъ назадъ, сказалъ онъ Васѣ.

— Да вѣдь ты купилъ ихъ, добрый господинъ?

— Они мнѣ не нужны; въ Питерѣ въ лаптяхъ не ходятъ.

Вася на минуту задумался; онъ не могъ объяснить себѣ, отчего же въ самомъ дѣлѣ въ Питерѣ не носятъ лаптей, которые такъ хороши, такъ дешевы и удобны для ходьбы. Подумавши немного, Вася рѣшился возвратить барину деньги, которыя получилъ отъ него за лапти.

Баринъ, разумѣется, денегъ не принялъ и объявилъ Васѣ, что онъ желаетъ подарить ему ихъ, какъ награду за труды и прилежаніе. Кромѣ того, баринъ заплатилъ ему за постой, за сливки, которыми Вася угощалъ его кучера, — за все это баринъ положилъ въ руку Васи около двухъ рублей мелкимъ серебромъ. Уже бойкая тройка вихремъ понеслась вдоль деревни, а Вася долго еще смотрѣлъ вслѣдъ

скрившихся саней, прислушиваясь къ ослабѣвающему звуку колокольчиковъ; наконецъ тихими шагами онъ пошелъ въ избу и только тамъ объяснилъ онъ себѣ, какое счастіе послалъ ему Богъ! Такъ много денегъ, да еще и серебряныхъ, не только не имѣлъ онъ отъ роду, но даже и не видалъ ни у кого! Его радость все болѣе и болѣе увеличивалась въ душѣ его; но онъ тотчасъ вспомнилъ, отъ кого все хорошое происходитъ. Проворно зажегъ восковую свѣчу передъ образами и началъ класть земные поклоны, благодаря Бога за Его великую милость.

Въ эту минуту вбѣжали обѣ дѣвочки въ избу, и бабушка, слѣдуя за ними, наклонясь и охая, съ трудомъ переносила ногу черезъ высокій порогъ.

— Посмотрика, бабушка! закричала Аксюта: — у образовъ теплится свѣчка!

— А Васюкъ нашъ молится Богу! прибавила Груня.

— Охъ ты, мое дитятко! Изволь подумать, у него все молитва на умѣ, кажись и праздника завтра нѣтъ никакого.

— Да у меня, бабушка, большой праздникъ, — сказалъ Вася, спрыгнувъ на лавку, чтобъ задуть свѣчку: — посмотри, каковъ я богачъ!...

Вася осторожно началъ развязывать узелъ изношеннаго платка, надѣтаго у него на шеѣ.

— Хорошо, мое солнышко, видно удалось продать парочку лаптей....

— Какое парочку? я всѣ ихъ продалъ, бабушка! вскрикнулъ Вася: — и деньги взялъ, и лапотки-то у меня остались; я буду продавать ихъ снова!

— Что ты это говоришь, мое дитятко? не могу въ толкъ взять: коли продалъ, то какъ же они могутъ быть у тебя? это что-то не ладно!

Между тѣмъ Вася развязалъ узелъ и бабушка вытаращила глаза, увидѣвъ столько серебра у своего внука.

— Господи! съ нами сила крестная! да гдѣ же ты это взялъ? — говори скорѣе, — меня страхъ беретъ!...

— Постой, бабушка, еще не знаю, съ чего начать, — отвѣчалъ мальчикъ; глаза его сверкали отъ радости и самъ онъ не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ. Наконецъ, путаясь и

сбиваясь, разсказалъ онъ бабушкѣ, какъ все это происходило.

— Ну, слава тебѣ Господи! добромъ нажилъ ты эти денежки, мое дитятко; дай Богъ здоровье и путь-дороженьку счастливую доброму господину!

— А посмотри-ка, что еще далъ мнѣ баринъ, — сказалъ Вася, выдвигая ящикъ въ столѣ; онъ вытащилъ бумагу, въ которой былъ завернутъ сахаръ и бѣлый хлѣбъ. — Это онъ, мой сударикъ, оставилъ тебѣ, бабушка, и велѣлъ хорошенько тебя поподчивать.

— Ахти, мои батюшки! ужь и до меня, старухи, дошли его милости.,..

Въ это время дверь отворилась и отецъ вошелъ въ избу.

— Посмотри, Климушка, мой голубчикъ! начала старушка торжественнымъ тономъ: — посмотри, какъ скоро сбылись слова мои, что за Богомъ молитва не пропадаетъ! Взгляни-ка, что Господь послалъ нашему Васинькѣ. Видишь, сыночекъ мой, не худо сходить къ обѣднѣ въ Христовъ день и подать нищенькому; все это угодно Господу Богу! Не мѣшай же впередъ, Климушка, ходить въ цер-

ковь доброму парнишкѣ нашему; видишь, онъ не работалъ въ святой воскресный день и отдалъ послѣднюю шубинку нищему, а вотъ Господь и не оставилъ его своею милостію и воротилъ ему все съ лихвою!

Климъ былъ тронутъ до глубины сердца, погладилъ по головѣ сына и сказалъ:

— Да, да, Вася! и впередъ молись Богу, мое дитятко; сколько у тебя денегъ, и они всѣ твои; ты досталъ ихъ трудами и молитвою; береги ихъ у себя, и если хочешь, то хватитъ ихъ и на то, чтобы купить тебѣ новый полушубокъ, получше прежняго, изорваннаго, запачканнаго дегтемъ.

— Нѣтъ, батюшка, сказалъ Вася: — лучше вотъ что мы сдѣлаемъ: вчера бабушка жаловалась, что у насъ уже очень мало соли, и капустка-то, теперь не уродилась; такъ возьми, тятя, мои деньги и купи на нихъ, что намъ всѣмъ нужно; а я и безъ шубы пробьюсь эту зиму; буду проворнѣе бѣгать и работать усерднѣе, такъ и стужа не проберетъ меня. Возьми, батюшка; завтра торговый день въ нашемъ городѣ; поѣдемъ-ка мы съ тобою и привеземъ бабушкѣ капустки да соли; а то

вѣдь всѣмъ намъ плохо придется, если бабушкѣ не изъ чего будетъ сварить щи и нечѣмъ посолить ихъ.

— Правду ты говоришь, дитятко мое ненаглядное! разумная твоя головушка; пусть твои денежки кормятъ всѣхъ насъ; за такую твою добродѣтель Господь сохранитъ тебя и помилуетъ на утѣшеніе всѣмъ намъ, сказала бабушка.

Желаніе Васи исполнилось: запасъ капусты и соли куплены были на Васины деньги; а онъ, оставаясь безъ шубы, казался еще бодрѣе, еще довольнѣе своей судьбою. Можно сказать, что этотъ мальчикъ, удвоивая прилежаніе свое къ работѣ, трудился за десятерыхъ; — въ рукахъ его всякая работа, какъ говорится, кипѣла. Конечно, и Богъ помогалъ доброму мальчику, который теперь съ позволенія отца уже ни одного воскресенья, ни праздника не пропускалъ, чтобы не сбѣгать къ заутрени и къ обѣднѣ.

Вскорѣ священникъ сталъ замѣчать, что изъ всѣхъ его прихожанъ самый усердный былъ мальчикъ Вася, что онъ всегда первый приходилъ въ церковь и послѣдній выходилъ изъ ней.

Онъ обратилъ вниманіе на Васю, и однажды, когда въ церкви никого не было, добрый священникъ подозвалъ къ себѣ усерднаго мольщика Васю, погладилъ его по головѣ и спросилъ его, чей онъ сынъ.

— Климовъ, батюшка, изъ деревни Липовки.

— Кажется, отецъ твой живетъ на пустырѣ, на краю деревни, и очень бѣдный?

— Да, батюшка, его и называютъ всѣ бѣднымъ Климомъ; онъ вѣдь одинъ работаетъ на всю нашу семью.

— А ты развѣ не помогаешь ему?

— Какъ не помогать! да я еще не доросъ и не могу такъ работать, какъ большіе парни.

— Кто же научилъ тебя ходить въ церковь?

— Никто, батюшка! мнѣ самому всегда хочется побывать у заутрени и обѣдни.

— Это доброе дѣло; всегда старайся посѣщать храмъ Божій; знаешь ли ты какія молитвы?

— Знаю, батюшка; бабушка меня выучила нѣкоторымъ молитвамъ.

— Какъ же ты молишься?

— А такъ, кладу земные поклоны, и на душѣ-то такъ весело, когда читаютъ и поютъ въ церкви, а смотрѣть-то, на святыя иконы, передъ которыми теплются свѣчи, такъ радостно, что даже прошибаютъ слезы; точно какъ бы стоишь въ раю Божіемъ, — не вышелъ бы, кажись, оттуда.

— Ты не умѣешь читать?

— Нѣтъ, батюшка; гдѣ намъ бѣднымъ людямъ знать грамоту?

— А хотѣлъ бы учиться?

— О, какъ не хотѣть самому разбирать написанное во святыхъ книгахъ,— это вѣдь такое великое счастіе!

— Да, правда твоя, добрый мальчикъ! кажется, тебя зовутъ Васильемъ?

— Точно такъ, батюшка.

— Знаешь ли что, Вася, по воскресеньямъ, послѣ обѣдни заходи ко мнѣ, я буду учить тебя читать и писать.

При этомъ обѣщаніи Вася такъ обрадовался, что упалъ священнику въ ноги, хваталъ и цаловалъ его рясу.

— Пойдемъ же ко мнѣ, я тебѣ дамъ азбуку и покажу первыя буквы, а ты возьми

книжку съ собой и въ будущее воскресенье скажи мнѣ, что выучилъ.

Вася не помнилъ себя отъ радости; добрый священникъ объяснилъ ему значеніе буквъ и видя, съ какимъ усердіемъ и вниманіемъ старается онъ понять урокъ, убѣдился что ученикъ его скоро пойдетъ впередъ.

Послѣ перваго урока Вася бѣжалъ домой, ногъ подъ собою не слыша; весь перелѣсокъ наполнился эхомъ громкихъ его восклицаній: азъ! буки! вѣди! глаголь! — казалось, всѣ деревья твердили азбуку! Наконецъ прибѣжалъ онъ домой и въ восторгѣ кинулся обнимать бабушку, не находя словъ разсказать ей о томъ счастіи, что началъ учиться грамотѣ. Старушка и теперь долго не могла понять, что̀ разсказываетъ ей ея внучекъ, и только тогда, когда уже показалъ онъ ей книжку, данную священникомъ, и началъ повторять: азъ, буки, вѣди, она перекрестясь сказала: — Слава Богу! мое дитятко, ты видишь, какъ Господь-то все ведетъ тебя къ хорошему. Учись, мое солнышко, учись, будешь знать святыя молитвы, а вѣдь онѣ ведутъ въ царство небесное!

Отецъ Васи, Климъ, очень неглупый мужикъ, чрезвычайно былъ доволенъ этимъ, и въ первое воскресенье самъ пошелъ къ заутрени съ Васей, а послѣ зашелъ къ священнику и благодарилъ его за такое великое благодѣяніе, оказанное имъ его сыну.

Вася отлично зналъ свой урокъ; усердіе его къ ученію не только не охлаждалось, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивалось: не было мѣста, не было такого часа и занятія, когда бы онъ не повторялъ мысленно заданный ему урокъ; вездѣ и всегда въ головѣ Васи переработывались и развивались тѣ мысли, которыя внушилъ ему его наставникъ.

Можно себѣ представить, какая была радость для бабушки и отца, когда черезъ нѣсколько времени Вася получилъ въ награду отъ священника небольшую книжку утреннихъ и вечернихъ молитвъ, и хотя еще тихо, но могъ читать ихъ старикамъ своимъ; они оба плакали отъ умиленія.

Такимъ образомъ далѣе и далѣе Вася началъ бѣгло и внятно читать всякую книгу; вскорѣ выучился онъ и писать; наконецъ

прослылъ онъ такимъ грамотѣемъ во всей деревнѣ, что для многихъ замѣнялъ руководителя и наставника въ дѣлахъ, гдѣ требовалось знаніе грамоты. За его услуги поселяне этой деревни положили давать ему нѣкоторое вспомоществованіе изъ домашнихъ запасовъ: муки, картофеля, капусты, кто что имѣлъ и въ чемъ нуждалось семейство Васи.

Между тѣмъ, Вася достигъ совершеннолѣтія, сдѣлался крѣпокъ и силенъ; эти силы онъ употреблялъ на добрыя дѣла. Окончивъ какъ запашку, такъ и уборку хлѣба и сѣна съ отцемъ своимъ, онъ имѣлъ еще время помогать другимъ, къ чему влекло его доброе сердце.

Однажды, въ лѣтнюю пору, Вася, проходя на пустошь, гдѣ паслись его лошади, увидѣлъ крестьянина изъ чужой деревни, который почти безъ чувствъ лежалъ на бороздѣ. Вася тотчасъ подошелъ къ нему и спросилъ, что съ нимъ сдѣлалось.

— Охъ, братъ, мнѣ очень тяжело. Отъ солнца, что ли, не знаю, такъ голову разломило, что я упалъ, какъ мертвый — и вотъ едва опомнился, какъ ты подошелъ ко мнѣ; а

все еще не могу встать, голова кружится и ноги подкашиваются.

Вася побѣжалъ къ ближнему ручью, принесъ воды въ шапкѣ и, напоивъ больнаго, облилъ ему голову, — это его освѣжило; онъ пробовалъ встать, но силъ не было: ноги у него тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

— Полежи, авось тебѣ лучше будетъ, — сказалъ Вася.

— И радъ бы лежать, братъ, да не можно; видишь, я еще не допахалъ полосы... и бѣда, если придетъ староста: онъ у насъ такой сердитый.....

— За полосою дѣло не станетъ; отдохни лучше, можетъ быть и поправишься.

Послѣ этихъ словъ Вася взялся за соху, направилъ лошадь, какъ слѣдовало, и началъ пахать.

— Вотъ, братъ, спасибо! Ай да удружилъ, любезный; награди тебя самъ Господь, Царь Небесный, — говорилъ больной.

Вася пахалъ да пахалъ со всѣмъ усердіемъ, сколько у него стало молодыхъ силъ; онъ очень скоро исправилъ все неконченное, и еще лучше самого хозяина. Потомъ, обернувъ

соху острымъ концемъ вверхъ, вывелъ лошадь на дорогу, пустилъ ее свободно и она сама отправилась домой; самъ же онъ, приподнявъ больнаго, осторожно повелъ его въ деревню и, втащивъ на крыльцо въ его избу, положилъ на лавку, напоилъ холодной водою и, отдавъ на руки женѣ, пошелъ обратно черезъ поле, куда ему слѣдовало.

Разумѣется, на это онъ потерялъ много времени и ему не только отдохнуть въ полуденный часъ, но даже и пообѣдать не удалось.

Многіе изъ крестьянъ очень часто видали проворнаго Васю, какъ онъ сѣялъ рожь на чужой полосѣ, помогалъ метать сѣно, складывать снопы въ скирду тому, кому нужна была помощь.

Трудолюбіе Васи вошло въ пословицу; если скажутъ о комъ нибудь, что онъ проворенъ, какъ Вася, то это уже значило самаго исправнаго работника. Вся деревня любила Васю; многіе изъ благодарности желали и старались сами помогать ему. Оттого Климу, отцу Васи, не нужно было варить пива, чтобы сбирать толоку; мужички и бабы сами приходили помогать ему въ уборкѣ хлѣба и сѣна; ни за

какія деньги не могъ бы онъ достать себѣ такихъ усердныхъ работниковъ, какихъ пріобрѣталъ сынъ его своей готовностію помогать всякому. Добрыя дѣла и въ крестьянскомъ быту не пропадаютъ даромъ: эти простыя души могутъ чувствовать благодарность не менѣе ученыхъ и просвѣщенныхъ людей, потому что для благородныхъ чувствъ способна душа всякаго человѣка.

Семья Васи, уважаемаго людьми и благословляемаго Богомъ, стала поправляться. Климъ, самый бѣдный крестьянинъ въ деревнѣ, могъ уже считаться зажиточнымъ. Наконецъ отецъ сталъ думать и о женидьбѣ своего сына; недостатка въ невѣстахъ не было. Но Вася не прельщался приданымъ, не искалъ денегъ, а искалъ только доброй и трудолюбивой жены: дѣвушки зажиточныхъ мужичковъ не нравились ему оттого, что были бѣлоручки, часто нанимали для себя работницъ, а сами, не принимаясь за дѣло, любили наряжаться и ходить по праздникамъ. Смышленный Вася ни за что не хотѣлъ подобной жены и говорилъ, что онъ ищетъ не барыни въ домъ свой, а хозяйки, чтобы все умѣла сдѣлать сама,

а главное была бы почтительна къ свекру и бабушкѣ; бѣлоручки же обыкновенно такъ зазнавались, что даже и своихъ родителей мало уважали. Наконецъ выбралъ дочь самой бѣдной вдовы, которая росла сиротою и была воспитана въ страхѣ Божіемъ, также какъ онъ, любила ходить въ церковь, уважала мать свою. Хотя эта невѣста считалась самою бѣдною въ деревнѣ, но Вася говорилъ, что съ такой исправной женою не разстроится его хозяйство, что трудолюбивыя руки лучше денегъ, которыя обратятся въ ничто, если хозяйка въ домѣ станетъ лѣниться и думать только объ удовольствіяхъ.

Этими умными разсужденіями склонилъ онъ наконецъ отца и бабушку; они не рѣшались съ нимъ спорить ни въ чемъ, видя на опытѣ, какъ все удавалось ихъ ненаглядному сыну. Въ Рождественскій мясоѣдъ Климъ поѣхалъ сватомъ къ бѣдной вдовѣ, которая и не ожидала такого счастія. Женихъ нравился ея дочери Парашѣ; по обоюдному согласію въ скоромъ времени сыграли свадьбу, и Василій съ Прасковьею зажили, что называется, припѣваючи. Оба испытанные горемъ и недостат-

ками, оба трудолюбивые, они вели свое хозяйство какъ нельзя лучше. Параша изъ всѣхъ дѣвушекъ считалась самою скромною; очень рѣдко выходила она въ праздникъ погулять на улицу, не сокрушалась, что у ней нѣтъ такихъ нарядовъ, какъ у подругъ ея, и неутомимо работала, чтобы прокормить мать свою, которая была уже стара и слаба; но при всѣхъ своихъ трудахъ она всегда была весела и не роптала на судьбу свою.

Домъ Василья становился болѣе и болѣе зажиточнымъ; въ скоромъ времени у нихъ была уже не одна корова, какъ прежде, когда они женились, а развелось цѣлое небольшое стадо. На мѣстѣ старой, кривой избы, они поставили новую, раздѣливъ ее на двѣ половины: въ одной жили сами, а другую отвели отцу и бабушкѣ, чтобы покойнѣе было старикамъ; современемъ пристроивъ еще комнатку, перевели къ себѣ и тёщу, мать Параши.

Василью Климычу, какъ теперь звали его, очень желательно было, чтобы пріѣхалъ къ нимъ тотъ господинъ, съ легкой руки котораго такъ удачно онъ успѣлъ устроиться.

Прошло нѣсколько лѣтъ; у Василья завелась уже семейка: два сына и дочь; но онъ все былъ тотъ же, какъ прежде, не думалъ копить деньги, а дѣлилъ все съ неимущими.

Василій Климычъ сдѣлался бурмистромъ, былъ покровителемъ и защитникомъ всѣхъ подчиненныхъ ему крестьянъ, особенно тѣхъ, которые не находили для себя помощи и сочувствія у своихъ сосѣдей; для такихъ сердце его было всегда открыто; при невозможности помочь имъ матеріальными средствами, онъ не оставлялъ ихъ безъ добраго совѣта и всегда его участіе вызывало искреннюю благодарность со стороны тѣхъ, кому онъ помогалъ. Жену свою поддерживалъ онъ въ томъ же духѣ смиренія, въ какомъ она была воспитана, будучи сиротой; онъ посылалъ ее навѣщать больныхъ и нещастныхъ, когда самъ не имѣлъ времени. Одну изъ первыхъ и важнѣйшихъ его заботъ составляло воспитаніе дѣтей въ страхѣ Божіемъ: не проходило ни одного воскресенья или праздника, чтобы онъ самъ или жена его не посѣщали церкви съ своими дѣтьми; при этомъ они учили ихъ стоять въ церкви тихо и съ благоговѣніемъ и быть сострадательными къ нищей

братіи. Это былъ образецъ истиннаго воспитанія, какого только желать можно: — въ немъ заключалось все, что можетъ человѣка сдѣлать истиннымъ сыномъ церкви и честнымъ благороднымъ гражданиномъ. Въ этомъ духѣ росли его дѣти и высокія добродѣтели развивались и укоренялись въ душахъ ихъ; отецъ наставлялъ ихъ на этомъ пути благочестивой жизни не. столько словами, сколько собственнымъ примѣромъ. Мальчики, какъ только подросли немного, уже сдѣлались неразлучными его товарищами въ посѣщеніи больныхъ и при подаяніи милостыни бѣднымъ.

Дѣти видѣли мать свою, съ усердіемъ занимавшуюся хозяйствомъ и очень часто оказывавшую помощь бѣднымъ. Примѣръ ея не оставался безъ подражанія: дѣти ея очень часто, встрѣтивъ на улицѣ бѣднаго старичка, или старушку, иногда же усталаго прохожаго, ласково приглашали въ свою избу и просили отца или мать накормить бѣднаго. Добрые малютки съ радостію всегда встрѣчали такого гостя и для нихъ не было большей радости, какъ та, когда дадутъ имъ пирога или блиновъ, чтобы поподчивать нищенькаго.

Почтенные старики дожили до того счастливаго времени, когда ихъ Вася сдѣлался отличнымъ хозяиномъ и трудился съ успѣхомъ для общественной пользы. Но глубокая старость приблизила ихъ къ могилѣ, въ которую и сошли они спокойно, благословляя Провидѣніе за пройденное поприще жизни. Однажды въ воскресенье, когда Василій съ женою и дѣтьми, возвратясь изъ церкви, садились обѣдать, вдругъ заскрипѣла калитка, кто-то вошелъ въ ворота. Василій послалъ старшаго сына посмотрѣть, кто тамъ. Мальчикъ побѣжалъ и объявилъ, что пришелъ какой-то старичекъ, такой слабый, что едва передвигаетъ ноги, чтобы взойти на лѣстницу.

— Это вѣрно бѣдный старичекъ, тятя, — сказалъ Петруша.

— Мама, дадимъ ему пирожка, — прибавила малютка Даша.

— Хорошо дѣти; но только прежде надобно ему помочь взойти, сказалъ Василій и проворно вышелъ на крыльцо, гдѣ и увидѣлъ старенькаго незнакомца, который съ трудомъ всходилъ по крутой лѣстницу съ высокими ступенями.

Василій подхватилъ подъ руки пришельца и осторожно повелъ наверхъ. Старикъ, посмотрѣвъ пристально ему въ лицо, усмѣхнулся, однако не сказалъ ни слова и продолжалъ идти, опираясь на его руку. Они вошли въ избу. Гость, взглянулъ на образъ, перекрестился и потомъ, поклонясь всѣмъ, сказалъ: — Здравствуйте, добрые люди; это конечно твоя хозяюшка, Василій Климычъ?

— Точно такъ, мой батюшка.

— А это твои дѣти?

— Да, сударь.

— Поцалуйте меня, мои душеньки.

— Подойдите же къ барину, — сказалъ Василій, видя, что у проѣзжаго былъ орденъ на шеѣ.

Дѣти, пріученныя повиноваться, подошли къ гостю, который, приласкавъ ихъ, выразилъ свое удовольствіе, видя такихъ милыхъ дѣтей у добраго хозяина.

— По милости Божіей, сударь, Господь благословилъ меня семейкой, — отвѣчалъ хозяинъ.

— И жена твоя какая красивая.

— Любитъ работать, мой батюшка: — а въ

этомъ состоитъ главная красота для насъ простыхъ людей.

— Какъ и для всякой женщины, въ какомъ бы ни была она званіи. По всему вижу, что ты человѣкъ умный и хорошо поживаешь.

— Да, сударь, также по милости Господней, безъ недостатка обходимся: хлѣбца и всего у насъ довольно.

— Ты, конечно, торгуешь чѣмъ нибудь.

— Нѣтъ, добрый баринъ, я занимаюсь хлѣбопашествомъ.

— И никогда ничѣмъ не торговалъ?

— Нѣтъ, мой батюшка, никогда ничѣмъ.

Проѣзжій началъ извиняться, что можетъ быть онъ помѣшалъ имъ обѣдать.

— Нѣтъ, сударь, вы намъ нисколько не помѣшали, и если милость ваша будетъ, то не угодно ли откушать съ нами хлѣба-соли, — много насъ этимъ одолжите!

— Хорошо, другъ мой; я давно выѣхалъ изъ дому, проголодался и не худо заморить голодъ.

— Милости просимъ, батюшка, чѣмъ Богъ послалъ. Хозяйка! подай щей, отрѣжь пирога

и принеси огурцовъ и сотоваго меду; видишь, какой дорогой у насъ гость, — говорилъ Василій, отодвигая столъ и сажая незнакомца въ передній уголъ.

— Но куда же вы, малютки? сказалъ баринъ, видя, что дѣти отошли отъ стола: — я одинъ не хочу обѣдать; садитесь всѣ, а иначе я уйду отъ васъ. Хозяинъ и хозяйка, вотъ ваше мѣсто подлѣ меня, и дѣтокъ своихъ посадите.

— Мы сядемъ, если это вамъ угодно, добрый баринъ; но прежде пусть жена моя подаетъ все, что надобно. Всѣ усѣлись за столъ.

— О, какія у васъ славныя щи! сказалъ проѣзжій: — и пирогъ дѣлаетъ честь хозяйкѣ; видно мастерица своего дѣла!—Гость кушалъ съ большимъ аппетитомъ и улыбался, поглядывая на возмужалое лицо Василья, съ окладистою бородкой. Потомъ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ: — однако мнѣ очень жаль, что ты ничѣмъ не торгуешь, тѣмъ болѣе, что я пріѣхалъ именно для того, чтобы запастись у тебя товаромъ.

— Да какимъ же, сударь? Вы конечно ошиблись, мой батюшка, не къ тому заѣхали;

вся деревня знаетъ, что я ничѣмъ не торгую и никогда не торговалъ.

— Ну, вотъ ужь это неправда! ты мнѣ самому продалъ одну вещь.

— Когда же это, и что такое добрый, баринъ?

— Можетъ быть, другъ мой, ты позабылъ,— именно въ то время, когда ты еще былъ не бургомистромъ и не Васильемъ Климычемъ, а просто мальчикомъ Васей.

— Что же я вамъ продалъ? спрашивалъ изумленный хозяинъ.

— Да и не мало, купилъ я у тебя! ровно двѣ дюжины....

— Неужели.... лаптей? вскрикнулъ Василій, дрожащимъ голосомъ.

— Да, на самомъ этомъ мѣстѣ, только въ старой, кривой избѣ.

— Господи милосердный! вскричалъ Василій; ложка упала изъ рукъ его, онъ вскочилъ изъ-за стола и, бросясь на колѣни, благодарилъ Бога, что молитва его услышана, что Господь привелъ къ нему его благодѣтеля. Слезы текли по лицу Василья; онъ схватилъ руки барина, целовалъ ихъ, кланялся ему въ ноги

и прерывающимся голосомъ повторялъ: «Такъ, вы мой первый благодѣтель; съ вашей легкой руки все стало мнѣ удаваться; послѣ васъ, мой батюшка, не было уже мнѣ запрету отъ домашнихъ ходить къ заутрени и подавать нищимъ; даже и купленные вами лапти, которые вы мнѣ оставили, продались опять очень скоро. А вотъ теперь ужъ какъ наградилъ меня Господь, не по моимъ заслугамъ, но по великой своей милости! Видите, я женатъ, имѣю добрую, работящую жену, здоровыхъ дѣтей, новую избу и не только не чувствую ни въ чемъ недостатка, но все у меня въ изобиліи — и хлѣба, и скота очень довольно; вотъ видите, какъ легка была рука ваша, благодѣтель мой!»

Все это проговорилъ Василій, не останавливаясь; гость его не могъ произнести ни одного слова, такъ сильно тронула его столь неожиданная благодарность, черезъ нѣсколько лѣтъ, и за что же? за какія нибудь полтора рубли серебряныхъ денегъ, данныхъ имъ мальчику, который теперь самъ сдѣлался зажиточнымъ крестьяниномъ. Эти мысли вызвали на глазахъ пріѣзжаго слезы умиленія и благодарности

Василію за то, что онъ доставилъ ему нѣсколько минутъ пріятнѣйшихъ въ его жизни, представивъ глазамъ его столь разительный примѣръ такихъ высокихъ чувствъ, которыхъ трудно найти даже и въ самомъ просвѣщенномъ обществѣ.

Этотъ господинъ, проѣзжая мимо ихъ деревни въ то время, когда Василій былъ еще мальчикомъ, не возвращался съ тѣхъ поръ въ эти мѣста и не болѣе какъ съ годъ времени получилъ въ наслѣдство большое имѣніе по близости деревни Липовки, стариннаго жилища Васи.

Здѣсь дошли до него разсказы о благородныхъ поступкахъ бурмистра, Василья Климыча, бывшаго прежде сыномъ самаго бѣднаго крестьянина и жившаго въ старой избушкѣ. Все это напомнило ему проворнаго мальчика Васю, какъ угощалъ онъ его въ своей бѣдной хижинѣ, а также и покупку у него лаптей, для того, чтобы наградить за трудолюбіе.

Неужели это онъ? подумалъ пріѣзжій господинъ, и любопытство завлекло его посѣтить нечаянно жилище уважаемаго всѣми бур-

мистра; и для того, не сказавъ никому ни слова, пріѣхалъ онъ въ эту деревеньку и, оставя лошадей на другомъ краю, подошелъ тихонько, къ выстроенному уже вновь крестьянскому домику, на мѣстѣ прежней склонившейся на бокъ хижины. Мы видѣли, какъ онъ туда вошелъ, и знаемъ, что тамъ происходило.

Но главное въ этомъ происшествіи то, что мы видимъ оправданіе словъ, сказанныхъ бубушкою Васи, что за Богомъ молитва не пропадаетъ.

Примѣръ Василья былъ такъ силенъ, что не только его дѣти, но и вся деревня мало по малу наполнилась добрыми, благочестивыми людьми, которыхъ трудолюбіе, благословляемое Богомъ, обратило со временемъ эту скудную хлѣбомъ деревеньку въ богатое многолюдное село; потому что, по примѣру своего бурмистра, усердные прихожане, сдѣлавшись чрезвычайно рачительными къ храму Божію, выпросили позволеніе и выстроили у себя каменную церковь. Такимъ образомъ, Василій Климычъ, достигшій глубокой старости, имѣлъ отраду видѣть начало благоденствія своихъ деревенскихъ товарищей и, кончивъ, какъ

истинный христіанинъ, свою добродѣтельную, полезную жизнь, былъ похороненъ подлѣ той самой церкви, которая воздвиглась общими трудами, по его же благому внушенію и примѣру. — Сколько добра сдѣлалъ этотъ одинъ человѣкъ, простой крестьянинъ!

Священникъ того села на камнѣ, покрывающемъ его могилу, велѣлъ сдѣлать слѣдующую надпись: «За Богомъ молитва не пропадаетъ: добродѣтели христіанскія награждаются не только за гробомъ, но даже и въ здѣшнемъ мірѣ.»

КОНЕЦЪ.